

Давид
Кутультинов

Горизонт
событий

Давид Кугультинов

*Горизонт
событий*

*В стихотворения
Поэмы*

МОСКВА
«СОВРЕМЕННОК»
1987

С (Калм)
К88

Рецензент А. Парпара
Оформление Р. Вейлерта
Иллюстрации Б. Косульникова

Кугультинов Д. Н.

К88 **Горизонт событий: Стихотворения и поэмы/Пер. с калм. Ю. Нейман и др.; Худож. Б. Косульников.— М.: Современник, 1987.—351 с., ил.**

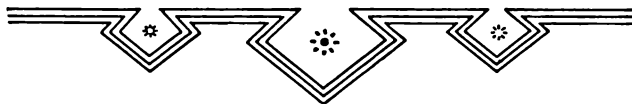
В новую книгу известного советского поэта лауреата Государственной премии СССР Давида Кугультинова вошли стихотворения и поэмы, созданные большей частью в последние годы.

К $\frac{4702240000-148}{M106(03)-87}$ —87

ББК84 Калм 7
С(Калм)

Стихотворения

* * *

В насыщенном чередованье
Ночей твоих и дней твоих
Нет слаще, выше нет сознанья,
Что ты — живой среди живых.
Жизнь оцени — глубоко, мудро!—
Дарует эту радость утро.

Еще неведенье храня,
Едва придя, оно без страха
Вбирает знания из праха
Уже законченного дня.

И потому ловлю в тиши
Его рождения приметы
И заклинаю луч рассвета:
— Коснись меня!.. О, поспеши!

* * *

Мать — Родина!

**Как матери пристало,
Средь всех твоих любимых сыновей
Найди несчастного. И обогрей
Того, кого судьба не баловала.**

**Прости бедняге грех его невольный,
Будь с ним по-матерински сердобольной.
В душе его надежды оживи...
Да расцветет в ней вновь цветок любви!**

ДЕТИ НА СЦЕНЕ

Когда на сцене — дети
И звонкий хор поет,
Талант при ясном свете
Пред вами предстает.

Вот он какой — воочью:
Он светел, как заря,
Смеется не нарочно
И любит, не хитря.

Когда на сцене дети
Кружатся, как цветы,—
Дышать как на рассвете
Всею грудью можешь ты.

Когда звенит на сцене
Высокий голосок,—
Сияет день весенний,
Играет в листьях сок...

Душа омыта светом,
Все чувства вновь кипят,
И мысль моя при этом
Находит с миром лад.

* * *

Везде, в любые времена
В своих приливах и отливах
Не воплощала жизнь сполна
Мечтаний даже у счастливых.

Мне ль на такую благодать
Рассчитывать?..

Скажу заранее:

Мне не приходится мечтать
Об исполненье всех желаний.

Нет у меня на это прав!
И я склоняюсь пред тобою,
О жизнь, с единственной мольбою:
Казни за все, в чем я не прав,

Но близких мне и дорогих
Не позволяй судьбе обидеть,
Страданий никого из них
Не дай глазам моим увидеть!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ

Да будет он, твой день, стоящий за дверьми,
Великой радостью наполнен через край!..
Пусть будет больше тех, кто скажет: — На, возьми!—
Пусть будет меньше тех, кто скажет: — Дай!

* * *

Не позабудьте об одном:
«Сейчас», «сейчас», а не «потом»!

«Потом» — понятие дурное —
Вы обходите стороною.

Проведав, что уже — в пути
Все то, что к вам должно прийти,

Направьтесь поскорей навстречу,
Хватайте за руки, за плечи!..

Пускай СЕЙЧАС приходит в дом!..

...Пусть смерть одна придет ПОТОМ!

ДРУГУ СТИХУ

Я верил, знал, что будет так,
Что рано или поздно,
Но все же ты подашь мне знак,
Ведь мы не можем — розно.

Я знал, что ты разбудишь тишь
Тебе и мне во благо,
Придешь и мыслью напоишь
Ожившую бумагу.

И вот — сбылось! Ты — здесь, в груди!..
Прими благодаренье!..
Подольше будь!.. Не уходи,
Мой друг — стихотворенье!

ЗЛАТОУСТ

«Он — златоуст», — мы говорим о том,
Кто быстрым, всеобъемлющим умом
Рождает речь — превыше всех похвал,
Кто словом за собою нас позвал.

Тот — «златоуст», чьи точные слова
Доступны для сознания большинства,
Кому людей обогащать дано
Открытиями, желанными давно.

Того, кто речью жгучею своей
Людские души делает смелей,
Кто оживляет нас своим огнем,
По праву «златоустом» мы зовем.

Тот — «златоуст», чье слово иль перо
Повсюду славят Правду и Добро.

...Но «златоустом» слыть не торопись.
Ты поначалу слушать научись!

Есть ум народный. Этот ум таков,
Что поглощает множество умов,
И ты, услышав слово иль совет,—
Не важно: нравятся они иль нет!—
Проникни в мысль,— пускай тебе она
Вначале показалась не верна...

**(А вдруг в ней все же — корни глубоки!)
Сокрытое зерно ты извлеки
И разумом впитай его сполна...**

**И возрастет из этого зерна
Тот колос, что вовек не будет пуст,
Так он исполнен мудрости и чувств...**

Тогда и впрямь ты будешь — «златоуст».

МЫСЛЬ И СЛОВО

Слово, с губ слетевшее когда-то,
В наши иль прошедшие года,
Мысль, во тьме блеснувшая крылато
И умчавшая невесть куда,—
Что они?.. Исчезли без возврата?
Сгнули во мраке без следа?..

Мысль и слово?! Не могу смириться!
Вижу — словно трепетные птицы,
Мысль и слово взмыли в высоту,
Одолели вечности черту,
И хранят они в просторах звездных
И того, кто некогда их создал.

* * *

Когда творить добро желаешь ты
Отдельным людям иль всему народу,—
Не отступайся от своей мечты,
Не делай ничего себе в угоду.
Крепи свое желанье и следы,
Чтобы огонь пылал в твоей груди.

И чтоб священный пламень не погас,
Чтоб мог еще сильнее разгореться,
Живые клетки отрывай от сердца
И, кровью истекая, всякий раз
Бросай тотчас в огонь рукой своей,
Все претерпи и боль преодолей.

И сердце, убывая с каждым днем,
Истает... Но последняя частица,
Как вся душа твоя, воспламенится
И осияет мир твоим огнем.
И свет, зажженный именем твоим,
Останется в веках неугасим.

КОГДА ОЖИВАЕТ СЛОВО

Хлопоча, сойдясь вокруг больного,
Побывавшего в глухой ночи,
Силу жить ему даруя снова,
Сделали открытие врачи:

Если стал активным «сектор речи» —
Та частица мозга, что хранит
Слово — первый признак человеческий,
Слово — наш оплот и верный щит,

Если замерцала на экране
Световая зыбкая волна,
По числу, по ритму колебаний
Врач поймет, что смерть побеждена,

Мрак ее лишь вдалеке маячит,
Отменен пока его устав...
Волны засветились — это значит,
Оживает слово, смерть поправ.

Вскоре до мельчайшего изгиба
Клетки мозга переполнит свет...
Человек вернулся к жизни, ибо
Там, где живо слово,— смерти нет!

О Пушкин!

Над его строкою
Задумавшись в который раз,
Вдруг открываешь в ней такое,
Что прежде пряталось от глаз.

И в просветленье, в озаренье,
Как под магическим стеклом,
Вдруг осознаешь измененья
В своем уме, в себе самом.

Полет души, кипенье крови,
Что раньше были не видны,
Глазами Пушкина уловишь,
Поймешь до самой глубины.

И, богом став, представишь зримо,
Что было скрыто от людей:
Как близится неотвратимо
Он, Пушкин, к гибели своей.

И, горе страшное предвидя,
Как в настоящем, — там, в былом —
Замечешься в глухой обиде —
Беспомощный в борьбе со злом.

Ты перетерпишь все страдания,
Как тот, кому однажды в ночь
Открылся клад всепониманья,
Которым людям не помочь.

Ты будешь мучиться жестоко,
Как некий злополучный бог,
Тот, кто свою зеницу ока,
Все зная, уберечь не мог.

ЧУДО ПУШКИНА

Несутся годы без оглядки...
«Постойте!» — нет, не постоят,
Не пощадят... Играют в прятки,
Посмотришь — стало шестьдесят!

Мне б снова юности немного!
Хоть миг ее вернуть хочу!..
Но, видно, нет такого бога,
Какому это по плечу!

Но Пушкин есть... Без изменений —
Свежа кастальская струя!
Что бог не может,— сможет гений,
Он чудеса творит шутя.

Уж сколько б лет ни набежало,—
Коснется он строкой своей,
И вновь кипит задорно, шало
В душе веселье юных дней,

Вернешься вновь в такую пору,
Где каждый в будущее вхож,
В ту сказку светлую, в которой
Ты вместе с Пушкиным живешь...

...За то, что милостью поэта
Ты, на мгновенье, может быть,
Почтенные забудешь лета,
Тебя кто смеет осудить?!

ВОЗРАСТ ПУШКИНА

1

Когда передо мной стихи
Поэта молодого,
Прощу ему я все грехи
За первородство слова.

Я счастлив, если озорной
Талант пробьется, брезжа,
Рад рифме, найденной впервой,
Рад каждой краске свежей...

Читаю про себя и вслух —
Чуть где талант почую...
Но в чем же молодости дух —
Определить хочу я.

Где тот, кто первый юный пыл,
Искристое кипенье,
Как бы играя, перелил
В сосуд стихотворенья?..

И в памяти всплывает вдруг
Кудрявый юный гений,
Друг Пушкина и Кюхли друг,
У царскосельской сени

Кивает Пушкин головой.
Веселый, смуглокожий,
Смеется —
 из живых — живой,
Всех молодых —
 моложе!

Когда перед тобою — труд,
 Что долгой жизнью добыт,
 И строки в разум твой войдут:
 В них лет нелегкий опыт.

Глядь, сердце снова зажжено,
 В нем боль и радость снова.
 Опять оно покорено
 Могучей тайной слова.

Поэт — по возрасту старик,
 Но духом непреклонный,
 Видать, до тонкости постиг
 Прекрасного законы,

И знает, где найти слова,
 И, точно их расставя,
 Как шелестят листва, трава,
 Показывает въяве.

Он — вправду мудр...

Но был один —

Кто жег сердца глаголом,
 Хотя не дóжил до седин —
 Всю мудрость превзошел он.

Наш Пушкин!

Он вовеки жив,

Вовеки не старея,
 Он, зрелость с юностью сроднив,—
 Всех мудрецов —
 мудрее!

ЧИТАЯ ПУШКИНА

В который раз я погружаюсь в них —
В творенья эти, навсегда живые,
И пушкинский, знакомый с детства стих
Опять читаю будто бы впервые.

Не исчерпаешь Пушкина до дна:
Все в нем — свежо, все — искрометно-ново.
Непостижима эта глубина
Простого будто бы, прямого слова!

Не угасает в нем волшебный луч,
Весь мир преобразующий чудесно...
И, кажется, я все ж нащупал ключ
К той тайне, что для нас отнюдь не лестна.

Хоть Пушкин внятен душам и умам,
Хоть с нами он скреплен глубинной связью,
Но все ж не нам — сегодняшним, не нам
Постичь его во всем многообразье!

Ведь все-таки — хотим того иль нет! —
Мы все еще подвластны силе косной,
В душе остался след ушедших лет,
Что были для поэта смертоносны.

А Пушкин — он душой дорос до звезд,
Кометы вокруг него, как птицы, вьются.

**И, если он предстанет в полный рост,
Нам, до него никак не дотянуться!**

**И, может быть, душа у нас глуха
К тем ультразвукам, что не слышит ухо,
К тем, что роятся вокруг его стиха.
Нам не дано еще такого слуха!..**

**Немало было их — певцов Земли,
Что возглашали славу всем живущим,
Но в прошлое они, застыв, ушли...
А Пушкин — это Завтра, он — в Грядущем!**

* * *

Понятье «Пушкин»!.. Солнечное слово!
Когда и где я услышал его?..
Из уст какого существа земного
Оно в мое проникло существо?..

О, если кто тот миг напомнил мне бы!..
Тогда б я понял в радости живой,
Когда впервые увидал я небо,
Когда я землю ощутил впервой.

Шепчу я: «Пушкин»... Солнечное имя!
Оно ко мне явилось не извне.
Оно, родившись с чувствами моими,
Как небо, как земля — всегда во мне.

ПУШКИН В НАШИХ СЕРДЦАХ

Кто из певцов, ушедших в даль времен,
Калмыцкому народу всех милее?
Какое из прославленных имен
Мы произносим все, благоговей?..

Безвестен был народ и невелик...
Но гений, на пути его заметя,
Сказал однажды: «Друг степей калмык»,
И все узнали: есть калмык на свете.

По всей Руси, по всем краям Земли
Пронесся стих отлива золотого.
И мы, калмыки, в круг людей вошли,
В круг тех, кто помнит пушкинское слово.

Тремя прикосновеньями резца
Запечатлен народа путь упорный,
И наши благодарные сердца
Чтут памятник певца нерукотворный.

ТРИ СЛОВА

Три слова, точно три свечи,
Затеплились в глухой ночи
Всех унижений и невзгод,
Какие вынес мой народ.

Три слова — «друг степей калмык» —
Вместили больше толстых книг,
Светилась в них, добром дыша,
Поэта щедрая душа.

Трехсвечия высокий свет
Не угасал в течение лет,
Он разгорался и предстал
Трехзвездьем прочным, как кристалл.

Три слова — «друг степей калмык»,—
Смягчив народа строгий лик,
Судьбы предназначтали суть
И к счастью указали путь.

НАДПИСЬ НА ПАМЯТНИКЕ ПУШКИНУ В ЭЛИСТЕ¹

Тому, кто мудрость всех веков постиг,
Тому, кто просиял, как солнце в тучах,
Тому, кто обновил родной язык
Созвучьями стихов своих певучих;
Тому, кто, отразив живую суть
Людских стремлений, чаяний России,
Предугадал ее грядущий путь,
Ее страданье и ее всесилье,
Тому, кто был воистину велик
В деянии любом и в каждом слове, —
Как все народы, друг степей — калмык
Признательностью платит и любовью.

¹ Последние четыре строки этого стихотворения высечены на пушкинском памятнике в столице Калмыкии

* * *

Порою жизни поздней, осенней,
Когда сердечный иссякает жар,
Что может быть желанней и блаженней,
Поэзия, твоих бессмертных чар?!

Как добрая волшебница, колдуя,
Ты возвращаешь силы прежних лет
И словно красишь голову седую
В блестяще-черный, юношеский цвет.

А сердце?.. Сердце молодеет тоже,
Ты будишь в нем, велев^ему: «Живи!»,
Волненье, что до странности похоже
На сладкое предчувствие любви.

И то, что нам казалось неизменно,
Что леденило, повергая в страх,—
Между мечтой и достиженьем стену
Оно готово уничтожить в прах...

Чего душа стыдилась пуще кражи,
Что мы смятенно прятали от всех,
Что почитали — пред собою даже!—
За смертный — но такой влекущий!— грех,

Оно освобождает от запрета
И наделяет полнотою прав...

Обратно в жизнь толкает чувство это,
С юнейшими из юных уравнив.

Ничуть морали строгой не нарушив,
Нет, высшей чистотой просветлено,
Оно свободой окрыляет душу...

Вот только... не обманчиво ль оно?

* * *

И я постиг, что музыка безмолвно.
Еще не порывая с тишиной.
Сияющие скапливает волны,
Послушная любви — любви одной!

Что живопись, — ни линии, ни цвета
Не утерев за долгие века,
Живым дыханием любви согрета
И Вечности лишь потому близка.

И что поэзия, чуждаясь шума,
Став электричеством у нас в крови,
Вдруг воплощается в дела и думы.
Послушная велениям любви...

Все эти тайны, все познанья эти
О появлении искусств земных —
Все лишь теперь, при ясном свете,
При Вашем ясном свете я постиг.

Все это мне лишь подле Вас открылось,
Когда, преображая все вокруг,
Сама любовь дарует мне, как милость,
Светящееся слово, цвет и звук.

Когда в прекрасных ласковых глазах
Я встретил луч желанный пониманья
Чужой судьбы и чувство состраданья
К обиженным, кто принужден впопыхах
Блуждать вдали от солнечного света,
Когда я осознал, что обогреты
Лучами милосердных ваших глаз
Все те, кто так нуждается в тепле,

Меж тем как вы идете по земле
Как бы прося прощения, стыдясь,
Что шумным праздникам любви и дружбы
Не радуетесь так, как было б нужно,
Поскольку вы душой — в чужой беде,—

Тогда-то стало мне понятно — где,
В каких истоках нежности и ласки
Художник гениальный черпал краски,
Когда решился ангела писать
И стал в искусстве божеству под стать.

И я благословляю этот миг,
Когда ваш добрый взор в меня проник
И озарил сознанья глубину.
И, радуясь удаче, неудаче,
Я прозреваю. И судьбе незрячей
Прощаю неразумную вину.

* * *

На облик ненаглядный
Смотрю со стороны
И вчитываюсь жадно
В черты, что так нежны.

О том, что вы вначале
Знавали боль обид,
Ваш лоб, чуть-чуть печальный,
Свидетельство хранит.

О некой горькой тайне
Морщинки говорят,
Но ясен чрезвычайно
Прощающий ваш взгляд.

А губы!.. Эти губы,
Что лепесткам сродни!
Всего, что лживо, грубо,
Чуждаются они...

Вот вы из тени вышли
В сиянье чар своих,
И все теперь излишне:
Все — мысли, время, стих.

Все в мире осияла
Любви моей заря,

Теперь мне ясно стало,
Что было все не зря,

Что жизни опыт строгий,
Что грудных лет гряда —
Лишь часть одной дороги,
Что к вам вела всегда.

КТО ЖЕ ОНА — ЛЮБОВЬ?

Песне дает она взор живой,
Все ж называют любовь слепой.
Правда ли то? Скажи!

Песне дарящая звучный лад —
Сама любовь глуха, говорят.
Правда ль оно? Скажи!

Песне дарующая слова —
Нема любовь, говорит молва.
Правда ль оно? Скажи!

Песне дающая мысли взлет —
Глупа любовь, говорок идет.
Правда ль оно? Скажи!

В мире не видящая ничего,
Кроме сияния своего,—
Правда, любовь — слепа.

Злобной не слушая клеветы
На ту, которую любишь ты,
Правда, любовь — глуха.

Слов не найдя среди слов земли,
Чтобы о ней рассказать смогли,
Правда, любовь — нема.

Прочь отшвырнув размышленья, страх,
Счастья не меряя на весах,
Правда, любовь — глупа.

Правда... Но правда не до конца.
Кто проникает в наши сердца
Зорче любви-слепца?!

Имя возлюбленной назови,
И отзовется звоном в крови
Голос глухой любви.

Чувств и неясных желаний рой
Сможет ли высказать кто другой,
Кроме любви немой?!

Солнце — любовь!.. Озаряй!.. Владей!
Есть ли он где — мудрец, чародей,
Глухой любви мудрей?!

* * *

Когда, спасаясь от метели,
В натопленный вбегаешь дом,
Хоть руки и околели,
Ты их согрешь над огнем.

Вот где она — реальность рай!..
По жилам сладко потекло,
Блаженно тело согревая,
Животворящее тепло.

Так и душа, забыв тревогу,
И раздражение, и гнев,
Близ вас теплеет понемногу,
И отдыхает, просветлев.

...И вдруг я оказался в некоем крае,
Досель от зренья ускользавшем. Он
Не нашим был законам подчинен.
Причудливыми красками играя,
Иными мне предстали даль и близь
Здесь — на земле надежд, что не сбылись.

Здесь я увидел въявь свои мечты.
Они содеяли из пустоты
Живые формы, но без нашей плоти,
Которая не в меру тяжела.
Полупрозрачны были их тела
И трепетали, будто бы в полете.

Здесь, в крае этом, в глубине, на дне,
Виденья юности предстали мне.
Стремительно они неслись куда-то,
Меня очертанья на лету...
Вдруг я узнал Единственную, Ту,
Прекрасную, которой нет возврата.

И я рванулся к ней, без слов крича.
Она, скользя по лезвию луча,
Приблизилась, преодолев пределы,
Согрела сердце, источая свет.
И мне почудилось: разлуки нет...
Но тут она внезапно отлетела.

И острой болью сердце мне ожгло.
Она... О, как ей было тяжело
Меня покинуть вновь — теперь, в тот самый

Единственный отпущенный нам час!
Я чувствовал, она вокруг вилась.
Тоскою став, рвалась ко мне упрямо

И я стремился к ней — любви моей.
Здесь, в этом крае призрачных теней,
Я понял, что когда-то, в изначалье,
Два сердца разлучили на века,
Но, как звезда к звезде издалека,
Они друг к другу тянутся лучами

И если... если все же наконец
Любовь разъединенных двух сердец
В одно сольется, руша все преграды,
То потрясет все мирозданье взрыв,
Земля замрет, свой бег остановив,
И вод вселенских вздыбятся громады.

Опьянена блистанием минуты,
Цветеньем мая, зеленью густой,
Со мной ведешь ты разговор, как будто
Совсем бессодержательный, пустой.

О том, о сем щебечешь, точно птичка,
О книгах, о погоде всякий вздор...
Но наших глаз горящих перекличка
Волшебно изменяет разговор.

Хотя суждения твои толковы,
Признаться, я их слушаю едва.
И до меня доходят не слова,
А то, что — между слов, что выше слова.

Но только речь рискну я завести
О чувствах — ну, хотя б одним намеком,
Меня тотчас же с этого пути
Уводишь ты, как будто ненароком.

И темы изменяешь существо,
И на меня глядишь почти с укором,
И я дивлюсь неволью: до чего
Умело ты владеешь разговором!
Как будто всеми силами души,
Глазами, чувствами своими всеми
Меня ты убеждаешь: «Не спеши.
Ну, помолчи!.. Словам еще не время!»

И впрямь, слова пока нам не нужны,
И потому набор их — беден, жалок...

**И если кто-нибудь со стороны
Услышит этот странный наш диалог,—**

**«Глупцы!— небось подумает о нас.—
О всяких пустяках болтают, благо —
Тепло...»**

**А разговора наших глаз
И не заметит, верно, он, бедняга!**

* * *

Когда густой туман житейских мелочей
Проникнет в дни мои и в глубину ночей
И, задыхаясь, я грущу и выхода не чаю,
Лицо твое во мгле возникнет, серебрясь.
И превратится в свет, и оживает связь
Со всем живущим, радость излучая.

* * *

Нет для меня желаннее труда,
Чем Ваши просьбы исполнять всегда,
И чем задача кажется трудней,
Тем больше радости душе моей.

Когда бы врач о Вас сказал мне вдруг,
Со всею правотой неоспоримой:
«Чтоб победить грозящий ей недуг,
Ей сердце заменить необходимо!»,—
То, Ваше имя милое шепча,
Не мучаясь, лишь радуясь при этом,—
Я от хлопот избавил бы врача
И грудь свою бы сам рассек ланцетом!

И сердце, кровью озаряя мрак,
В ночи затрепетало бы, как знамя,
И я — из моды вышедший чудак —
Воскликнул бы, подняв его пред Вами:
— Вот — это сердце!.. С первого же дня
И до конца — что б там ни приключилось!—
Оно — лишь Ваше!..

Но явите милость
И просьбой вновь порадуите меня!

В ЛЕСУ

Тучи сбились в небе, тяжелея,
Так, что с треском что-то порвалось,
И в прорехе огненные змеи
Заметались.

Вьются вкривь и вкось.

Все внезапно стало незнакомо:
Небеса, река и горный скат,
Где деревья, ошалеv от грома,
С мест своих сорваться поровят.

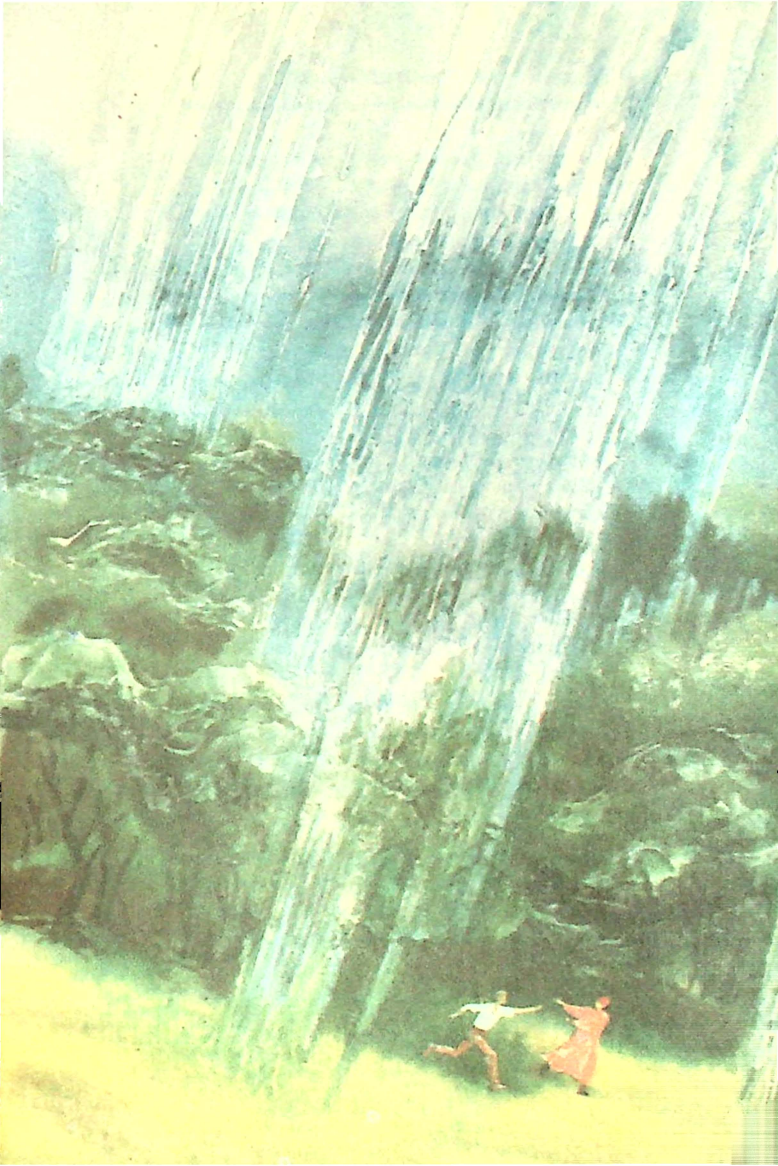
Сердце замирает от испуга...
И, стремясь укрыться где-нибудь,
Девушка в слезах прильнула к другу,
В страхе бросилась к нему на грудь.

Гром, как в древних сказках и поверьях...
Приникая к парню все тесней,
Девушка лепечет: — Глянь на берег!..
Видишь гривы огненных коней?!

Видишь, к нам несется колесница,
Аранзалами¹ запряжена?..—
Парень смотрит... разглядеть он тщится
То, что видит явственно она.

В сумрак взгляд вперяя понапрасну,
Видит он лишь дождь со всех сторон,

¹ Аранзал — сказочный конь.

Но душа его со всем согласна.
— Правда, правда...— подтверждает он.

— Правда, скачут нам на помощь кони!
Через миг и нас умчат с тобой!..—
Для него прекрасней всех симфоний
Этот гром и ливень грозовой.

Девушка — все тише, все безмолвней...
Вспыхивают синие огни.
Личико ее при блесках молний —
Краше, чем у сказочной Рагни¹.

А глаза!.. Так смотрят только в детстве!
Видно, что душа ее светла.
На родной груди от бурь и бедствий
Девушка защиту обрела.

И притихла, сердцем постигая,
Что под грохот неба, рокот вод
Жизнь вторая, милая, другая
В ней самой возникла и растет...

И ее любимый — смуглолицый —
Показался ей богатырем.
Правит он волшебной колесницей,
Что по жизни их несет вдвоем.

¹ Рагни — персонаж калмыцкого эпоса.

**Ведь вот какое сотворил он чудо —
Цветок, один цветок из женских рук!**

**И грустно мне... И все ж почти как прежде
Жду с нетерпением завтрашнего дня...
Надежда это?.. Память о надежде?..
Как знать?.. Но это радует меня.**

* * *

Нет силы смертоноснее, чем слово,
Мне это ведомо уже давно.
Ценою лет, отмеренных сурово,
Ценою бед оно подтверждено.

И потому-то вас я заклинаю
Лишь об одном: когда, меня браня,
Наскажет обо мне молва людская,—
О правде вы спросите у меня.

Расспросы ваши всей душой приму я.
Молю, меня спросите!.. И тогда
Вершите суд — в открытую, впрямую...
Что праведней открытого суда?!

Лишь мне и сердцу вашему поверьте,
Что в этих слухах — верно, где — навет...
Да будь я даже под угрозой смерти,
Лишь правду вы услышите в ответ!

Лишь правду. Только правду... Вы на ощупь
Узнаете, в чем смысл ее и суть...
Погибнуть мне — и радостней, и проще,
Чем вас хотя бы в чем-то обмануть!

* * *

Еще не создавали свет
Светлее женщины влюбленной,
И никого на свете нет
Смелее женщины влюбленной.

Спасая милого, она
Без колебаний все разрушит.
И — если вправду влюблена —
Погубит и семью, и душу.

Все беды для нее — не в счет,
Расправится с любой напастью.
Смерть за любимого почтет
Такая женщина — за счастье...

Но если только в нем самом
Она коварство разглядела,
То в оскорблении своем
Она не ведает предела.

Что для нее чужой покой,
Препоны совести и чести?!
Для гневной женщины такой
Нет ничего желанней мести!

Жесточе нет ее суда!
Ей милосердие — не мило,

**Она смирится лишь, когда
Сведет обидчика в могилу!**

**Пусть с граем вьется воронье!
Пускай клеймит его злословьем!..
По силе ненависть ее
Сравнится лишь с ее любовью!**

* * *

Моя соседка, как бывает в семьях,
Обиделась на мужа своего.
Она со мною горестями всеми
Делилась, не скрывая ничего.

Она, от них освободиться силясь,
Меня с собою рядом усадив,
Вздыхала. Слезы по щекам катились,
Свидетельствуя, что рассказ правдив.

Я исповедь бесхитростную слушал,
Сочувственно молчание храня.
Старуха, отведя немного душу,
Прощенья попросила у меня.

За что? За то, что на плечи соседа
Переложила часть беды своей.
А я за откровенную беседу
И за доверье — поклонился ей.

РАЗГАДКА

Чтобы еще раз убедиться
Во властной силе ваших глаз,
Вы — сердца моего царица —
«Пишите!» — дали мне приказ.

Я обомлел... Но без заминки,
Чтоб только вас не огорчать,
Открыл футляр моей машинки,
Спеша стихи для вас начать.

«Во славу вашей долгожданной
Любви, что счастье мне сулит...» —
Так начал я...

Но — как ни странно! —
Вдруг взбунтовался алфавит.

Да, как на клавиши ни давишь,
Как ни стараешься писать, —
Не одолеть упрямства клавиш:
Все в гнезда падают опять!

Напрасно я все злее, злее
По клавишам строптивым бил,
Напрасно, пальцев не жалея,
Давил, стучал что было сил,

Нет, не хотят!..

А вы... вы — рядом...
За тем, как не дается стих,
Следите равнодушным взглядом.
Вам дела нет до чувств моих.

А литеры — я слышу — судят
Меня, волнуясь и звеня...
Во всем, что было, есть и будет,
Виня лишь одного меня!

И вдруг бумага запестрела
И буквы двинулись по ней —
Кроваво-красные на белой...
Да это ж — кровь!.. Она — видней.

И я почуял холод едкий
И, вздрогнув, осознал в тоске:
Не буквы — мозговые клетки
Слоятся жутко на листке!

А вы — почти без интереса
Глядите — будто издали,—
Как будто перед вами — пьеса,
Конец которой вы прочли...

Вы усмехаетесь недобро,
И, ощущая торжество,
Вы ясно видите чрез ребра
Мученья сердца моего...

И тут я застонал в обиде,
Пронзил все тело странный ток,
И я проснулся...

И увидел
Машинку, начатый листок...

И вспомнив давние сомненья:
Мол, все же любит или нет?—
Вдруг осознал, что сновиденье
Правдивый мне дало ответ.

ЖДИ!

То время придет, Сяхля, непременно!
Терпеньем мое предсказанье проверь.
Ты только Мечтой все случайности мерь
И верь, без сомнений, в Мечту вдохновенно!

И явится Он — воплощенье Мечты,
Каким, Сяхля, ты его сотворила.
Дорогу к себе ты ему проторила.
Но все ж удивишься когда-нибудь ты —

Что именно Он, а не кто-то другой,
Тебе улыбнется, навстречу шагая:
«Как долго искал я тебя, дорогая!»
Ты скажешь: «Тебя я ждала, дорогой!»

Когда-нибудь после, спустя много лет,
Расскажешь ты сыну, взглянув ему в очи:
А знаешь, сынок, ведь отца напророчил
Когда-то давно мне калмыцкий поэт.

1956

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Посвящены жене моей —
Алле Григорьевне Кугультиновой*

* * *

Нет, нет! Я вовсе не жалею
Покой безрадостной тиши,
В опале грустно тяжелея
Безмолвно страждущей души.
В потоке дней чужих, шумливых,
Скажу я честно, не тая,
Незвано, робко и стыдливо,
Как будто жил и не жил я.
Но в дреме тягостной, бесстрастной,
Свернувшись в яростный комок,
Вольна, нелжива и всевластна,
Любовь сыскала уголок.
Чужда насилья и притворства,
Она, прекрасна и светла,
С присущим только ей упорством,
Томясь, тебя одну ждала.
Так под корой земли морозной
Весенний цвет в былинках спит,
Но день грядет, и сказкой звездной,
Встряхнув, он душу оживит.

1951

* * *

Гармонию мелодий без звучаний,
Неведомых стихов приветный шум
Я в тихий край страны своих мечтаний,
Как дар от вас, с собою приношу.

И тихий край, увенчанный цветами,
Который раньше грустно сиротел,
В лучистых звуках, полных только вами,
Во мне, ликуя, радостно запел.

И я забыл про все, про всё на свете,
Мне стала жизнь желанна и легка.
Как будто так я много жил столетий
И буду жить я так еще века.

1951

* * *

Улыбкой ласковой привет
Зачем вы часто мне дарите?
Велит ли так вам этикет
Иль песни чувствует наитье?

О, если б мог я чуть раскрыть
Мечтаний ваших ход незримый,
Постичь значенье той тоски,
Что взгляд метнет как будто мимо,

Уверен если б был я в том,
Что вами буду не покинут,
Когда несдержанным огнем,
Горя, слова неожиданно хлынут,

Тогда бы все я вам сказал,
«Люблю!»— сказал бы я тревожно...
...Мечте я нынче волю дал,
«И невозможное — возможно».

1953

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Когда в ликующем апреле
Тебя для жизни мир позвал,—
К нам птицы с юга прилетели,
Зеленый шум в лучах играл.

Тогда все юностью дышало,
Дни были будущим полны.
Ты солнце в кровь свою вбирала
По праву дочери весны.

Чтобы потом, сквозь четверть века,
Его с собою принести
В суровый край ночи и снега
И тем любовь мою спасти.

1953

СЛУШАЙ КОМАНДУ!

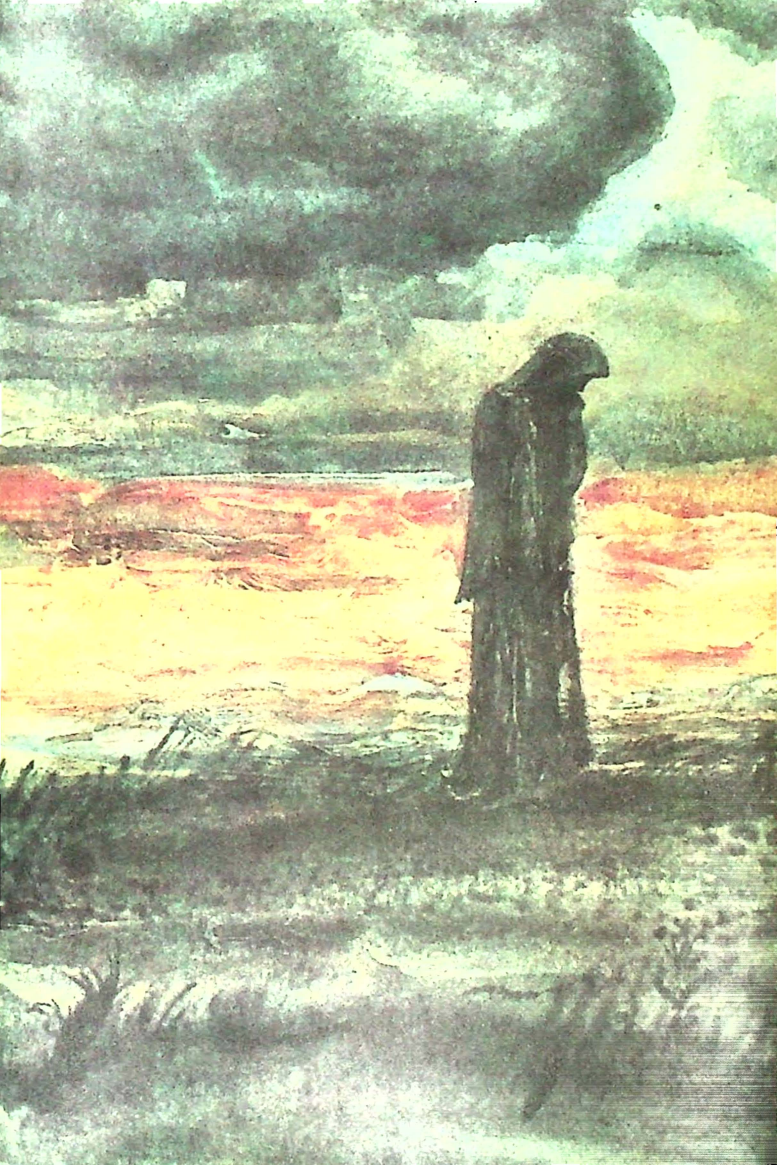
Ради того,
 чтоб войны стихия
Стихла,
 чтоб радость вошла в наш дом,
Чтобы скорее бойцы лихие
Сняли шинели в кругу родном,

Чтобы тревоги, чтобы отбои
Не разрывали впредь тишины,
Чтобы красавицы пестрой гурьбою
Встретили нас,
 пришедших с войны,

Чтобы справляли все новоселье,
Не уставали бы пировать,
Чтобы надежды, чтобы веселье
В наши края вернулись опять,

Чтобы в квартиры, кибитки, сакли
Запросто вновь являлись они,
Чтобы сердца наконец обмякли,
Сбросили груз железной брони,

Чтобы на празднике мира
 чаши,
С пеньем йорела, нам поднесли.

В КИНО, ГДЕ ПОЛЫХАЛА ВОЙНА

То, что, казалось, отошло давно,
Что стало прошлым,— нынче вновь со мною.
Сегодня вновь я встретился в кино
С недоброю знакомкою — войною
И — в первый раз — смотрел со стороны
В ожесточенное лицо войны.

Шел фильм. Но в нем снимались не актеры.
На киноплёнке был запечатлен
Живой поток героев тех времен.
Пехота, минометчики, саперы,
Чьи подвиги вовеки не умрут,
Вершили на глазах свой тяжкий труд.

И я смотрел, невольно пригорюнясь,
На эту боль. И горько было мне.
Там, на экране, корчилась в огне
Моя насквозь простреленная юность,
Вновь заволакивал тяжелый дым
Все то, что жизнь сулила молодым.

Сквозь грохот канонады слышал я
Родные голоса, призывы, стоны...
Двадцатилетние мои друзья
Сражались среди стихии разъяренной,
Там, где всего сильнее был накал...
Казалось, я в лицо их узнавал.

Всем пылом юности служа Отчизне,
Они стократно подавляли страх,
Бросались в пекло, падали во прах
И гибли, гибли, не изведав жизни...

В бессмертье вписаны их имена.
Но их самих — увь! — смела война.

Как много не вернулось — молодых,
С горячими сердцами, в полной силе!
И больно было мне смотреть на них,
Но все ж глаза мои сухими были,
И думал я, что, закалясь в борьбе,
Мы разучились плакать о себе.

Мне думалось: картины нет сейчас,
Изображенья нет такого ада,
Чтоб слезы потекли из наших глаз...

Тут я увидел кадры Ленинграда.
Голодный город. Ледяную ночь.
И вздрогнул. Я бессилён был помочь.

Там был такой бескровный эпизод,
Обычный, порожденный лихолетьем...
Встречали в Ленинграде Новый год.
Солдаты привезли подарки детям,
Урвав из рациона своего
Кусочки хлеба — только и всего!

И вижу: мальчик, малое дитя,
Доев свой хлебец с худенькой ладошки,
Глазами лихорадочно блестя,
Оглядываясь, слизывает крошки
И глубже их засовывает в рот:
А вдруг хоть что-нибудь да упадет!

И, убедившись, что ладонь пуста,
Лицом к ней приникает, дышит с дрожью:
Пусть нет ни крошки. Пусть ладонь пуста,
Но хлебный запах остается все же!..

**Он поднял голову, взглянул на нас...
Я вскрикнул. Слезы брызнули из глаз.**

**Сквозь толщу лет проник он — детский взор,
И точно полоснул меня с экрана
Его смиренный, жалобный укор...
И показалось мне, как будто рана
Раскрылась, и опять заныл во мне
Осколок, что получен на войне...**

**И снова в сердце места нет живого...
Как эту боль жестокою избыть?..
И рвусь я в те года вернуться снова
И Гитлера убить.**

ПАМЯТЬ

Мы смотрим телепередачу,
Где столько славных кадров, где,
Как рыбки, право, не иначе,
Младенцы плавают в воде.

Ходить еще не могут толком
Без опасающей руки,
А как плывут!.. На спинке, боком,
Ныряют резво, как мальки.

Смотря на них, я твердо знаю,
Что мы близки к семейству рыб,
Вода — стихия; нам родная,
Сдружиться с ней мы вновь могли б,

Искусство плавать — нам не чуждо,
А в детстве — ключ к нему так прост...
И вспомнил я совхоз, речушку
По имени — Собачий хвост.

Название это к ней пристало:
Собачий хвост — ни дать ни взять!
Так весело она виляла,
Нас не желая отпускать.

Наш край известен был безводьем,
И мы, ребята, день-деньской,
Бывало, на воде проводим
И не нахвалимся рекой!

Мы затеваем поединки,
Друзьям показывая прыть:

Кто — дольше пролежит на спинке,
Кто сможет под водою плыть...

Бредешь, голодный и усталый,
Домой... А дома от родни
Ох как, случилось, нам влетало
За то, что даром тратим дни!

К чему, мол, плавать нашим детям?!
Наш спорт не ставили ни в грош...
Кто думал, что уменьем этим
Себя спасешь?.. И мир спасешь?..

...Плывут младенцы вдоль экрана,
Так беззаботна их игра!..
А в памяти, как из тумана,
Встает война... И ночь Днепра...

«Вперед!» ...Упала бомба рядом...
Орудий не смолкает гром...
Нас осыпают пули градом...
За командиром мы идем...

«Вперед!» ...Не разбирая броду,
Идем, прижавши автомат...
Кто может плавать — смело в воду...
Не можешь?.. Нет пути назад!..

Светло, как днем... Но столько жути
В лучах зеленых, неземных...
Свет — там, вверху, на парашюте,
Не угасает ни на миг...

Противник бьет из пулемета,
С небес бомбит... Но все равно

Плывем вперед... И берег — вот он!
Нога нащупывает дно...

Прочь ускользает камень верткий...
Вперед!.. Не то друзей предашь!..
Солдат в намокшей гимнастерке
Кричит сквозь грохот:
— Берег наш!

И только утром о потерях
Узнаём... Скольких нет в живых...
Выносит скорбный Днепр на берег
Тела товарищей моих.

Иной не поцарапан даже,
Ранений нет на нем следа.
Сражен солдат не пулей вражьей —
Убила смелого вода!

Достались смертные постели
Тем, кто прошли сквозь сотни бед
И только плавать не умели,
Не научились с детских лет...

И с благодарностью горячей
Я вспоминаю каждый раз
Речушку нашу — хвост Собачий,
Ведь он меня от смерти спас!..

А в сердце кровоточит рана,
Жаль тех, кто лег на дно реки...
...Плывут младенцы вдоль экрана,
Резвясь, ныряют, как мальки.

ТРЕВОГА

С утра ловлю последние известья,
Газеты пробегаю... И во мне
Растет
 с тревогою глухою вместе
Мысль о Земле,
 о трудном нашем дне...

Призвав на помощь опыт свой немалый,
Тщусь прочитать в строке и между строк —
Так что ж вплотную перед нами встало?..
Что будет с миром через краткий срок?..

Что будет завтра?..
 Лет грядущих сотни
Не для меня: мне не дожить до них!
Увидеть Завтра
 я хочу Сегодня,
Чтоб в суть его немедленно я вник!

И лист газетный с пестротой всегдашней,
Та полоса, что от шрифтов черна,
Мне представляется взрыхленной пашней,
Где зреют Будущего семена.

Ведь зернышки, что в каждом человеке
Содеяли душа его и труд,

Собрал в одну суму хозяин некий,
«Владыка Время» — так его зовут,

Бредет с сумой тяжелой за плечами,
С повязкой на глазах... И на ходу
Все упования наши, все печали
Горстями сеет, сеет в борозду...

Что прорастет из темных этих зерен,
Покажет, может быть, ближайший год.
Какая травка пустит в землю корень?..
Какую тотчас ветер унесет?..

Быть может, там, средь поросли зеленой —
Росток людского счастья на века?..
А может, там исчадие дракона
Попискивает — слабое пока?..

Нас мудрецы великие учили:
«Найдя Добро — растить его спеши!
А Зло, пока оно не в полной силе,
Покуда не раскрыло глаз,— круши!»

«Мать осторожности — не плачет»...

Это

Пословицею сделал наш народ.
И, с осторожностью приблизив к свету,
Рассматриваю в лупу каждый исход.

Грядущее пока неуловимо,
Расплывчивы пока его черты,

Но горечью, но едким духом дыма
Нет-нет дохнут газетные листы...

И, словно обжигаясь, прочь газету
Отбрасываю... Вздрогнув, узнаю
Известные мне издавна приметы,—
Я вижу юность горькую свою...

Как закричать, чтобы услышан всеми
Мой голос был!.. Чтоб до людей дошло:
Опомнитесь!.. Пока еще есть время!
Пока не поздно —
погасите Зло!

И вдруг просияло его лицо,
А взгляд стал остер и светел,
Как будто он дома, ступив на крыльцо,
Нечаянно друга встретил.

И он закивал мне: «Совет, Совет»...
А мне послышалось: «Брат мой, брат»...
«Совет»,— говорил он.

Я слышал: «Привет».
«Совет»... Мне слышалось:
«Как я рад!»

И он показал на себя и вокруг
Обвел рукой закрубелой;
Я понял: «Ты здесь — не чужой, мой друг.
Нам всем до тебя — есть дело.

Мы все на планете Земля живем
И здешним воздухом дышим.
Весь мир земной — наш единый дом
Под сине-белою крышей.

Мы рядом живем. И все мы должны —
И день ото дня все зорче!—
От ржавчины, порчи...

От бед войны
Беречь его —
дом наш отчий!»

ЛЕБЕДИ ПЛЫВУТ...

Лучи играют на воде, на травах...
По синеве к нам близятся, скользят
Два лебедя — прекрасных, величавых,—
А следом — шесть пушистых лебедят.

Два белых сна плывут к нам наяву,
Две чистоты — не сыщешь в мире чище!—
Плывут и обучают на плаву
Своих малюток добыванью пищи...

Глаз оторвать от них я не могу...
Не я один!..

Кругом на берегу,
На сочном фоне зелени и неба —
Сияют лица взрослых и ребят...

— Сюда!— они кричат... И птиц манят,
Кто круглый бублик, кто кусочек хлеба
Вверх поднимая,— чтобы позаметней!..
И вижу я, что шустрый мальчуган
Таким же ликованием обуян,
Как все, как я — шестидесятилетний!

Подплыли птицы... Тянутся упруго.
И скромные дары из наших рук
Берут — о милые!— с доверьем друга...

С доверьем!..

**И осознал я вдруг,
Что все мы — птицы, травы и деревья,
И люди, что сейчас сюда пришли,—
Мы — жители, строители Земли —
Мы все истосковались по доверью!..
...И если все доверье обретем,—
Жизнь заиграет солнечным огнем!**

Карловы Вары

* * *

Вдалеке от шумных поселений
Многие столетия подряд
Люди, опускаясь на колени,
Вместе с этой статуей скорбят,
По тропе спешат, по бездорожью,
Чтоб сложить цветы к ее подножью.

Люди эти скромные, простые,
Украшающие жизнь трудом,
Призывающие мир в наш дом.
И, смотря в их лица не впервые,
Я, не помышляющий о боге,
Вижу, что они — друзья в итоге,

Что сейчас пред ними — не святая,
Исцеляющая от скорбей,
Что они приходят, почитая
Горе доброй матери своей.
И смолкают, на коленях стоя,
Пред ее духовной красотой.

Карловы Вары

ИЗ АМЕРИКАНСКИХ ВСТРЕЧ

— Скажите нам впрямую, не темня,
В чем суть марксизма, смысл его сокрытый?—
Спросили раз в Америке меня
Довольно раздраженно и сердито.

Та правда, знать которую пора,
За рубежом по-прежнему загадка...
— Марксизма смысл есть торжество Добра,
Добра для всех... — так я ответил кратко.

— Добра для всех?.. Так, значит, вы и мне
Уступите добра кусочек малый?..—
Вдруг женщина красивая сказала,
Сидевшая немного в стороне.

— И вам... И вы — гражданка всей Земли,
И вам дадут частицу без сомненья.
К тому ж Добро — его, как ни дели,—
Становится лишь больше, а не меньше.

— Частицу? Доллар, два?.. За честь почту!—
Блеснули зубы у американки.—
Известно ль вам, что на моем счету
Лежит не меньше миллиона в банке?

— Ваш миллион пускай себе лежит.
Он ваш, его касаться мы не будем.
Но вместе с вами он принадлежит
Другому, мне,— всем прочим в мире людям!

Не знаю, поняла она иль нет
Мои слова, но разве в этом дело?
И все ж едва закончил я ответ,—
Ее улыбка как-то потускнела.

Как будто бы она обойдена,
Как будто бы в краю неозаренном
Осталась одинешенька-одна
И со своим бездушным миллионом.

* * *

Как-то на земле Туниса,
В чужедальнем далеке,
Край родимый мне приснился,
И проснулся я в тоске.

Вижу: все вокруг чужое,
Все не наше, не про нас...
Ощутил я всей душою
Холод пройденных пространств.

Но как раз в минуту эту
Вдруг, в окошко залетев,
Задрожал в лучах рассвета
С детства милый мне напев.

Пела малая пичуга...
В песенку ее вошли
Запах дома, ласка друга,
Все тепло родной земли.

И роднее стало небо,
Растопился холодок...
Понял я, что, где б я ни был,—
Я нигде не одинок.

Тунис

ДОМА

Все эти годы я провел в движенье.
На Запад и далёко на Восток
Плыл и летал...

Но все же притяженья
Земли родной преодолеть не мог...

И я опять — в родном хотоне¹, дома...
У дяди, где остановился я,
Собираются соседи и друзья...
Их облики — знакомо незнакомы...
Вот — вроде сотоварищ детских лет!..
Да нет, не он!.. Тот был бы нынче сед!

Пусть позабыл его я, на беду,
Я радуюсь пришельцу, как когда-то,
И обнимаю, как родного брата...
— Сюда, сюда!..—

к столу его веду.—
Сюда садись, дружок! Не обессудь,
Что не назвал тебя... отвык чуть-чуть...

Да и они отвыкли от меня:
Смущаются и медлят у порога...
Но времени прошло совсем немного,
И вот за стол уселась вся родня,

Соседи, дети их...

Не счесть гостей!
Все жадно ждут сенсаций, ждут вестей.

¹ Хотон — селение.

И я с волнением озираю стол...
— Друзья мои!.. Ведь я же, как ни странно,
Ведь я же — полномочный ваш посол.
Я ради вас, друзья, объездил страны,
По вашему заданию, хоть оно
Нигде печатью не подкреплено.
Я вам поведаю от всей души,
Что думаю о жизни, об эпохе...
Друзья мои, все земли хороши,
И люди, в большинстве своем, — не плохи,
Но здесь, у нас — душевное, теплей,
И вы, однокотонцы, всех милей,
При всех грехах — замечу наперед...

Смеются все... И каждый благодарен
За искренность...

— Нет, этот не совет!
Наш парень!.. Нашего хотона парень!—
Они друг другу тихо говорят,
Не важно, что «парнишке»—шестьдесят!

Теперь они освоились вполне,
И разговор пошел между своими,
А дядя мой подсказывает мне,
Как собеседника зовут, как имя

Отца его...

Я понял наконец
Причины сходства: он — как есть отец!

А где отцы?.. Остались имена,
А их самих меж нас до боли мало.
Ах, скольких, скольких здесь, у нас — не стало!

Что делать?.. Годы!.. И война, война...
До времени мы многих потеряли,
И горько...

Но утешимся в печали:
Пусть сединой покрыта голова,
Пусть мало сверстников и понемногу
Все мы уйдем в неизвестную дорогу,
Но жив хотон!

 Душа его жива!
И даже, кажется...
 Скажи на милость,
Похорошела и омолодилась!

ВЫСОКИЙ СВЕТ

Я знаю: ничего сильнее нет,
Чем Разум, чем его могучий свет.
Ума всепобеждающая сила
Немало бед уже предотвратила.
И верю я: она в конце концов
Грядущее спасет от катастроф.
Я верю, что она взнуздает атом
И тот смирит свой смертоносный нрав,
Что человек, сознание воспитаю,
Другому человеку станет братом,
Что правота, с чужою правотой
Не соглашаясь, уживется в мире.
И что когда-нибудь в подлунной шири
И вправду век настанет золотой.
Я верю так, исчезнет до конца
Все темное... И на большой планете
Не сыщешь ни лжеца, ни подлеца,
Ни деспота кровавого... И дети
Узнают с отвращением о них
Лишь из старинных, пожелтевших книг.
Я верю: изменив житье-бытье,
Все племена земные, все народы
Забудут в царстве истинной свободы
Опасные слова — «мое», «твое»,
Мечта сольется с явью в полной мере...
Так, только так я думаю и верю!
И можно ль нам сейчас не думать так,
Сейчас, когда, бездействию противясь,
Рыча, как свора бешеных собак,
Повсюду бомбы надгрызают привязь,

Уже готовые в какой-то миг
Все сокрушить во прах: чужих, своих,
Весь мир в облинии его цветущем
С прошедшим, настоящим и грядущим!
Когда б не знали мы путей других,
Могли бы разве мы — стремиться к цели,
Рискнули б задремать хотя б на миг,
Могли бы, сидя возле колыбели,
Ласкать ребенка, думая, что он,
Как все, как всё, на гибель обречен?!
И разве все мы не сошли б с ума,
В один бедлам не угодили б разом,
Когда б не верили, что сгинет тьма
И что над миром воцарится Разум?!
Нет, я живу и воздухом дышу,
Работаю, свои стихи пишу,
Где прославляется краса земная,
Поскольку знаю,— да, всем сердцем — знаю,
И потому так счастлив я сегодня,
Что в мире ничего сильнее нет,
Нет ничего прекрасней, благородней,
Чем Разум, чем его высокий свет!..

РОССИЯ

Россия, Россия, певучее слово,
В нем — скромность величья, и счастья основа,
И нежность, и столько любви накаленной...
Промолвишь — «Россия», — встают миллионы
Идущих вперед непреклонно и тесно, —
И тех, кто прославлен, и тех, кто безвестно
Твои молодые поля, о Россия,
Горячею кровью своей оросили.

Россия, твой подвиг вовек бескорыстен.
Не ты ль привлекла высочайшей из истин
Меньших своих братьев и, став им опорой,
Спасла от бесправья, от зла и разора,
Пред ними являя отваги примеры,
У них пробуждая в грядущее веру.

Россия, певучее имя — Россия,
Ты в душу вливаешь мне силы живые!

* * *

С тех пор как я узнал слова
И первой буквы начертанье,
В душе сияет упование
На мудрый гений твой,
Москва.

Для всех умеющих мечтать
Не ты ль, Москва, собой явила
Желаний сокровенных силу,
Надежд заветных благодать?

И верю, что исполнишь ты
Все то, что жаждем мы от века,
Ведя любовно человека
Путем добра и красоты!

ОДА МОСКВЕ

1

«Ты, верная мечте, сквозь сумерки столетий
Сияешь так светло, что впору в этом свете
Цветной узор плести, причудливый на вид.
Иль табуны пасти» — так песня говорит.
Ты, ставшая для всех находкою-разгадкой,
Ты, именем одним — оно звучит так сладко!—
Способная смирить стихий жестокий гнев,
В пустыне выжженной взрастить посев,
Москва!.. Надежд людских земное воплощенье,
Осуществление заветнейшей мечты,
Ты — сердца всей Земли бессмертное биенье,
Творящая весну, немеркнущая, ты —
Москва!.. Ты светом вечности жива!
Сияй, Москва!.. Любовь моя — Москва!

2

Была ты голодна,— в минувшем все случилось!—
Но не просила ты чужих тебе помочь.
Когда ж к тебе, Москва, вновь сила возвращалась,
Голодных от себя не прогоняла прочь.
Не по тебе — вершить дела наполовину!..
Высокой правоты и гордости оплот,
Ты перед знатными, Москва, негнула спину,
А тех, кто был слабей — жалела, как сирот.
Достойных оценить была ты наготове,
В заслугу не вменив им кровное родство,
Но даже и таких, кто был чужим по крови,
Не изгоняла ты из сердца своего!
Москва!.. Ты светом вечности жива!..
Сияй, Москва!.. Любовь моя — Москва!

Гостей заморских ты встречаешь не по платью,
 Не по шумливой их, надменной похвальбе.
 Учтива ты всегда... Но заключишь в объятия
 Лишь тех, кто от души рад встрече, рад тебе.
 Ты — прозорливица... Не с первого ли шага
 Ты видишь всех насквозь!.. И если друг пришел,
 Ты — добрая, ты, всем желающая блага,
 Ведешь его к себе, за свой почетный стол...
 Непогрешимая хранительница долга,
 Ты имени алмаз хранишь с начала дней.
 В веках не потеряв и малого осколка,
 Сокровище твое все ярче, все ценней...
 Москва!.. Ты светом вечности жива!..
 Сияй, Москва!.. Любовь моя — Москва!

Ты шла Пространствами. Шагала Временами.
 И, если вражья рать вставала на пути,
 Ты сильную рукой свое сжимала знамя,
 С которым суждено в бессмертие войти.
 Как ни ярился враг, ты с ним отважно билась,
 Вовек ни перед кем не простираясь ниц,
 Сдаваться никому не думала на милость,
 В отличие от иных прославленных столиц.
 Ты жгла себя, Москва!.. Но из огня и пепла,
 Как птица древности — из пламени костра —
 Ты подымалась вновь, ты возрождалась, крепла...
 Я вижу: ты опять прекрасней, чем вчера!..
 Москва!.. Ты светом вечности жива!
 Сияй, Москва!.. Любовь моя — Москва!

* * *

Ушла зима. Достигнув торжества,
Весна опять земле явила милость.
И степь, тучнея, травами покрылась.
Она жива, по-прежнему жива!

А травы слиты с яркой синевой,
И я вдыхаю дня великолепье.
Моя душа легко парит над степью.
Я здесь рожден. Я здесь навеки свой.

И мнится мне: как небо, как трава,
Судьбою приобщен к земному чуду,
Всегда, во всем существовать я буду.
Была бы только степь моя жива.

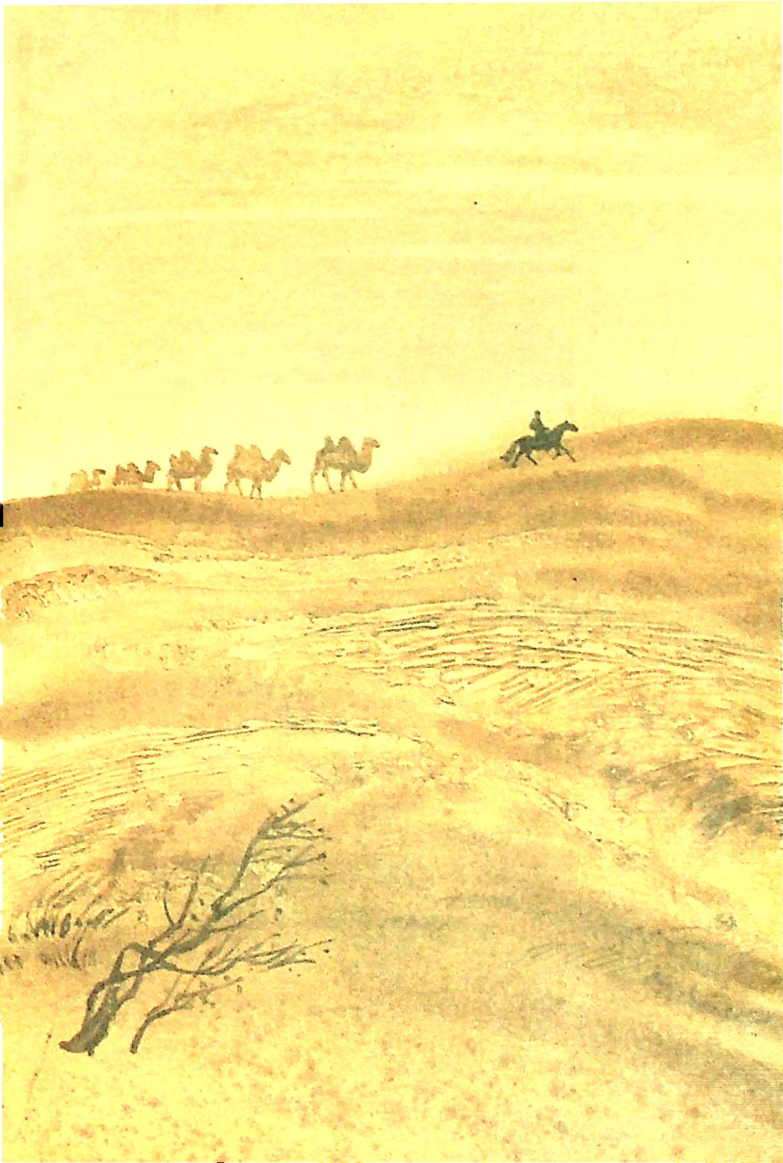
Была бы только степь моя жива!..

* * *

Благодари верблюда и коня!
Копни машины след... Что там под ним сокрыто?
Увидишь след подковы и копыта...
Верблюдом и конем сквозь тьму веков пробиты
Пути к работам нынешнего дня...
Благодари верблюда и коня!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЭЛИСТУ

Вздымая пыльные клубы,
Стремительно «Победа» мчится,
А кажется, что волочится
Она со скоростью арбы.

Ползет, мучительно казня!—
Ведь там, за дымкой голубою,
Друзья мои, сойдясь гурьбою,
Ждут с нетерпением меня.

Ждет город, сердцу дорогой.
Мне б, с лука Джангара, стрелю
Лететь в далекое былое,
Сорвавшись с тетивы тугой.

Свет дня сменился ночи тьмой.
«А вдруг не хватит нам бензина?!»
Но вот знакомая низина
И в ней — любимый город мой!

И капли теплые с лица,
Как мать рукой, стирает ветер...
Но почему так город светел?
И вот друзей своих я встретил...
Свет излучали их сердца.

ЭЛИСТА

Когда уже на первый разворот
Заходит лайнер, медленно снижаясь,
Из поднебесья смотришь, поражаясь,
По-детски приоткрыв наивно рот:

Внизу, как лотос сказочный, чиста,
Не из земли — из чаши изумруда
Возник цветок — невиданное чудо —
Моя, родная сердцу, Элиста,

Впитавшая времен высотный стиль,
Громадой камня к небесам вздымаясь,
Глазами окон щедро улыбаясь
Тем, кто кварталы города взрастил.

Здесь в каждом доме радостно живут,
Растя цветы, детишек пеленая,
Мои друзья, достойно пожиная
Плоды труда... И да хранит их труд!

В ХОРОШИЙ ГОД

Благословляя жребий мой,
Живу я эти годы
И летом, и крутой зимой
Среди родной природы,
Меж добрых и простых людей,
И с ними сам я стал добрей.

Нальется соками трава,
И на овечках сальце
За лето нарастет на два,
А то и на три пальца,
Воткнул почти что в облака
Горбы свои верблюды,
И будет вдоволь молока
В хотонах наших всюду,
Ну, словом, подойдут труды
К благому окончанью,—
Смотрите, как они горды —
Мои односельчане!

С таким довольством агроном
Глядит на колос тучный,
Как будто он его зерном
Набил собственноручно.

Меж племенных своих коров
Доярка ходит павой.
И, полный счастья до краев,

**Наш зоотехник бравый
«Дарит всем солнце и луну»—
Как говорили в старину.**

**И я, и я, как все они,
Ног под собой не слышу
И вроде стал за эти дни
Значительнее, выше...
И, лишь кошусь по сторонам:
«Друзья, заметно ль это вам?!»**

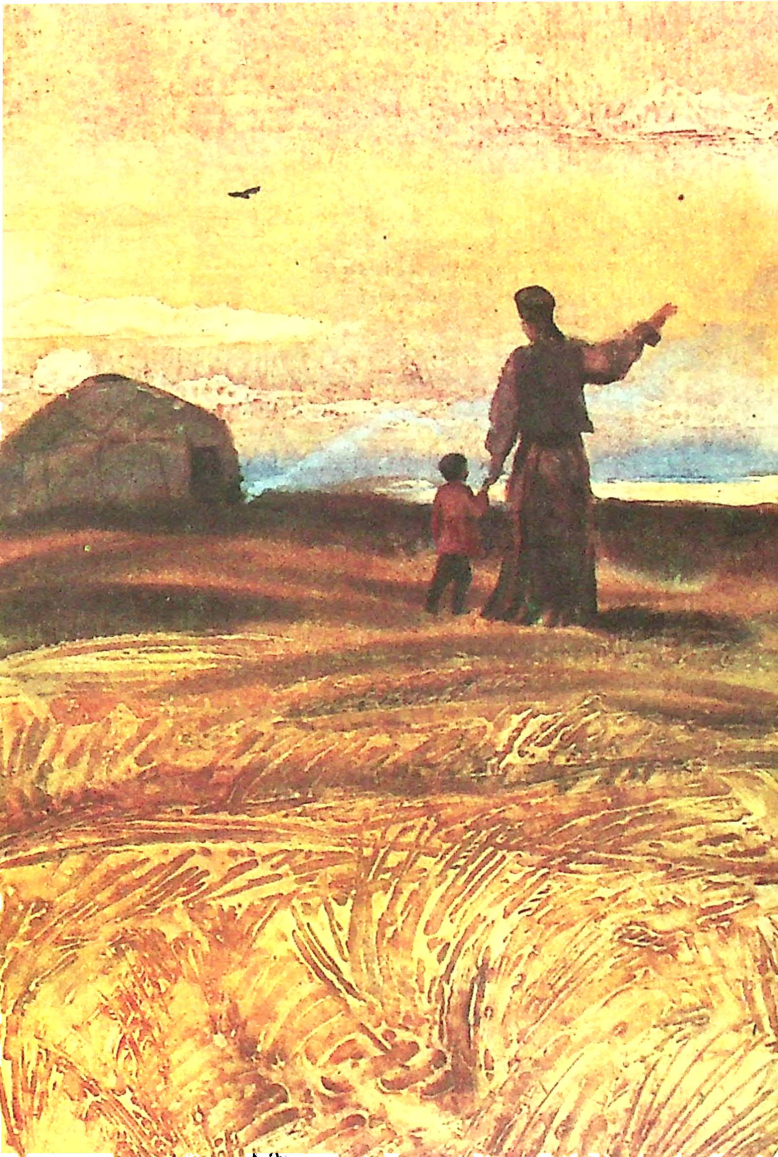
По небу облака кочуют,
Поверх пшениц и ячменей.
Но, от колосьев до корней,—
В пролетном ветре — влагу чувт
Поля, не пившие давно,
Под голубыми небесами
Ловя антеннами — усами,
Что только им понять дано.

И каждый тонкий стебель вдруг
Под ветром выгнулся упруго,
Как тетива тугого лука...
И потемнело все вокруг.

И яркой молнии стрела,
Пронзив бурдюк, сокрытый тучей,
Дождь дружный, радостный, кипучий
В поля сухие пролила.

Со степью были мы вдвоем.
Поля колосьями кипели.
И пели мы — я пел, и пели
Поля, по самый окоем.

* * *

Когда в сияющем апреле
Хлебá
 зеленою волной
Заколыхаются тяжéле
И встанет теплый дождь стеной,

Лицо блаженно освежая
Прохладою небесных вод,—
Предвижу щедрость урожая,
С которым осень к нам придет,

И в память прячу торопливо
Людских восторгов семена...
Из них стихи взойдут, как нива,
Их музыка уже слышна.

Ты видишь сам:

пора красивых слов,
Отгрохотав, наверно, миновала.
Ты вроде что-то обещать готов?..
Подумай основательно сначала.

Что покраснеть бумаге не дано,
Как многие, и ты усвоил тоже...
Зато лицо
огнем пылать должно.
Как только правду ты подменишь ложью.

«Программа будущего велика»?..
Спешишь?..

Но пусть бы даже не терпелось,
Все ж цифры брать не нужно с потолка...
Поверь мне:
боком выйдет эта смелость!

Ты видишь сам, что похвальба — не в счет!
Слова пустые потеряли силу.
Делами нужно заслужить почет.
Такое время нынче наступило.

ОСЕНЬЮ

Овощи созрели. И пшеница
Убрана с полей уже давно.
В элеваторах шуршит, струится
Крупное, отборное зерно.

То, что было цифрами когда-то,
Стало зримым...
Вот они лежат,
Сладко источая ароматы,
Яблоки, арбузы, виноград...

Это все трудом добыто честным...
Можно отдохнуть на краткий срок!..

...Если бы таким же полновесным
Стал бы жизни у меня итог!..

* * *

Вдыхая запах утренних газет,
Глазами мчишься ты по ним чуть свет,
У радио, где вихрь земных страстей,
Ты ловишь голос добрых новостей
И благодарно, как и вся страна,
Героев повторяешь имена...

Но что ты сделал сам, людей любя,
Чтобы они запомнили тебя?!

РЫБАК

«День кормит год» — присловье рыбака,
В нем опыт жизни собран воедино.
...Свежей подуло с Каспия... Близка,
Вот-вот начнется новая путина...

И у него уж наготове снасть...
И лодка рвется к морю от причала,
А в сердце та же молодая страсть,
Она с годами выдержкою стала.

Седобородый Каспий не бахвал,
Умело прячет он свой клад бессчетный.
Сокровищ сроду он не расточал
Пред тем, кто для него — лишь гость залетный.

Спокойный труженик ему сродни
С руками ловкими, с душою мудрой,
Такой, как многоопытный Эрдни,
Которого я видел нынче утром.

Качалась лодка на волне крутой,
И побережье с нею — в край из края,
А он стоял на месте, как влитой,
Ячейки невода перебирая.

Выпутывал он рыбу из сети
Рукою посиневшею, костлявой,
Бросая за борт мелочь:
— Подрасти!
Покуда поживи еще! Поплавай!

Так поздним вечером и поутру,
В часы прибою и в часы отлива,
На холоде, под градом и в жару
Он трудится — неспешно, терпеливо...

Судьбы своей нелегкой не клянет
И, хоть нередко приходилось туго,
Прощает морю горечь всех невзгод,
Как мы прощаем прегрешенья другу.

Он добывает трудный свой улов,
Когда скупой, когда и побогаче,
Без суеты, без всяких лишних слов,
Обид не помня. Радуюсь удаче.

УНИВЕРСИТЕТ

Из многих благ, какими славен свет,
Есть высшее — дарующее разум.
Премного род людской тебе обязан,
Садовник мудрый, университет!

Ты в степь пришел, и сочные плоды
Вкусили с древа мудрости калмыки.
И на степном помолодевшем лике
Лежат твои глубокие следы.

И сила работающих крепких рук
Растит сады в былой полупустыне,
Тобой навек повенчанье ныне
С благословенной силою наук.

В мажорных песнях юных голосов
Звучит душа крылатая народа,
В них разуму возвышенная ода,
Грядущего прекрасный, вечный зов!

МИРАЖ

Стою одиноко среди степи:
Мираж, заclubясь вдалеке,
Пейзажи волшебные лепит...
И я размышляю в тоске:

Вот если б среди степи суровой
Могли мы пути проложить
И чистой водой родниковой
Просторы ее освежить!..

Когда б на земле — не в мираже!—
Он цвел — этот шепчущий сад!—
Стал воздух бы мягок и влажен
И яблонь лился аромат!

Какие бы с этого мига
Настали в Калмыкии дни!..
Чабан отложил бы гирлыгу,
Следя за отарой в тени...

1957

ДАР ВОЛГИ

Широко, спокойно, без гордыни,
Синяя, прозрачнее стекла,
Вечно Волга-матушка текла
Сквозь леса, поля, полупустыни,

Одаряя влагой все места,
Кроме тех, с полынными кустами,
Где сливались волжские уста
С горькими каспийскими устами.

Степь томилась, и страдал калмык.
Гибли травы, падал скот от жажды...
Шли года, столетья... Но однажды
Волга-мать свой обратила лик
К землям солонцовой белизны
И пришла к ним, и пришла — не в гости!
Серебра живительного горсти
Из неубывающей казны
Черпала, сухую степь поя.
Ожила забытая земляца —
Колосятся рис, ячмень, пшеница.
Так воскресла родина моя.

Широко, спокойно, без гордыни,
Сквозь века, течет издалека
Волга, всенародная река...
И сады цветут в былой пустыне.

* * *

Минувшего нам очевиден путь.
Через года и пелену забвенья
Мы различаем дней прошедших суть,
Причин и следствий спаянные звенья.

Как нам ошибки прошлого ясны
И отклоненья все от главной цели!..
Теперь они для нас обнажены,
Как дно реки, чьи воды обмелели.

Но завтра тоже будет всем видней
Сегодняшний наш день... И думать надо,
Каким предстанет русло наших дней
Потомкам нашим, зоркому их взгляду.

* * *

Не сердись на правдивое слово,
Если даже тебя и обидит оно.
Сердиться на правду — все равно
Что гневаться на корову.

Пусть правда сладкого не дает молока.
Пусть правда — едка.
Пусть правда — горька.
От горечи правды —
В горле ком.
Но разум питается ее молоком.

Сердясь на правду,
Лишь себя растревожишь,
А правду этим не уничтожишь.
Правда всегда права.

Если ж ты признаешь ее права
И вступишь
С ней вместе
С кривдою в бой,—
Ты будешь жить нелегкой судьбой,
Но пребудешь самим собой.

КТО СТАРШЕ?

На людном собранье однажды,
Вглядевшись в собравшихся там,
Я с грустью заметил, что каждый
Моложе меня по годам.

И как-то мне холодно стало...
Выходит: я — старший меж них!
А я, по привычке по старой,
Все числил себя в молодых.

Но время бежало... Простоя
Не терпит оно, как на грех,
Я — старший?.. Обидно, не скрою!
Но разве я старше их всех?!

А здесь собрались малолетки...
Попробуй с мое поживи!..
А впрочем... У каждого — предки,
Их опыт у внука — в крови.

И каждый, пусть он и моложе
И путь его жизненный мал,
Увидел и понял, быть может,
Такое, что я не видал...

...Так я рассуждал, познавая
На деле закон бытия:
Людей совокупность живая
По мудрости — старше, чем я.

* * *

Кто свой родной язык не признает,
Не замечая всех его красот
(Не потому ль, что он к нему привык?),
Тот, кто не ценит свой родной язык,
Тот жесточайший заслужил упрек:
Он матерью своею пренебрег.

Но тот, кто неразумно опьянен
Звучаньем только лишь своих имен,
Кто на земле, что дивно велика,
Другого и не слышит языка,
Не хочет принимать его в расчет,—
Поверь, в жестоком ослепленье тот!

Внуши ему, от всей души внуши:
Все языки на свете — хороши.
Они, как братья, меж собой равны,
Богат и мудр язык любой страны.
Язык — созданье лучшее ума,
Язык — сиянье, безъязычье — тьма.

Того же, кто, безмерно возгордясь,
Чужой язык затаптывает в грязь,
Кто объявляет: «Мой язык — один
Над всеми остальными властелин!»,
Того, в беседы не вступая с ним,
Из круга нашего мы исключим!

ДРЕВНИЕ СЛОВА

Рассматривая древние слова,
Вникая в их глубинную основу,
Я вижу: суть их трепетно жива,
В них прорастают зерна жизни новой.

Должно быть, в них — незыблемый закон,
Почти не претерпевший перемены.
Сотворены для будущих времен
И форма их, и смысл их сокровенный.

Светясь, они в Грядущее ушли,
Преодолев столетий многих горы,
И для мечты народов всей Земли
Доныне служат верною опорой.

ГОГОЛЬ В ПАРКЕ САКИ

Курортный парк. Тенистый пруд...
Я вас припомнил снова,
И снова, кажется, всплывут
Видения былого.

Каштаны свечками цвели
В тот вечер в парке Саки,
Звенела музыка вдали
И таяла во мраке.

Скрипичный заглушая звук,
Лягушек пели хоры.
Под этот звук вступали в круг
Курортные танцоры.

Вилась людская череда
Во всем многообразье:
Все те, что прибыли сюда
Лечиться местной грязью...

Но среди эстонцев и бурят,
Украинцев, калмыков
Фигуры странные сквозят,
Они — из лунных бликов...

Я вижу: из пруда всплыла,
Вся точно из тумана
Иль из прозрачного стекла —
Утопленница — панна.

Ежевечерне в ясной вышине,
На летнем неоглядном небосводе,
Начертаны пунктиром золотым
Загадочные истины Вселенной.
Сравнив с увеличительным стеклом
Прозрачный воздух, сызнова пытаюсь
Постигнуть, разглядеть, расшифровать
Послания неведомых просторов.

Неповторима каждая звезда,
Как литера, как символ, как примета,
Что гения рукой нанесена
На темно-синий свиток мироздания.
Я тщусь осмыслить этот алфавит,
Сложить его в разгаданные строки,
Звучащие бессонно и призывно,
Влекущие и зрение и слух.

И вот — о чудо! — распахнулись в небе
Сияющие мудрые стихи.
Они без слов, посредством красоты,
Пленяя, изумляя, будоража,
Передают мне сокровенный смысл
Своих созвучий. Наполняют светом
Мои раздумья, душу возвышают
Торжественною музыкой своей.

Сегодняшние чаянья людские
Соединяя с прошлым и грядущим,
Стирая грань меж небылью и былью,

Они опять, как золотой туман,
Во мне, в моей крови. Я становлюсь
Мельчайшей искрой, буковкой Вселенной,
Звучащей нотой, световым сигналом,
Частицей бесконечного пространства.

Я, потрясенный, ощущаю вечность,
Я от нее теперь неотделим.
Мне кажется, когда меня не станет,
Чуть потускнеет солнечный огонь,
Одна звезда падет с ночного неба...

СУДЬБЕ СПАСИБО

Радость и горе не соразмерила:
Счастья в обрез, а боли — сполна!
Все же за то, что меня завершила,
Будто и мне способность дана
В май превращать январскую стужу,
Юношу — в умудренного мужа,
Чувства будить в душе старика,
Травы растить средь солончака,
Чтобы привольно шуметь могли бы,—
Все же за это — судьбе спасибо!

* * *

Преодолев молчанье упрямое,
Форму и звук обретя опять,
Вновь на бумагу они, слова мои,
Стали спускаться. Жить и дышать.
Снова сижу за столом... Строка
К строчке стремится издалека.

Что же таились они вчера?
Или сейчас лишь пришла пора?
И, повинуюсь привычке старой,
Так же, как некогда, как всегда,
Я задыхаюсь от сладкого жара,
Разгоряченный хмелем труда,
Смутно звучащий ловлю мотив...
И, обгоняя друг друга в горячке,
Мысли несутся в бешеной скачке,
Время на голову опередив,
Рушат преграды вразброд и вместе
И, летя на крылах ввышину,
Из долгожданного Завтра

вести

Носят: как ласточки — в клювах —

весну.

Кружится слов светоносная стая
И, на бумагу осев стихом,
Греет меня, озаряя, блистая
И наполняя теплом мой дом.
Вновь, оставаясь навек загадкой,
Внутренний голос велит: «Пиши!»
И, наслаждаясь усталостью сладкою,
Я утоляю жажду души.

* * *

Без цели видимой почти
Иль под любым пустым предлогом,
С народом встретясь на пути,
Потолковать об очень многом
Желаньем страстным я горю
И, коль случится, говорю.

О, не для проповеди истин!
Я в этом смысле — бескорыстен.
Но все же, все же, может быть,
Корыстью движим я великой:
Хочу свой ум обогатить
Народной мудрости толикой.

ДВЕ СТИХИИ

Стихия дикая природы,
Порой пытаюсь восставить,
На сушу устремляет воды,
Корежит всю земную гладь.

Чтоб все вокруг заколыхалось
И, может, рухнуло на миг,
Чтоб снова первозданный хаос
Взамен гармонии возник.

Но вот стихия присмирела,
Излив безумство до конца...
Иное — да, иное! — дело —
Стихия, что — в груди творца.

Она гармонию живую
Не торопясь из года в год
Творит, сердца людей волнуя,
И ткань грядущего прядет.

Она родит, не иссякая,
Картину, музыку, стихи...
... Не ошибись! Скажи, какая
Сильней из этих двух стихий?

* * *

Как только строчка за строкой
Привычной пишется рукой,
Без муки, без сердцебиенья,—
Будь даже и звонки слова,
Будь рифма вроде бы нова,
Все ж не бывать стихотворенью.

Стихотворение — оно
Не началось, не рождено,
Поскольку скучный этот опыт
Бесстрастно произвел на свет
Не песнопевец, не поэт,
Но механизм, бездушный робот.

* * *

Когда настанет время умирать,
Я все же потянусь к перу опять.
Все до конца я высказать хочу.
Коль не смогу — себе я не прошу.
Молчание — вот истинная кара.

Покуда жизни не прервется нить,
Я вас прошу меня не торопить.
Коль вам и впрямь стихи мои нужны,
Терпения набраться вы должны.
Терпение — надежней нету дара.

ГОЛОС

(Субъективное стихотворение)

Затем, чтобы доставить радость людям,
Провозглашает диктор в микрофон:
— Внимание, мы слушать голос будем
Артистки, путь которой завершен.

И засверкало имя, как зарница,
И обдала меня волна тепла...
И в памяти моей встает певица,
Что лишь совсем недавно умерла...

Я слышал этот голос — низкий, властный,—
Как вешний ветер, врывался он в сердца,
Звучала нота каждая, согласна
С чертами вдохновенного лица.

О, волшебство мелодий! О, живые
Движения живых и теплых рук!..
Песнь о любви открылась мне впервые,
И что-то в жизни изменилось вдруг.

Он, этот голос, убеждал, что в мире
Любовь одна — вершина бытия...
...Записан голос. Он живет в эфире.
И вновь к нему прислушиваюсь я.

И внемлю звукам я. Но почему же
Моя душа вослед им не поет?..
Все тот же голос. Не слабей. Не хуже.
Почти такой же... и совсем не тот.

**Я вижу гроб — как лодку у причала,—
В цветах лежит она, оцепенев...
Не песнь любви в эфире зазвучала,
А погребальный траурный напев.**

**В словах горячих — холод микрофонный,
И голос — нет, я не хочу его!—
С ее душой и телом разлученный,
Звучит кощунственно, звучит мертво...**

**Нет, только волю к жизни — не иначе!—
Должно искусство даровать уму!
Нет, диктор, этот голос ни к чему,
Довольно, прекратите передачу!**

КАРТИНА

Памяти В. Хлебниконой-Митурич

Незамысловата по сюжету
И по форме будто бы проста —
Так запомнил я картину эту,
Глянувшую в душу мне с холста.

Что там было?..

В небогатой раме
На огне поблескивает медь.
Яростно в печи бушует пламя,
На плите котел готов вскипеть...

Вот и все...

Художник даровитый
Не искал за выдумку похвал,
Вроде подсмóтрел образчик быта,
Что увидел, то и написал...

И, быть может, кто-то скажет строго,
Что в картине нет больших идей.
«Только — вещи. Да и тех — немного.
А важны ли вещи без людей?!»

Почему же я с такой охотой
Вглядываюсь в тихое жилье?
Чем же эта скромная работа
Сердце растревожила мое?..

Нет людей?.. Но некие приметы —
Постепенно их находит глаз —
Говорят: хозяйка рядом где-то,
В нужный миг — она вбежит тотчас.

ЧТО ДУМАЕТ НАШ ПРАДЕД

Неладный день!.. Не дали газу.
И — любит подшутить судьба!—
Вдруг лопнула — все беды сразу!—
Водопроводная труба.

И в доме ссоры, в доме крики,
И раздражение, и гнев.
Как говорили встарь калмыки:
«Сварливо войско, не поев».

Косятся друг на друга в злобе,
В речах — отрывисты, грубы,
Готовы лопнуть — наподобье
Водопроводной той трубы.

И лишь прадедущка почтенный,
На молодых бросая взгляд,
Спокоен, как обыкновенно,
И вроде бы чему-то рад...

Но понимает старичина,
Что раздражает он детей,
И объясняет им причину
Невозмутимости своей:

— Ох, дети!.. Все у вас — в избытке..
Денек без газа?.. Ерунда!
А я представил вас в кибитке,
Где жил я в юные года.

Согнувшись, вокруг огня сидите.
И рады, что крутой зимой
Не в чистом поле, а в укрытье,
Что вы в кибитке, под кошмой.

Снежок в котле вскипает вяло...
Сейчас бы чаю, кипятка!
А чай — он из водицы талой,
Без сахара, без молока...

А ветер задувает в дыры,
Он — все сильнее, как назло...
А здесь у нас — уют квартиры,
Здесь и без газа — так тепло...

Поломку, что исправят скоро,
Бедой считать я не хочу.
Беда — она должна быть впору,
Подобно платью — по плечу!

Ох, дети!.. — дед развел руками,
И детям улыбнулся дед: —
Не засоряйте пустяками
Большое счастье наших лет!

И дети смотрят виновато,
Строптивый свой смиряя нрав,
И соглашаются ребята,
Что дедушка, пожалуй, прав.

КРАСОТА ДОБРА

Сторожем был в мастерской у нас
Старый калмык хромой.
Он появлялся в урочный час,
Утром спешил домой.
Был он подтянут, носил усы,
На гимнастерке блеклой —
Знаки ранений, две полосы
Цвета пшеницы спелой.
Был молчалив он, в споры не лез,
Шел, погруженный в мысли,
В такт его шагу скрипел протез —
Память о зимней Висле.
Впрочем, об этом другой рассказ —
Сутью и по объему...
Помню, печальную весть как раз
Я получил из дому:
Деньги родным нужны позарез —
Было в письме меж строчек.
Вдруг за спиной заскрипел протез.
— Что за беда, сыночек?—
Я оглянулся: сторож-калмык,
В глазах выраженье боли...
Хотел промолчать я, но мой язык
Сказал все помимо воли.
Он тихо вздохнул и, молчанье храня,
Хромая, ушел. А в обед,
Внезапно, догнал у конторы меня
И протянул пакет:
— Здесь тысяча... мало, наверно... но все ж
Хотя бы на первый случай.

Появятся деньги, тогда и вернешь,
Ты этим себя не мучай...—
Я деньги не взял — это было сверх сил.
— Нет, нет!— голос мой еле слышен...
Стоял инвалид, величав и красив,
Своей добротой возвышен.
И горло сдавил мне пылающий ком,
И речь моя стала невнятной...

С тех пор я считаю себя должником
Людской доброты неоплатной.

НАШИ ДОЛГИ

«Должнику не влезть на горку,
Высота ему страшна...»
Помни эту поговорку —
Не состарилась она.

То, что ты вобрал когда-то
Юною душой своей,
Что позднее тобою взято
У земли и у людей,

У науки, у природы,
У детей, у стариков,—
То, что черпал у народа,—
Перечень твоих долгов!

Принимай их, не переча,
А попробуй отмахнись,—
Лягут все долги на плечи,
Не дадут подняться ввысь!

Подведи итоги кратко:
Если хочешь ты расти,—
Все, что должен, без остатка,
Благодарно — возмести!

* * *

Вчера был славный врач у моего
Страданиями измученного друга.
Он мудро вник в болезни существо
И прописал лекарство от недуга.

И вижу я, что друг мой просветлел,
Потухшие глаза повеселели.
Он попросил поесть... А то не ел,
Как мне сказали, около недели...

Когда бы перенять мне у врача
Прекрасное умение и познания!
Писать бы мне, людей от бед леча,
И красотою исцелять страдания,

Когда бы мне такую благодать,
На радость всем,

в стихи свои вобрать!

КОГДА ПРИДЕТ БЕДА...

Когда нагрянет
Трудная пора
И горя встанет
Пред тобой гора,—

Усиьем воли
Горе одолей,
Но прятать боли
От людей не смей!

Будь откровенным,
Не шути, скорбя.
Не то надменным
Назовут тебя.

Что боль скрываешь,
Часто не тверди,
Ведь ты не знаешь,
Что в иной груди

Сокрыто горе
Горше во сто крат,
Но люди гордо
О беде молчат,

И, малою сочтя
Твою печаль,
Они тебя
Обидят невзначай.

СОВЕТЫ

(По мотивам фольклора)

1

Когда взъярится вихрь степной,
От пыли ты глаза прикрой.
А душу прикрывай плотней
От пронсков дурных людей.

Глаза даются для того,
Чтоб видеть солнца торжество,
Чтоб мир в себя вместить сполна —
На это нам душа дана.

2

В предгрозовом затишье
Не отправляйся в путь.
Хвалу злодея слыша,
Кто он — не позабудь!

Затишье превратится
В грозу, жестокий шквал,
И не переродится,
Кто зла тебе желал.

3

Весенний хрупок лед,
Об этом знает каждый.
Не сдержит клятвы тот,
Кто предал хоть однажды.

Оступишься едва —
И крики бесполезны.

Предателя слова —
Что тонкий лед над бездной.

4

Вспаши поля весной
И семена посеи.
Вложи в зерно любое
Тепло души своей.

Зашелестит пшеница,
Звеня как серебро.
Сторицей возвратится —
Души твоей добро.

РАЯ

(Шутка, по мотивам фольклора)

Шел за стадом чабан-батрак.
Был тяжел утомленный шаг.
Видно, силам настал предел —
Старый досыта не поел,
Покоробились сапоги,
Каждый — каторга для ноги.
Брел калмык. Но, бедой гоним,
Дал он волю мечтам своим.
Ханом стал на короткий миг,
Всех желаний своих достиг.
Разукрасил он жизнь свою,
Мол, живет он как хан в раю,
Благоденствует день-деньской,
Набивает желудок свой.
Позабыв многодневный пост,
Ест ягненка белого хвост.
Обойди необъятный свет,
Лучше лакомства в мире нет.
А наваром — хорош бульон!—
Всю родню угощает он.
Ну, а жир бараний густой!
Им сапог он промажет свой
И другой умастит сапог,
Чтоб отрадой стали для ног.
...Изможденный старик-батрак
Даже вроде ускорил шаг.
Мнится, впрямь он живет в раю,
Забывает беду свою.
Беззаботен его удел,
Располнел он, помолодел.
От бараньего от хвоста
Сытость в теле его разлита...
Вот как много может мечта!

* * *

Глупец, на друга рассердясь,
Его пятнает клеветою
И друга втаптывает в грязь,
Чтоб похвалиться чистотою.

Но клевета его сейчас же
Летит обратно, точно сажка,
Черня лицо клеветника,
Чего не видит он пока.

* * *

**Мы смотрим вдаль с надеждою и верой
И Будущее видим все ясней,
Но все ж Грядущее мы мерим мерой,
Привычной мерой настоящих дней.**

**Грядущее рисуют ум и глаз
Так, как сегодня это нам по силам...
Но где нам знать, каким мерилом
Грядущее измерит нас.**

Лопатку кролика впервые я разглядывал.
Не отрывая удивленно глаз,
В ней, виденное мною много раз,
Я что-то подсознательно угадывал.
И узнаванье длилось в тишине...
Спокойный поиск ускользавшей пары...
Казалось мне, нацелив окуляры,
Смотрю в бинокль на ведомое мне.
...Перевернул бинокль — и вот отгадка!—
Вот тот предмет, размером лишь иной:
Не кролика лопатка предо мной,
А мамонта огромная лопатка.
Предмет, который часто привлекал
Меня в музеях.

В древнем мире зала
Я думал: как талантливо связала
Все линии природа, без лекал.

...Что — копия, а что — оригинал?—
Сопоставлял я эти две лопатки.
Мои сомненья были очень кратки,
Я главное в сравнении познал:

Что если всех, в ком кровь течет, сравнить,
К примеру, так: взять воробья и гуся,
То все живое — сочетанье бусин,
Имеющих связующую нить.
И человек — мудрец из мудрецов —
Та ж бусина, с иным рисунком граней,
Отделанная только филигранней
Старанием одних и тех творцов.

Творцов, точнее — Матери с Отцом!
В супружестве Земли и Океана
Нить жизни безгранична, постоянна!
И Человек разумный, став венцом
Всех созданных природою творений.
Как старший брат, обязан их хранить,
Чтоб не порвать связующую нить.
На то и дан
Ему Природой гений.

ГЕНИЯМ ПРОШЛОГО

О гении минувшего!

Не мне

Тягаться с вами живописной силой!
Такое мне и в мысль не приходило.
Где мне до вас?!

Недавно в тишине

Я просмотрел труды свои, постиг
Масштаб, предел возможностей моих.

Да, несравнимо наше мастерство!..
Но здесь не место — самоуниженью!
Пусть я — не гений...

Но чего-чего

Не увидался я на протяжении
Моих шестидесяти трудных лет!..

Ведь если это все извлечь на свет
И, следуя лишь истине единой,
Вновь оживить картину за картиной,
Насыщенную свыше всяких мер,—
То — не гневись, божественный Гомер!—
Сраженья Илиады, гибель Трои
Покажутся ребяческой игрою.

Когда я кобальт и другой металл
В промерзлом Заполярье добывал,
Когда, в Норильске новом строя зданья,
На побережье океана дрог
И лишь ладонью заслониться мог
От ледовитого его дыханья,—
Тогда — о Достоевский!— ваш острог

Казался мне — в мертвящем том тумане —
Не самым страшным местом на земле:
Зимой все же были вы в тепле!

Пусть мне в искусстве далеко до вас,
Могучие!..

Но в жизни я не раз
На плечи поднимал такую тяжесть,
Что, может, и Атланту неподым,
И вот, неробким голосом своим,
На равных с вами говорить отважусь!

Бессмертными созданными светясь,
Вы на земле остались и сейчас,
Но все ж по опыту вы были дети,
И я, живущий на земле пока,
Я старше вас не то что на века,
А, может быть, и на тысячелетья!

Пусть был ваш век и сложен, и велик,—
Вы космоса не знали грозный лик,
Вам судьбы наши невообразимы:
Фашистское вас не касалось зло,
И ум, и сердце вам не обожгло
Проклятье огненное Хиросимы.

Ту боль, ту радость, что открылись мне,
Вы не видали даже и во сне.
Из вымысла вы создавали слово,
А я... я недостачу мастерства
Тщусь возместить, пока душа жива —
Переизбытками пережитого.

ПАМЯТИ АРКАДИЯ КУЛЕШОВА

Ты, Беларусь показавший
В бедах ее и в чести,
Юным пути пролагавший,—
Им будет легче идти,—
В дали грядущего глядя
Зоркой душою своей,
Что ж ты наделал, Аркадий?!
Как же ты бросил друзей?!

Кажется, было давно ли?!
Чуть повидать захочу,
Через степное приволье
Мыслью к тебе полечу,
К дружбе — высокой отраде,
В солнечный, светлый поток...
Что ж ты наделал, Аркадий?!
Друг мой, да как же ты мог?!

Нынче, тебя вспоминая,
Спору напрасно с судьбой,
Встала преграда сплошная —
Ныне — меж мной и тобой!..
Сдвинуть бы!..

Не поддается!

Здесь замыкается круг.
Голос туда не прорвется,
Там пресекается звук!

В этой преграде-ограде
Щелочки нет ни одной...
...Что ты наделал, Аркадий?!
С нами, друзьями?!

Со мной?!

* * *

Потоки славословий шумных,
Известности густой туман
Порой морочат и разумных
И вводят их сердца в обман.
Глубоко проникая в поры,
Они лишают нас опоры.

Так, значит, верно говорят,
Что будто слава — это яд?!
А если гений знаменит,—
И он не избежит отравы?!
О нет, неправда! Ядовит
Лишь чад и грохот ложной славы.

* * *

Заслуженное слово — «Я»
Охавать не будем зря.
Без слова этого, поверьте,
И славных не было б на свете.
Его не сбросишь со счетов...
Но нужно знать порядок слов.

Звучало слово «Я» давно
В устах героев древних, но...
Да будет ведомо потомку,
Что только после слова «Мы»
Произносили «Я» негромко
Всегда великие умы.

* * *

Что ни год,— быстрее жизни ход,
Все стремительней она как будто.
Незаметно месяц промелькнет,
Словно он не месяц, а минута.

Хоть маршрут известен мне вполне:
— Знаем все, куда ведет дорога!—
Все же горько, ох, как горько мне!..
Да нельзя ль притормозить немного?!

Разве ж не обидно?! С каждым днем
Все полнее солнечная чаша,
Жизнь в цветенье сладостном своем —
Что ни день — прельстительнее, краше.

Лишь теперь вошла она в зенит,
Тут бы ей и насладиться вволю!..
Но как раз теперь и зазвенит
Упреждающий звоночек боли!

Что ни год,— стремительнее бег
Времени... И спорить с ним — впустую!
Все же не сдается человек,
Все ж бунтует сердце, протестуя!

ПРЕГРАДА

Нет-нет да встанет пред тобой преграда,
Не одолеть ее, не обогнуть!..
Похоже, быть благоразумным надо,
Пуститься поскорей в обратный путь?..

А как же то, к чему ты рвался, ради
Людского счастья, не страшись потерь?..
«Преграда»— говоришь? Не верь преграде!
Неодолимости ее не верь!

Покуда жизнь еще трепещет в теле,
Пока дыхание твое тепло,
Не отступай! Стремись упрямо к цели!
Не падай духом! Время не ушло!

Преграда, что возникла из тумана
И повела тебя куда-то вбок,
Она ведь только вид самообмана,
Твоя уловка, выдумка, предлог...

Видал, как по весне обратно, к дому,
По небу гуси-лебеди летят,
Как неустанно к берегу родному
Они стремятся день за днем подряд?

Дорога все длинней, все бесконечней,
Все тяжелей усталых крыльев взмах...

**Полет им затрудняет ветер встречный,
Ероша перышки на их крылах.**

**А все они летят к родному краю...
И ты встречь ветра свой полет направь,
Лети, себя упорно утверждая,
Свои мечтанья претворяя в явь!**

В БОЛЬНИЦЕ

Ничего не знавших друг о друге,
Изо всех концов степной земли
Самые различные недуги
Их сюда, в больницу, привели.

Но любому сладко слышать это —
Словно бы зажгли во мраке свет:
«Если строго соблюдать диету,
Сможете прожить хоть сотню лет!»

Слово!.. Слово сказано, и снова
Ярче теплится твоя свеча!
Иногда нужней лекарства слово
Доброго волшебника — врача.

Названа болезнь, и легче горе,
Ибо твердо верит каждый тут:
Если найдено название хвори,
Значит, средство от нее найдут!

И старик — вон тот, который с краю,
Чуть левее от меня лежит,—
Головы еще не поднимая,
Важно говорит: «Аппендицит».

Толку мало было от лечений.
Но хирург — премудрый человек —
Отыскал причину всех мучений,
Лезвием коснулся... И отсек!

Скоро снова я увижу внука.
Врач сказал: «Немного потерпи...»
...Вон как далеко зашла наука!..
А давно ли гибли тут, в степи,
От болезни, в сущности, пустычной?!
Смерть людей косила без препон!
А теперь нам ничего не страшно —
Человек наукой умудрен!

Здесь, в больнице нашей, я воочью
Вижу, как велик ее успех!
И порой, когда не спится ночью,
Думаю и радуюсь за всех.

И, смотря на лечащих с любовью,
Верю, что я тоже буду жив,
Что вернется и ко мне здоровье,
Если только буду терпелив,
Что недуг поддастся понемногу
И беда промчится стороной...
Солнечная, ясная дорога
Снова засветилась предо мной.

Как тяжело, как больно видеть мне,
Как до сих пор в житейской толкотне
Мертвец между живыми суетится,
И на лице застывшем мертвеца
В опустошенной тлением глазнице
Нет-нет да и проглянет хитреца.

Во все дела, в любой земной вопрос
Мертвец сует свой заостренный нос
И говорит решающее слово
Куда непререкаемей живого.

На всех людей мертвец наводит страх,
Он цепенит их леденящим взглядом,
И, силу жизни славя на словах,
На деле трупным отравляет ядом.

А если кто, почуяв запах тленья,
Вдруг вскрикнет: «Стой!.. Ведь ты в могиле сгнил!»
Мертвец покажет удостоверение
В том, что он жив... И полон свежих сил!
И быстро ткнет костяшкой перста
По направлению к могильной яме:
Мол, поглядите!.. Убедитесь сами,
Меня там нет!.. Могила-то пуста!

Чтоб козни трупа начисто пресечь,
Нужны еще изрядные усилия...
...Вот если бы нас всех объединили
Живые мысли и живая речь!

АЭРОПОРТ ЗАКРЫТ...

Три дня густой туман стоит,
Как молоко иль масло.
Три дня аэропорт закрыт,
Просвета нет — как нáзло.

Народ гудит, ворчит, мечась,
И каждого тревожит —
Что за известья нам сейчас
По радио доложат.

Кто небеса в сердцах клянет,
А кто — дурацкий случай,
Кто — обвиняет самолет
И смотрит туча тучей...

Зато иной как будто рад,
Что отдохнуть он вправе,
Покуда ИЛы не летят...
Он анекдоты «травит»,
Решает в «Огоньке» кроссворд...
Закрыт, закрыт аэропорт.

И я уселся в уголок
В досаде бесполезной
На то, что гордо пренебрег
Дорогою железной...

Но кто же здесь, пускаясь в путь,
Подумал о тумане?!
И разве можно что-нибудь
Разведать нам заране?!

Когда б грядущего каркас
Прощупать хоть немного,
Избрали б многие из нас
Совсем не ту дорогу!..

И я махнул на все рукой
И, бросив торопиться,
Стал изучать в толпе людской
Мелькающие лица.

Поскольку в пестрой суете,
Где каждый — посторонний,
Все — даже хитрые и те! —
Видны как на ладони.

И показалось мне на миг,
Что с камерой скрытой
Я в душу каждого проник
Дорогой неизбитой.

Поверьте — интересен всяк,
Своеобразны все мы,
Мы все — неповторимы, как
Пейзаж или поэма.

Коль правду взять в поводьри
И научиться чтенью,
То — лишь внимательно смотри! —
Получишь наслажденье...

Аэропорт закрыт пока,
Но не хандри, дружище!

**И здесь твой ум наверняка
Найдет довольно пищи.**

**Учись, проникнув в существо
Своим пытливым взглядом,
Извлечь премудрость из того,
Что здесь с тобою рядом,
Из жизни, что вокруг кипит...**

...Аэропорт еще закрыт.

«Кто правде служит — не погибнет тот!»—
Так утверждалось мудрецами всеми.
«Бессмертна правда»,— говорит народ.
И эту мудрость подтверждает время.

Да, правда победит в конце концов,
В конце концов развеет ветер тучи...
Но мало ли встречали мы лжецов,
Достигших высоты благополучья?!

Они боятся света, как чумы.
Они, идя безлунною дорогой,
Лгут и клеветуют под покровом тьмы
И молят бога, хоть не верят в бога:

— Да будет небо навсегда темно!
Пускай вовеки солнце не проглянет!
Пусть ложь бытует, как заведено.
Пускай рассвет для мира не настанет!..

«Кто правде следует, тот не умрет!»—
Так возглашалось мудрецами всеми.
«Бессмертна правда»,— говорит народ.
И эту мудрость подтверждает время.

Но ежели открыв глаза идти,
Порою можно в этом усомниться:

Такое нам порою на пути
Живучее встречается бесстыдство!

Тот, кто проступков сделал без числа,
Бьет в грудь себя:

мол, я устал от боя!

Сражался я с носителями Зла...

...Да с кем сражался ты?..

С самим собою?

* * *

Природа острою вѣщей
Не наделила наших глаз.
Мы видим лишь поверхность вещи,
А правда прячется от нас.

Мечтаешь вникнуть в мир до точки,
В глубины правды заглянуть?..
Проникни через оболочки,
Умом постигни правды суть!

Быть может, будет правда эта
Совсем иной, чем ты хотел,
Но ощути ее приметы
Не в звоне слов, а в смысле дел,

И полюби ее такую,
Какой познал ее в пути,
Не подправляй своей рукою,
Не сглаживай, не золоти!

Лжи, для задач ее лукавых,
Нужны прикрашенность и лесть,
Ложь — та нуждается в приправах,
А правда хороша как есть!

* * *

Услышу: человек попал в беду,
И вот себе я места не найду!
Хотя не мной порождена беда,
Душа моя краснеет от стыда.

Тот человек мне вовсе не знаком,
Но мы в едином обществе людском,
И тот, кто беды на него навлек,
Тот от меня в пространстве недалек.
Мы все сопряжены, и оттого
Я стал как бы сообщником его!

Не я, не я,— другой содеял зло,
Что человека больно обожгло,
Но на земле мы все сопряжены...
В его вине — часть и моей вины!

БЕСПОКОЙСТВО

Я посмотрел с опаской на него
И все-таки не догадался,
Что этот человек с красными глазами
Слегка помешан.
А он, облокотясь иссохшей ручкой
На стол, откинул пряди рыжие со лба
И зашептал отчаянно мне на ухо:
— Под величайшим, гражданин, секретом
Откроюсь вам!
Хочу предостеречь
Вас лично, ваших близких и родных.
Слушайте!
На время перестаньте думать
И срочно выключите мозг! Понятно?
Дело в том, что... ИЗО-БРЕ-ТЕ-НА
Штуковина одна!
ЭЛЕКТРОННЫЙ ОТГАДЧИК МЫСЛЕЙ!
Когда вы сладко спите, к вам подходят
И легкую латунную пластинку,
Тончайшую, как бритва,
Не больше этого
(Он выставил свой ноготь
С черной каемкой)...
Я говорю как бывший доктор ваш,
И, следовательно, доверьтесь!
Так вот, латунную пластинку
Вам безболезненно вшивают в кожу
В любой участок у надбровных дуг...
И конечно!
Вы просвечены
И увековечены

До малейшей мозговой извилины,
Ваши помыслы усилены
Разрядами электропередачи!
Информация о вас
Последовала куда следует,
И тот, кому следует, об этом ведает.
Ваша мысль попала в мышеловку!

И, замолчав,
Он подмигнул мне, как заговорщик,
И выскользнул из комнаты, как кошка.
Хоть психопата можно пожалеть,— однако
Какая неприятная беседа!

Машина, чтоб угадывать чужие мысли!
Этого, конечно, не случится,— но...
Хуже не придумаешь!
Не дай же бог, чтобы такую гадость
Действительно изобрели!

Подумайте, читатель!
Вы погрузились в сладкие мечтанья,
Но подойдет откуда ни возьмись
Весьма интеллигентный незнакомец
И с тихим смехом
Шепнет:
— Вот ты каков, мыслитель!

Или представьте, что вы на прогулке
И вспомнили про молодость свою,
Эпоху мимолетных увлечений...
Однако возвращаетесь домой...
А ваша милая супруга,
Убирая со стола тарелки,
Уже шипит:
— Хорош гусь, распутник, постыдился бы!

У вас жилплощадь не ахти,
И на таком плацдарме происходит
Такое некрасивое сражение!
Каково?

Еще того похлеще!
Представьте только!
Государственные деятели разных стран,
Весьма почтенные, достопроставленные,
Высокоуважаемые и прочая,
Исподтишка вытягивают
Друг у друга тайные намеренья,—
Красиво это, как по-вашему?

А если в тридесятом государстве
Всем миром почитаемый мудрец
Окажется полнейшим идиотом?
Или еще, тот самый однокашник,
Который вам казался закадычным другом,
А то и братом,—
Задумал втайне вам подсыпать яду?

Считают люди неприличным
Смотреть на ближнего, когда он нагишом,
В чем мама родила...
Представьте же себе
Мозги людей без фиговых листочков
Каждодневных наших слов,—
Прошу покорно извинить,
Картина хоть куда!

Что тут сказать, не наступило время,
Когда нам не покажется постыдным
Зрелище тайных нами мыслей.

**Пускай же неизобретенная машина
Лежит подольше в черновом проекте!**

**Так я подумал после разговора
С тем горемычным психом
И поделился крайним беспокойством
С тобой, читатель,—
Прошу покорно извинить меня!**

* * *

День-деньской кипя в житейской гуще,
Больно ушибаясь на пути,
Недостатки, те, что нам присущи,
Испытали все... Иль — все почти...

Видят все. Они любому зримы —
Затрудняющие путь людской.
Знают все... И все проходят мимо,
Ограждая собственный покой.

Будто бы другое есть сословье —
Те — «другие», те — «со стороны»...
Вот они-то, не щадя здоровья,
Жизнь усовершенствовать должны.

С тех — других, мол, взыскивайте строго!..
...Люди, люди!.. Нам понять пора:
Не придет никто нам на подмогу,
Чтоб ускорить торжество добра.

* * *

(По мотивам народной песни)

На гибкой черноте ветвей
Листочки шелестят в тумане,
А на ветвях души моей
Стихают шелесты желаний.

Печальнее осенних птиц
Листва кружится золотая,
А слезы на концах ресниц
Все тяжелеют, не спадая.

Уж скоро, скоро пышный снег
Покроет ровно лес и поле,
А счастье в мире — не у всех,
Но всем дается в равной доле.

ГЛУБОКОЙ ОСЕНЬЮ

Глубокой осени глухие дни
На скудность солнца в искренней обиде.
Слезами обливаются они,
Хоть всей печали их никто не видел.

Порой скрипучий выпускают стон,—
Когда совсем невыносимы муки,
А ветер — огорчен и разозлен —
Усиливает жалобные звуки.

Хоть дней осенних слышу я тоску
И понимаю горечь незадачи,
Но осени жалеть я не могу,
О горькой участи ее не плачу.

Круговорот природы — не игра.
Подвластен он могучей силе скрытой...
Когда приходит чья-нибудь пора,
То от судьбы не может быть защиты.

СЕДЬМОЕ АПРЕЛЯ

Кайсманн Килиеву

Седьмого апреля
В двенадцать часов
Себя ежегодно
Хвалить я готов.

Слагать в дифирамбы
Себе самому
Хореи и ямбы.
А все потому,

Что слово мужское
Железно сдержал!..
Неужто не стою
Я высших похвал?!

За что же, однако,
Хвала мне и честь?
Иль средство от рака
Я смог изобрести?

Иль бомб многотонный
Развезя запас
И мир удрученный
От гибели спас?..

В ответ без усилья
Сказать я могу:
— Да, мир сохранил я,
Но только — в мозгу!

В мозгу — поручусь!—
Я сберег до поры
И мыслей и чувств
Золотые миры.

Достиг своей цели
И спасся от Зла...
Все это в апреле,
Седьмого числа.

Седьмого апреля...
Да что там мудрить?!
Седьмого апреля
Я бросил курить!

ДРУГУ

Завистников, мой друг,
Вокруг тебя довольно.
Кружатся, мельтешат,
Хваля или хуля...
Причины?.. Почитав
Творенья их, невольно
С твоими их сравнил...
Ну, небо и земля!

Но разницу постичь
Не всякому дается.
И думает иной,
Тщеславьем ослеплен,
Что если... если вдруг
С тобою что стрясется,
То заменить тебя
Достоин только он!

Откуда знать ему,
Что свет высокой славы —
Таланта твоего,
Трудов горячих плод.

Что нелегко оно
Дается, это право,—
И горы воспевать,
И гордый свой народ!

А кто звучней тебя
Восславил ваши горы?!

Поэзии твоей
Живую благодать
Завистники — и те
Признали бы без спора,
Вот только бы стихи
Раздумали писать!..

Забудь о них, мой друг!
И зря себя не мучай!
Прекрасный горный край,
Как прежде, славословь!
Да будет для тебя
Опорою могучей
Народа твоего
Признание и любовь!

ШКОЛА-ЛЕБЕДЬ

Нынче дивное увидел диво я:
В пышном красе, как по гребням вод,
Новая, высокая, красивая
Школа белоснежная плывет.

На нее глазами восхищенными
Долго я смотрел издалека.
Мнилось мне: меж ветками зелеными
Белые сгустились облака.

Чьим искусством, чьей рукой умелою
Стены стройно к небу вознеслись?..
Школа эта, словно лебедь белая,
Кажется — вот-вот взовьется ввысь.

Кажется?.. А может быть, и впрямь она
Развернула два больших крыла,
Воспарила над оградой каменной,
В будущее тихо поплыла?..

И в мечтах слежу с душевным трепетом,
Как парит она в голубизне...
Мальчики и девочки со щебетом
Примостились на ее спине.

И уносит эта птица-здание,
На своих крылах уносит их
В голубое царство познания —
В лучшее из наших царств земных.

Все внимательнее, все взволнованней
Вглядываюсь в личики ребят:
Кем они позднее станут?.. Кто они —
Люди, что в грядущее летят?

Что умножите, что вы утратили
Из богатств суровых наших лет —
Вы, создатели, изобретатели,
Открыватели иных планет?!

Может, кто из вас, в полете гения,
Ритм поймав, не слышанный никем,
Сотворит поэму вдохновеннее
Всех донныне сложенных поэм?!

И, быть может — думать так не хочется!—
Тут же, рядом с будущим творцом —
Тот, кто станет злой помехой творчества,
И завистником, и подлецом?..

Если я ошибся в предсказании,
Я такой ошибке буду рад.
А пока не знает птица-здание
Души тех, что с нею вдаль летят...

И пока что, взгляд и сердце радуя,
Лебедь белая, лети, лети!..
Да не встанут горести преградою
На твоём сияющем пути!

БАЛЛАДА ИСТРЕБИТЕЛЯ ТЬМЫ

Ночная даль чернеет без конца,
Нет у нее ни формы, ни лица.

Свет желтых фар машины на лету
Пронизывает с хода темноту,

Перед машиной беспокойный мрак,
Отодвигаясь, пятится как рак.

Бежит от ослепительных лучей
Хозяин тайной темноты ночей

И властным жестом волосатых рук
Как бы преграду воздвигает вдруг.

Глаза глядят, сомкнуться не спеша,
И начинает ликовать душа.

И вместо фар — горят мои глаза.
И вместо ног — четыре колеса.

И тьмы неубывающая даль —
Как прошлого великая печаль.

И с темнотою непроглядной Зло
Уже на все пространство напоззло,

С которым я не примирюсь вовек,
Я — истребляю тьму. Я — Человек.

Я — устремленный к завтрашнему дню —
Свою мечту и сам себя гоню,

Быстрой стрелы лечу через ковыль,
Из-под колес отбрасывая пыль.

Путем орла в небесной вышине,
Холодной рябью на морской волне,

Порывом ветра — через камыши,
Через пустыню мира и души,

Клыки оскалив, волком — на бегу
Вгрызаюсь в горло своему врагу,

Куски отхватывая на лету,
Заглатываю эту темноту.

Я тороплюсь, уничтожая Зло,
Что вместе с темнотою к нам пришло.

Я радуюсь. И сам себя гоню
Навстречу наступающему дню.

Растет мой разум, мысли не тая,
Премудростью земною бытия.

Тьмы истребитель — так я наречен
Историей народов и времен.

И мысль моя открыта и чиста.
И в эту мысль приходит: «Элиста!»

И возникает вдруг передо мной
В сиянье света мой очаг родной,

Как будто я его судьбе в ответ
Принес ему животворящий свет,

Во сне дорожном темный негатив
Извечной жизни жадно проглотив.

Грядущему и прошлому вослед
Кричу я, улыбаясь: — Здравствуй, свет!

БАЛЛАДА ДИКИХ ТЮЛЬПАНОВ

Идет весна калмыцкой степью,
Как обновленья благодать.
Зеленому великолепью
Конца и края не видать.
По всем равнинным перекатам
До горизонта там и тут,
Наполнив воздух ароматом,
Тюльпаны радугой цветут.

Но мой глубокий гнев не вздорен
И справедлив печальный взгляд,
Когда их рвут под самый корень
И с корнем вместе теребят.
Потом домой, себе в угоду,
С природой-матерью на «ты»,
Увозят, празднуя свободу,
Охапки мертвой красоты.

Несут и хвастают открыто,
От жадности оторопев,
К себе домой — свинье в корыто,
К себе домой — корове в хлев.

Прекрасным заревом расцвета,
Увы, никто не дорожит.
А степь, измята и раздета,
Вдали, как нищая, лежит.
И от воинственной отваги
Нигде не скроешься уже:
Нырнешь в овраг,— найдут в овраге,
В межу,—захватят на меже.

Нет для тюльпанов места в поле,
Нет ни вблизи, ни вдалеке.
И только память горькой боли
Есть в поэтической строке.

Друзья, родства живые нити
Ищите в мире красоты.
И, как любовь свою, храните
Тюльпаны — дикие цветы.

ПИСЬМО ЛАСТОЧКИ

Бурля, звеня, блистая,
Сбежали в дол снега,
Трава — уже густая —
Одела берега.

И небо — бирюзово,
В нем птичий хоровод,
И жаворонок снова
Нам трель за трелью шлет.

А птичка, что особо
Калмыкам, нам, мила,
По небу свой автограф
Чертит концом крыла.

Что ж, ласточки посланье
Я разобрал вполне:
— Ликуйте, все земляне!
Все радуйте весне!

* * *

За минувшие тысячи лет
(Антропологи правы, конечно!)
В человеческом облике внешнем
Изменений существенных нет.

Хоть, казалось бы, вечность прошла,
Даже черепа нашего емкость,
Что у пращура, что у потомка,
Неизменна. Такие дела...

Ах, ученые с их правотой!
Все же череп не просто посуда.
Содержимое, то есть рассудок —
Можно с маслом сравнить и с водой.

Но и тут здравомыслящим ясно:
Верен вывод такой не всегда,
Будто в древних сосудах вода,
А в сегодняшних — мудрое масло.

Есть добро. Существует и зло.
Будет так и, наверное, было.
Время ядерных бомб наступило,
Время рыцарских копий ушло.

Наши знания — не только лишь мед.
Есть и яд в черепах у потомков.
Так давайте, исследуя емкость,
Содержимое примем в расчет.

* * *

Годов давно прошедших череда
Длинней, чем настоящее, всегда.
И с этим не поспоришь — вот беда!

Но также и грядущее длинней.
Сегодняшних быстротекущих дней.
Вот истина — сверяться надо с ней.

Ты — краткий мост меж этих двух времен.
Но, коль уж с ними ты соединен,
Тебе открылся вечности закон.

И, значит, бесконечен этот мост,
Он прост, как все в природе, и непрост,
Как таинство души и мудрость звезд.

Прокладывая к будущему путь,
Ты памяти нетленной верен будь.
И в том — судьбы непреходящей суть.

Бегущий день... Как разобраться в нем?
Но, слиты с прошлым и грядущим днем,
Мы верное решение найдем.

И, сколько бы идти ни суждено,
Храни в своем сознании одно —
Ты вечного движения звено.

ОШИБКА АРИСТОТЕЛЯ

Аристотель, греческий мудрец,
Древней «Метафизики» творец,
Погрешил пред истиною строгой,
Муху посчитав четвероногой.

Ну и что ж?.. Ошибка — не страшна.
Муху он не превратил в слона,
Просто ноги подсчитал не точно.
Но ошибка укрепилась прочно:
Все как есть поверили ему —
С гением, мол, спорить ни к чему!

До чего же это было глупо!
Взять бы муху, положить под лупу,
Вот и все, и глядь — ошибки нет!
Но... но как тогда авторитет?!

Так, в прямой нелепости уверясь,
Гению никто не возразил.
Возразишь — пришьют такую ересь,
Что, пожалуй, будет свет не мил!
И притом — крутой была пора!—
Можно доиграться до костра!

Случай, что напомнить я хотел,—
Мелок и к тому же — устарел.
Но детали в этом древнем деле
Так ли безнадежно устарели?!

Сам я не верю в бога. Но того,
Кто верит,— строго осуждать не буду.
Потребно слабым душам божество.
А тем, кто стар,— желанна вера в чудо.
Таких мне просто жалко... Не о них,
Нет, о других совсем — мой гневный стих.

О тех, кто втайне ни во что не верят,
А только с постной миной лицемерят
И, соблюдая тщательно обряд,
Молитву за молитвою творят,
А после, забывая все моления,—
Лгут и крадут без совести зазренья.

И о других еще мои стихи:
О подлецах, чьи смрадные грехи
Вовеки не простят простые люди.
И вот они — вдруг есть на небе судьи?..—
Тихохонько, украдкой и с оглядкой
Суют им покаяние, как взятку.

Когда такой пройдет хотя бы мимо,
Весь день мне тяжело невыносимо,
Как будто наступил я на змею.
И, содрогаясь от невольной дрожи,
Я — я — неверующий!— вопию:
— С моей дороги убери их, боже!

Когда откроется случайно
В одной душе какой-нибудь
Изыян, годами бывший тайной,
Которым можно попрекнуть,—

Как согрешившего порочат,
Как судят, как пинают зло,
Как будто у других, у прочих
Душа прозрачна, как стекло!..

Как будто ими обнаружен
Не чей-то там чужой грешок,
А лучшую из их жемчужин
Хитрец у них похитить смог!

Священной правотой пылая
(«Уж мы-то, мы не таковы!»),
Готовы судьи всею стаей
Лишить беднягу головы!

И если бы, как некто в храме,
Он обратился к их сердцам:
Пускай в меня, мол, бросит камень
Тот, кто греха не знает сам!—

То камни полетели б градом
Из всех концов, со всех сторон,
И под свистящим камнепадом
Несчастный был бы погребен.

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Когда за окном загорится восток
И, нового дня открывая страницу,
Пойдет понемногу краснеть, золотиться,
Чтоб людям явиться в положенный срок
Во всей своей прелести — трепетной, летней,—
Все праздничней делаясь, все многоцветней...

Когда над домами, в шуршащих ветвях
И ниже — на кустике, дремой одетом,
Щебечут, умывшись холодным рассветом,
Незримые хоры проснувшихся птах,
Когда они, радуясь снова теплу,
Пришедшему дню воссылают хвалу —

Я сплю еще...

Спит мое тело.

И дух

Дает передышку натруженным нервам.

Спит зреньё мое... Осязание...

Первым

Из всех моих чувств

пробуждается слух.

Свободный еще от докучных нагрузок,
Он с жадностью ловит, очнувшись едва,
Симфонию птиц — эту музыку музык,—
Вбирает ее, как земля, как трава.

Глаза мои плотно закрыты пока,
Все тело оковано сном...

Тем не менее .

Нежданно оно обретает умение,
Забытое нами, людьми, на века,
Какое лишь в детстве мерещится глухо...

Где тяжесть моя?..

Невесомее пуха,—

Что пух?!—

уподобясь пылинке, лучу.

Взвиваюсь на воздух... Лечу!

Я лечу!

О счастье! Струя ветерка вознесла

Меня в высоту голубую — двукрыло...

Я руки раскинул... И оба крыла

Несут меня к небу... Ух... Дух захватило!

Блаженный бежит по спине холодок...

Я воздух студёный глотаю, как воду.

Лечу, ощущая приволье, свободу,

От дома, от будней так странно далек!

Но где ж мои братья?!

Глядь! Вниз понеслись,

Ликуя... Со свистом, со щебетом бодрым...

Что ж я? Я ж — не худший из братии...

К бедрам

Я руки притиснул...

И — камешком вниз!

Погиб! Разобьюсь!

Но, достигнув предела

Паденья, я чувствую: не пропаду!

Все та же струя мое легкое тело

Возносит наверх, как по гладкому льду.

Ведь воздух — он плотен... Он — твердь. Он — основа!

Как в детстве скользил по дорожке ледовой,

По небу скольжу я... Волшебный полет!

Как любо по небу кружить без усилий!

За что меня этого счастья лишили,

Поймали в тенета долгот и широт?!

Я счастлив... ,

И все же, хоть тело летает,
Я понял: тебя мне сейчас не хватает,
О тяжесть земная! Тебя, притяженье
Родимой планеты... Любви и тепла.
На что мне, безлюбому, оба крыла?!

Земля моя!.. Тяжесть и мука Земли!
Я плохо тебя разглядел при прощанье...
Осталась внизу она, — машет вдали...
Они мне кивают — все, все обещанья,
Которые я воплотить не успел,
Нежданно покинув привычный предел.

Все, все там, внизу, что невидимо прежде
Меня согревало в юдоли земной...
И я к ним рванулся: к мечтаньям, к надежде,
Которая все ж оставалась со мной,
К друзьям...

Я увидел их добрые лица...
Я слышу: они призывают с тоской:
— Вернись! Ты — не птица, не птица, не птица!
Он ждет тебя — жребий нелегкий земной...

И я задрожал... И в испуге и боли
Подумал: «А вдруг я останусь навек
На небе?!»

И всем напряжением воли
Сорвал пелену я с опущенных век,
Открыв их... И дивные краски Сегодня,
Сего — то есть — этого, нашего дня
Нахлынули...

День ко мне хлынул. И поднял,
Всем щебетом поднял с постели меня.

КОРЕНЬ

(Отрывок из поэмы)

Вижу я отряд степной:
Острровершие шеломы —
И винтовки за спиной...
Лица всадников знакомы.
Скачут, мчатся в конном строе
Детства моего герои!

С красным знаменем в руке
Мчатся к новым поколениям...
Наш цецен премудрый — Ленин!—
На калмыцком языке
Меж собою говорят...
В наши дни спешит отряд.

И по долам и по взгорьям
Скачет на лихих конях...
Я и раньше знал, что корень
Счастья — в тех суровых днях...

ИМЕНА В САДУ

Был это не воскресник
И не учебный час,
Когда с веселой песней
Пришел на пустошь класс.

Я помню вас, ребята,
Рост вровень с лебедой!—
У каждого — лопата
И сверточек с едой.

Вы приносили воду,
Чтоб саженцы росли...
И, разгрузив подводу,
Вперегонки несли —
Кто сосенку, кто ясьень,
Кто яблоню, кто клен...
Кто именно? Но в классе
Не перечеть имен:
Кермен, Цаган и Бося,
Басанг, Дорджи, Бова...

Давно прошла та осень!
Далек четвертый «А».
Давно минуло это,
Но память-то жива!

Сегодня до рассвета
Не спит десятый «А»,
Струит рассвет прохладу,
Играют ветерки.

Смеясь, гурьбой по саду
Идут выпускники.

И горек и прекрасен,
Рассвет июньский встал...
Басанг погладил ясень:
— Ого, каким ты стал!

Кермен шагнула к клену,
С улыбкой обняла:
— Какую я корону,
Друзья, приобрела!

Осине стройной Бося
Сказала: — Не дрожи,
Ведь я — в тебе, не бойся,
Характер покажи!

Цаган коснулась груши:
— И ты растешь, Санджи!
— Мы в сад вложили души!—
Сказал, вздохнув, Дорджи.—
И это — так прекрасно!—
Сказал и загрустил...
— «Тот прожил не напрасно —
Кто дерево взрастил!»—
Воскликнул вдохновенно
Задумчивый Бова.
И это, несомненно,
Мудрейшие слова!

БАБУШКА И ВНУК

(Легенда)

Пылет лето, ветер мчит, пыля,
От зноя высохла, потрескалась земля.
У волжской пристани не счесть народа,
И смотрит вдаль, а даль пустынна и гладка.
Не слышно на реке желанного гудка.
Все с нетерпением ожидают парохода.

Лебязьей стайей проплывают облака.
Их отражает, словно в зеркале, река.
А люди смотрят в ожидании на небо.
И разговор волжан с суровым небом скуп.
— Дождя бы!— горестно срывается с их губ.—
А то все выгорит, останемся без хлеба...

Незыблем астраханской крепости уклад.
Пробили бронзою двенадцать раз подряд
Колокола, и мерный звон растаял где-то.
Сынки купцов, погладив с важностью усы,
Бахвалясь, вынули карманные часы
И, сверив время, опустили их в жилеты.

— Подходит!— зычно закричали вдалеке.
Толпа широким валом двинулась к реке.
Ведром привязанным задрезжала бричка.

И, не сумев сдержать душевный свой порыв,
Заторопилась, руку к сердцу приложив,
Сухая, в черное одетая калмычка.

В глазах волнение. Ноги старые спешат.
Она сейчас увидит двух своих внучат
И сына взрослого с невесткой повстречает.
— Илья! Илюшенька!— растроганна она.—
Как добрались? Дорога-то длинна.—
И сына торопливо обнимает.

Приветный бросив на невестку взгляд,
Она ласкает, тормошит своих внучат —
Их, малых, можно приласкать и при народе...
Целует, гладит, нежно смотрит им в глаза,
Не замечая, что совсем близка гроза,
Ведь с нею внуки — Саша и Володя.

Потом пошли расспросы: труден ли был путь?
В дороге длинной не хворал ли кто-нибудь?
Вдруг вспышка молнии... Как будто спичка —
Она сверкнула в небе. Прокатился гром,
И сразу потемнело все кругом.
Перекрестилась в страхе старая калмычка.

И снова молнии лилово-синий блеск,
И оглушительного грома гул и треск,
Рождающий вдали, за Волгой, отголоски.
Желанный для бахчей и истомленных рощ,
Ударил с неба шелковистый теплый дождь,
Всеомывающий, неистовый и хлесткий.

Стояла бабушка, от страха побледнев,
Мольбою кроткою смиряя неба гнев:
— Джахан мой! Боже мой! Будь милостив ко внукам!—

По-русски, по-калмыцки — сразу двум богам —
Она старательно шептала по слогам
Слова молитвы с беспокойством и испугом.

Володя вырвался из рук и прыгать стал,
Веселым звонким криком ливень подгонял:
— Ну, припусти еще! Ну, припусти сильнее!—
Но скоро понял — бабушка огорчена:
Грозой внезапною встревожена она,
Замолк, притих, остановился перед нею.

И в небо поднял быстрые глаза:
— Довольно! Хватит!— ливню строго приказал.
И ливень стих. И посвежело все в природе,
И солнце брызнуло с высот еще щедрей,
И стали свертываться завитки кудрей
На мокрой темно-русой голове Володи.

Старушка рада: младший внук ее кудряв!
Волос колечки, сотней солнц затрепетав,
Сверкали отблеском чудесного металла.
— Смотри, Володя,— тихо молвила она,—
Твоя головка будто солнышком полна...—
И внука бабушка, обняв, поцеловала.

— Ты дружбу с небом и землей, дитя, ведешь,
Громам небесным ты свои приказы шлешь,
Свет молний гасишь всемогуществом батыра.
Как бог, ты бабушку от ливня нынче спас...—
Шутила женщина, своим словам смеясь,
А думала она, как все старушки мира:

«Нет, вы не спорьте! Внук мой не простой.
Он под счастливой родился звездой.
И — вот увидите — владыкой мира станет».
Она Володю нежно за руку взяла

**И в гору тихо, осторожно повела,
Подумала: вдруг мальчик по пути устанет.**

**Гостя на Волге, часто слышал внук
От старой бабушки, не ведавшей наук,
Степные сказки и народные преданья.
Он полюбил джомбу — калмыцкий вкусный чай —
И чутким сердцем постигал полынный край,
Где жизнь кочевников — сплошная цепь страданий.**

**Шел год за годом. Внук калмычки рос, мужал.
Владыкой мира, властелином он не стал.
Но бурю, что с земли сметала властелинов,
Взрастил он мыслью пронизательной своей
И поднял в битву поколения людей,
Что жили впроголодь и рабски гнули спины.**

**Сноп лучей от солнца разума его
Во имя счастья человечества всего
Сумели мглу пробить, в грядущее прорваться.
Народы всей земли ведет его рука
В заветный коммунизм, в счастливые века.
...Он Лениным стал в мире называться!**

* * *

Если сильному по вкусу чья-то слава,—
Грош цена подобной славе, право!
Если ж сильным эта слава — не по нраву,
То она заслужена по праву.

* * *

Помните, друзья,— а помнить нужно!—
Как, ребячьих не щадя усилий,
Возмущенно, яростно и дружно
В школе мы доносчика судили
И тогда наушника, фискала
Всюду наша кара настигала?..

А теперь — куда от правды деться?—
Вижу я,— в недобрую минуту
Справедливые законы детства
Стали забывать мы почему-то.
Говорим о подлости прохладно:
Мол, не я доносчик, ну и ладно!..

ЗАВИСТНИК

О, зависть — бедствие Земли!..

Когда б все лучшее на свете
Завистнику преподнесли,—
Он искривился бы, заметя,
Что кто-то нищему в суму
Вложил истертую монету:
«Ему копейку?! Почему?..
Ох, мне бы, мне монету эту!»

* * *

— В кого ты уродилась, право!—
В сердцах сказала дочке мать.
И усмехнулась дочь лукаво:
— Тебе, мамаша, лучше знать!..

Отец, блеснув глазами, вышел.
Припомнил что-то он, видать...
И, словно ничего не слыша,
Посуду вытирала мать.

Он говорил о мертвом друге,
Над гробом друга речь держал.
Перебирал его заслуги,
А голос падал и дрожал.
— До срока,— говорил печально,—
До срока он покинул нас!..—
За лоб хватался театрально
И пышной шевелюрой тряс...

Вокруг молчали люди строго,
Но тот, кто их обоих знал,
Подумал: «Раньше бы немного
Свою любовь ты показал,
Когда бедняге было туго,
Когда был жив твой бедный друг,—
Тогда бы поддержал ты друга
И друг бы одолел недуг».

А речь оратора взвивалась
Все выше, выше к небесам...
Он восклицал: — Какая жалость!—
А в это время думал сам:
«Как я умен! Какая сила!..
Да я — в ударе, черт возьми!..»

...Над прахом друга, у могилы,
Он красовался пред людьми.

НОС

Вошел в шумливый наш вагон
Юнец, одетый модно.
Небрежно поклонился он.
Сел с краю, где свободно.

Мы все играли в домино,
Стуча костями лихо.
«Взгляните на него... Смешно!»—
Сосед сказал мне тихо.

Вошедший к зеркалу прирос.
Сто раз, по меньшей мере,
Он то сгибал, то плющил нос,
Как будто что-то меря.

Он пояснил нам:
— В институт
Косметики я еду.
Мне нос подправят. Там уж ждут.
И все исчезнут беды.

«Беда от носа?.. Пустяки!—
Подумал я с досадой.—
Не нос, голубчик, а мозги
Тебе подправить надо!»

* * *

Пускай в доме своем престижном
Иной талдычит день и ночь,
Что бескорыстно служит ближним,
Что людям хочет он помочь,

Пусть кроху от куска большого
Другим он бросит, наконец,—
Не верь ни жесту и ни слову
И знай, что пред тобой — хитрец.

На публику — его игра.
Он доброхотствует лукаво
В расчете, что на грамм добра
Получит многопудье славы.

* * *

Преображенья Райкина мгновенны.
Смотрю, дивлюсь. И думаю невольно:
О, если бы любимцы Мельпомены
Владели этим даром монопольно!

* * *

Когда любовь свою поет
Старик-поэт назло рассудку,
Ей-богу, стыд меня берет,
И стыд я превращаю в шутку.

Подвержен хвори млад и стар.
Порой болезни ходят цугом.
И старцев сотрясает жар...
Но кто же хвастает недугом?!

Да, ты не избежал силка!..
Но — затаись, и мы — не судьи.
Молчи!.. Тогда, быть может, люди
Хоть пожалеют старика!

Поэмы

БОЛЬШОЙ ТЕАТР

Так — гармонических орудий
Власть беспредельна над душой...

Ф. Тютчев

Стоит,
 овеян славой мировою,
Среди Москвы,
 но будто над Москвою —
Дворец чудес, волшебный тот чертог,
Тот храм искусства, где бессмертный гений
Дарит нам все богатства наслаждений —
Чудесных танцев, музыкальных строк.

Квадрига Клодта рвется вдаль с фронтона
И все-таки не покидает старт,
Венчая то, что все мы восхищенно,
Почтительно зовем:
 «Большой театр».

Квадрига всем порывом в дали мчится,
Топча заботы, будни прочь гоня...

«Большой театр»...

Вот так — без перевода,
Так прямо — как на русском языке!
И я невольно замер, озадачен:
Что стоило перевести сполна?!
Нет, видно, был бы некий смысл утрачен,
Померкла б краска важная одна!

Должно быть, в паузе между двумя словами
Он притаился — чуть заметный луч,
Сердца обогревающее пламя,
К новейшему миропознанию ключ.
В короткой паузе, разъединившей эти
Два слова — там оно наверняка
Наметилось и зреет, слово третье,
Не всем еще понятное пока...

«Большой театр!» — я говорю...

И снова
В любое время предо мной встает
Московский ранний, розово-лиловый,
Неповторимо сладостный восход.

Встает, звучит...

Да нет, не предо мною!
Струенье бледно-розовой зари
Мелодиею, музыкой цветною
В груди моей вскипает изнутри...

Просцениум я вижу и кулисы...
Гремит оркестр, под стать колоколам...
Вот я — в Кремле...

В Кремле царя Бориса...
Ступени вижу... Вижу старый храм...
Поет Козловский...

А ко мне, раздвоясь,

Доходит голос, точно издали...
Никола это?..

Или это — совесть,
Недремлющая совесть всей Земли?..
«Копеечку подайте!»—

просит нищий.

Юродивый... Тоску в глазах тая,
О хлебе молит? О духовной пище?..
Николка это?..

Или, может, я?

Да, я! Я, не умеющий молиться,
Молюсь... И руки у груди сложил...
(И в те века одна моя частица
Жила уже... Иначе б я не жил!)
Да, это я, прижав к груди ладони,
Взываю к богу — немощен и слаб,
Молю, согнувшись нищенски в поклоне:

«Подайте мне копейку хотя б!
Подайте мне хоть малую толику,
Хоть этим искупите смертный грех!
Хоть кроху дайте красоты великой!
Не для себя прошу!.. Для всех! Для всех!»
А рядом тот, кто высшего предела
Достиг,— тот царь, чья совесть нечиста...
Что жальче?..

Нищего нагое тело?

Иль совести ущербной нагота?..

Душа царя видна — как на рентгене...
О совесть, совесть!.. Нет жесточе мук!..
Козловский ли поет сейчас на сцене?..
Иль мировая боль открылась вдруг?..

Храм исчезает... Проплывают мимо
Палаты Годунова... Древний век...

Что там на небе?..

Призрак Хиросимы?

Там гриб кошмарный движется на всех!
И голос нищего исходит плачем,
Пронзая сердце жалостью насквозь...
Куда бежать?..

Куда детей мы спрячем?

Тут светопреставленье началось!

Николка молит:

— Смилуйся, царь Ирод!

Свой смертоносный придержи огонь!
Детей не обижай! Не мучай сирот!..
Нежнейших горлышек лучом не тронь!
Росточки жизни так нежны, так хлипки!..
Так трепетны чуть начатые дни!..—

Николка стонет, вторя стонам скрипки:

— О боже!.. Беззащитных охрани!—

Но что он может — жалкий одиночка,

Бедняк, что только жалостью богат?!

Он вьется над детьми, как будто квочка,

Прикрывшая от коршуна цыплят...

В его бессильной просьбе мало толку...

Господь от бомбы никого не спас!..

И все ж не бойся!

Встань с колен, Николка!

Весь мир — за нас. Большой театр — за нас!

...А мы пройдем в партер... Напором воли

Бег времени направим мы назад

Хоть на короткий срок...

Не для того ли,

Чтоб на нее еще раз бросить взгляд?

Все пурпурно-золотые переливы

Колышет занавес... А что за ним —

Сейчас посмотрим мы нетерпеливо

И красотою душу усладим,
Искусством радостным уьемся снова,
Доверчиво открыв свой жадный слух —
Для музыки одной... А не для слова!

Ведь слово может быть в обличьях двух:
Правдиво слово, но подчас и ложно,
Есть у него лицо, но есть — испод...
Оно, как транспорт железнодорожный,
Бок о бок бомбы и детей везет...
А нас сейчас ждет только наслажденье,
Пред нами — чистой радости исток...
Ведь в мире, кроме слова, есть движенье:
Язык послушных рук и гибких ног...
О счастье!.. О седьмое чудо света!
Мир бессловесных сказок и поэм —
Искусство жеста, пластики, балета,

Понятное без перевода всем!
Возникшее неведомо откуда
(Из царства сказок, может, к нам пришло?),
Ничем не омрачимо это чудо —
Оно и смерть воссоздает светло!

Слив музыку и краски воедино,
Одoleвая светом силы Зла,
Она восходит.— Вот она —

Галина

Сергеевна

Уланова

взошла!

Как восходит солнце...

Магией таланта

В любовь и музыку превращена,

Легка, как пух, ступая на пуанты,
Сердца возносит к небесам она,
Духовностью одолевает страхи,
Любые происки нечистых сил...
О эти руки!.. Рук волшебных взмахи!
О трепетанье лебединых крыл!

У скептика и то возникнет вера,
Что Красота не блекнет никогда,
Что у Прекрасного — иная мера,
Что эта мера — Вечность, не года!

И зритель, устремясь за ней высоко,
Во весь порыв разбуженной мечты,
Вдруг осознаёт пушкинскую строку:
Вот, вот он — «гений чистой красоты»!

Да, если б в этот миг меня спросили:
— Какой он с виду, где его найти?—
Ответ бы отыскал я без усилий:
— В Большом театре! Здесь он — во плоти.

Не он ли сказочной своею властью
Здесь управляет Мудростью, Добром
И говорит, что истинное счастье
Ты можешь отыскать в себе самом?..

Он учит побеждать невзгоды духом,
Велит предвидеть Правды торжество,
Прекрасное

даёт услышать слухом,
Увидеть зреньем светлый лик его!

Равно понятный молодым и старым,
Всех, всех, каков бы ни был их язык,
Он оделяет драгоценным даром,
Театр Большой, ведь он и впрямь велик!

А звон из-под земли вызывает к нам —
Ко мне,
 к тебе,
 к грядущим временам,
Всем нам — живым — приказывает:

— ПОМНИ!

— Не забывай!—

 велит подземный звон.

— Не забывай!—

 негромок, но силен
Печальный этот голос колокольный...
Под этот звон рисуется невольно
Других могильных насыпей гряда...
Холм за холмом выходит из тумана.
Под ними —
 не селенья,—

ГОРОДА!

Да,

 города,

 а может быть,

 и СТРАНЫ!

Неужто здесь навеки погребли
Все то, что оставалось от Земли?!
Моей Земли?!

— Нет, нет!— кричу я.—

Нет!

Нé будет этого! Пусть это бред!

Но слышать это —

 непереносимо,

Ведь есть же все-таки пределы бед!

И вдруг

 из тьмы —

 слепяще-белый свет,—

Тот ВЗРЫВ,
в котором сгинула Хиросима!

...Когда бы это дьявольское Зло
Из глубины космической пришло,
Когда б оно возникло за пределом
Понятий наших,—
в бездне, где живет
Неведомый урод,
наш антипод,
Кто наше ЧЕРНОЕ
считает БЕЛЫМ,
Наш цвет ВЕСЕННИЙ —
порожденьем ТЬМЫ,
Когда б кошмары эти породила
Не человечья,—
чуждая нам сила,
Не мы.
Не люди...
Нелюди,—
не МЫ!—
Тогда б Земле вскричали мы: — Вини
Не нас,—
ОНИ, ОНИ!—
причина мрака,
ОНИ тебя прикончили...
Однако...
Мы знаем, что виновны
НЕ ОНИ!

Звонят!
Звонят колокола Хатыни,
Но в звоне их мне слышится теперь:
«Не верь!
Вовек не быть Земле пустыней!

Верь Разуму!

Духовным силам верь!»

И ТЕ,

чей прах смешался с прахом трав,
Хотя и подчинились грубой силе,
Все ж не сдались и все же .

ПОБЕДИЛИ,

Бессмертны стали,

смертью смерть поправ!..

Бесстрашье их,

их вечный подвиг славит
Колоколов хатынских вечный звон...

Ведь

ПАМЯТНИКИ

на земле

НЕ СТАВЯТ

Тем, кто сломился,

тем, кто побежден!

КУРДЮЧНАЯ ОВЦА

Тебе, овца выносливой породы,
Тебе, подмога деда и отца,
Тебе хочу сложить подобье оды.
Калмыцкая курдючная овца!
Случилось так: на выставке я замер.
И замолчал, и растерялся вдруг,
Когда предстал, как в детстве, пред глазами
Огромный, жиром налитой курдюк.
На взгляд чужой, должно быть, некрасивый,
Он пробудил минувшее так живо!
Воспоминаний поднялась волна
И унесла в былые времена.
...Вновь предо мною дедушка мой старый,
За ним вослед, в июльский тяжкий зной,
Иду в степи среди большой отары —
Парнишка, малолеток озорной.
Жара, дышать почти что невозможно.
Бараны, разомлев, вповалку спят.
Меж ними пробираюсь осторожно,
Шагаю через дремлющих ягнят...
Я важен. Я исполнен чувства долга
И вовсе не скрываю торжество.
Смотрите!.. У меня в руках — карболка.
Иду лечить барана моего!
Он русским другом деда был подарен —
Мне, лично мне! — прошедшею зимой,
И я поверил — восьмилетний парень! —
Что этот великан и вправду мой!
Кусочки хлеба для него в кармане
Носил не раз на пастбище чуть свет.
А он меня лукавою, бараньей
Улыбкою приветствовал в ответ.'

Теперь я знаю,— понял я недавно,
В музеях разных побывав теперь,—
Что он дарил меня улыбкой фавна —
Улыбкой бога — благодарный зверь!
...Вот он стоит — животное из сказки,
Баран размером с доброго телка.
На двухколесной легонькой коляске
Покоится громада курдюка.
Иначе с ним не справиться барану...
А мудрый дед мой, засучив рукав,
Обследует запекшуюся рану,
Курдюк рукою левой приподняв,
А правой держит щипчики и ловко
Отбрасывает мерзостных червей.
Глазами показав мне на карболку,
Он коротко приказывает: — Лей!—
Карболка пахнет сильно и приятно.
Мальчишкой — почему-то непонятно —
Я этот запах искренно любил...
И я плещу, плещу что было сил,
Лью на червей, сосущих невозбранно
Баранью кровь — пахучую струю,
На них, сосущих моего барана,
Карболку лью — чужую, не мою!
Дед сердится. Но все ж спокойно учит
(Смешно сердиться: парень маловат!):
— С лекарством так не поступают, внучек!
Лекарство люди берегут, щадят!..—
...Все это: тени в солнечных накрапах
И выраженье дедова лица,
Все — даже и карболки прежний запах —
Вернула ты, курдючная овца!
Ты впрямь со мною сотворила чудо.
И я подумал, поглядев окрест:
Поставить памятник тебе не худо,
Тебе, хозяйке прежней наших мест!

Чтоб, старую знакомку привечая,
С улыбкой на овцу смотрел калмык.
Ведь есть же изваянье в нашем крае:
Увековечен в камне мощный бык!
И ты вниманья скульптора достойна,
И ты не посрамишь его резца,
Прошедшая сквозь холода, сквозь войны
Калмыцкая курдючная овца!
Пусть шерсть твоя немного грубовата,
Но и в дожди, и лютою зимой
Не ты ль спасала прадедов когда-то,
Даря их шубой, теплою кошмой?!

И если кто, умом не в меру прыткий,
Вдруг посмеется над кибиткой зло,
Да вспомнит он, что под кошмой кибитки
Людей разумных много возросло!
Ты помогала нам сносить невзгоды.
Калмыка — чабана и мудреца —
Ты согревала и питала годы,
Могучая курдючная овца!
Твой жир и мясо!.. Ароматы пара.
Баранины благоуханный дух!
Он, предвкушеньем дивного нектара,
Издали степной волнует нюх!
Вкуснее пищу встречу я едва ли!
Полезнее не сыщется еда!
Не зря ее поэмы воспевали
И в наши дни, и в древние года!
Баранина!.. Ты радостью земною
Волнуешь нас, без араки пьяня!..
Видали праздник степняков весной,
В апреле дивном, в «Месяце Коня»?!

Слыхали, как, обгладывая кости
И с наслажденьем всасывая жир,
Хозяина похваляют гости
За угощенье, за обильный пир?!

А сам хозяин — щедрый, тороватый —
Себя сейчас считает богачом...
Проси что хочешь — жеребца иль злата —
Сегодня не откажет он ни в чем!
Баранина!.. Доволен я, признаться,
Тем, что никто еще до сей поры
Не изобрел бараньего эрзаца
По образцу искусственной икры.
Я как-то пробовал ее... И что же!
Науку осуждать остерегусь,
Что ж, на икру она вполне похожа
На вид, на цвет... Но только — не на вкус.
И я хочу сказать:

животноводы!

В работе вашей есть изрядный толк.
Вы дали нам овец такой породы,
Чья шерсть мягка и ласкова, как шелк.
Мы пряжей не нахвалимся чудесной.
Породу эту ценит млад и стар...
Но разве на степных просторах тесно
Для двух пород, для разных всех отар?!
Овечек новых обижать не стану,
Я вовсе не поборник старины!
Но разве помешают нам бараны,
Чьи курдюки тяжелые жирны?..
Пусть овцы новые пасутся с миром,
Пускай стада их радуют сердца.
Но пусть, как встарь, бараниной и жиром
Снабжает нас курдючная овца!

ГРУСТНАЯ ПОВЕСТЬ

Только правду говорить условясь
И о вас тревожась — в тишине
Я припомнил горестную повесть,
Некогда рассказанную мне.

В дни, когда природа оскудела
И на степь дохнули холода,
Плавал одиноко лебедь белый
По студеной зелени пруда.

Суживал круги, не улетая:
Льдинками его теснила гладь.
Почему-то он отстал от стан,
Здесь ему придется зимовать.

Но в степях, где зимы так суровы,
Где мороз мучительно-жесток,
От зверья, от ветра ледяного
Сохранить бы жизнь он вряд ли смог.

Да, по счастью, вдоль крутого склона,
Что-то напевая на ходу,
Девушка из ближнего хотона
Полоскать белье пришла к пруду.

Видит: лебедь черными глазами
Смотрит на нее издалека.
Не шелохнется. На месте замер.
В глазках-вишнях — странная тоска.

«Не пугается!.. Какая смелость!»
— Лебедь, лебедь, ближе подплыви!—
Девушка внимательней взгляделась:
Перья-то у лебеда — в крови!

— Что с тобою, милый мой, красивый?..—
Он подплыл. Но как-то тяжело,
И повисло жалобно и криво
Кровью обагренное крыло.

Девушка идет... Вослед за нею
Двигается и лебедь вдоль пруда.
Точно руку, протянул к ней шею.
Будто молит: — Помоги!.. Беда!..

— Ближе!.. Ближе!.. Мой крылатый, белый!..—
Он подплыл почти вплотную к ней.
У нее на сердце потеплело.
Громче петь ей хочется, звончей!

Прикоснулась к шее лебединой.
До чего упруга!.. Как бела!
Гладит ласково крутую спину.
Раненого на руки взяла.

И прижался лебедь белокрылый
К девушке совсем как человек,
Повстречавшийся с подругой милой,
О которой тосковал весь век.

Со своей тяжеловесной ношей
По дороге шла она с трудом.
— Потерпи немного, мой хороший!
Мы тебя подлечим... Скоро — дом!

Девушка за лебедем ходила,
Не жалея нежного тепла.
И к больному возвратились силы,
Рана понемногу зажила.

Стал таким ухоженным и сытым,—
Да уйти ей трудно из дверей.
Чуть его оставишь — затрубит он,
Будто просит: — Приходи скорей!

В жизни может и не то случиться:
Дружеством земля давно жива.
Но об этой девушке и птице
Всюду по хотонам шла молва.

С удивленьем замечает всякий,
Кто глазами убедился сам:
«Лебедь, неотвязнее собаки,
За девчонкой ходит по пятам!»

Понемногу дни теплее стали.
Зацвели тюльпаны, скоро — май.
Наполняются степные дали
Ликованьем прилетевших стай.

Друга привела к озерной сини
Девушка...— Расстаться нам пришлось,
Друг мой лебедь!.. Видимо, отныне
Счастья нам искать придется врозь!

Подтолкнула на воду рукою...
И поплыл он меж прибрежных трав,
Тут же обернулся... И с тоскою
Затрубил, как будто застонав...

...Девушка поехала учиться.
В Элисту — экзамены сдавать.
Поступила в институт... И мчится
Ненадолго в свой хотон опять.

«Лебедь! Как я по нему скучаю!
Где он?.. Что с ним, с дорогим дружком?!»
Даже не напившись дома чаю,
К озеру она бежит бегом.

Смотрит вдаль... Глаза слепит от сини...
Улетел?.. Должно быть, позабыл!..
Нет!.. Белеет что-то посередине...
Ближе, ближе!.. Виден трепет крыл!

Лебедь!.. Сердце чуть не расколось!
— Лебедь милый!— громко позвала.
Он услышал. Он спешит на голос!
Не плывет — бежит, подняв крыла!

Подбежал... Взмахнул крылами странно,
Точно обнял... Поднял кверху клюв,
Потянулся к ней... И бездыханно
Пал на землю, по траве скользнув.

Стонет... Стонет — тише и неслышной...
Сердце девушки сжимает страх...
Видит: черные глазенки-вишни
Помутнели, меркнут на глазах...

Сердце разорвалось,— не иначе!
На земле лежит он, недвижим...

И она склонилась, горько плача,
Над погибшим лебедем своим.

О грустнейшей из таких историй
Поразмыслите, судьбу вина.
Если вывод будет слишком горек,
То не обижайтесь на меня.

СКАЗКА ОБ УЖЕ
(ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ)

І. ПРАВДА .

Прохладою веет с цветущего луга.
И зори еще и теплы и чисты.
С собой прихватив сотоварища-друга,
К пруду направляюсь — вблизи Элисты.

Шагаю с удилицем, с прочею снастью,
Посмотришь,— и впрямь рыболов записной,
Кто скажет, что крупная рыба, к несчастью,
Обычно обходит меня стороной!

— Ну, как?.. Приготовить котел для сазана?..—
Кой-кто из домашних заметит мне вслед.
Сердиться на это я, право, не стану,
Уж лучше смолчу горделиво в ответ.

Подобные речи мне слышать не ново,
Нередко они у друзей на устах.
Пусть шутят!.. Оно — не опасно для клева.
Опаснее ветер, шуршащий в кустах.

Но ветер утих. Никому не мешая,
В листве повозился, свернулся и лег...
И мы на прогалине меж камышами
Сидим... На воде заблестел поплавок...

И вновь я шепчу заповедное слово —
Одно из древнейших охотничьих слов,
Которое есть про запас у любого,
По смыслу — такое: «Да будет улов!»

И пусть извинят меня умные люди,
Что фарт мой рыбачий не ставят ни в грош,
Я верю: он будет, он все-таки будет —
Улов мой, пускай он с обычным не схож.

Пускай я сазана не брошу в ведро,
Которое важно тащил на весу.
Но, глядя вокруг напряженно и зорко,
Добычу я все же домой принесу!

И все ж я словлю ее — так иль иначе —
Ту рыбу, что вовремя нужно подсечь...
Ведь я не для выгоды личной рыбачу,
А ради волшебных предутренних встреч.

А ради свободы и ради прохлады,
Воды бирюзовой, привольных небес...
И, право, богаче улова не надо,
Чем только одно из подобных чудес!

...Сегодня оно намечается сразу,
Само на меня наставляя глаза:
В два странно-огромных, два выпуклых глаза
Глядит на меня с камыша стрекоза.

Камыш для нее — что качель для ребенка:
Охота пришла покачаться с утра.
Блестит, как слюда, ее крылышек пленка,
А каждое крылышко — точно домбра.

Притом, в довершение сходства — взгляните! —
На крылышке, что инструменту сродни.
Прожилки натянуты — тонкие нити...
Посмейте сказать, что не струны они!..

И, кажется,— пальцем их тронешь, и сразу...
Что — пальцем?! Едва к ним притронется взгляд.
Они, повинуясь немому приказу,
Настроятся вместе и в лад зазвучат.

И можно услышать в их тихом напеве —
Ты только вниманье и память включи!—
Все гимны — все те девяносто и девять,
Которыми славили мир джангарчи...

...Я знал, что порадует с первой минуты
Меня это утро над гладью пруда,
Как это случилось не раз... Потому-то
Всегда не один прихожу я сюда.

Мне в детстве не раз говорили, и вскоре
На опыте сам я проверил вполне,
Что так же, как горе с друзьями — полгоря,
Так радость вдвоем — это радость вдвойне.

Поделишься счастьем,— глядишь,— как ни странно.
Умножась, к тебе возвратится оно.
Сегодня с собой я привел мальчугана —
Соседа, мы с ним подружились давно.

Малыш по годам мне годится во внуки,
Но верится мне, что приспела пора
Его приобщить к рыболовной науке
(По части теорий мы все — мастера!).

Беседуем с ним о лине златопером,
О том, кто хитрее — сазан иль налим...
Меня подкупает вниманье, с которым
Следит паренек за рассказом моим.

Так слушают, верно, учителя в школе,
Когда интересный урок он ведет...
Но вдруг, словно чем-то его укололи,
Вскочил мой приятель... И камень берет.

Зажал в кулаке, к нападению готовый,
И замер малыш на мгновенье, дрожа...
— Кого ты увидел?..

— Противного, злого,
Ползучего гада...

— Какого?..

— Ужа!

Смотрите, смотрите, как пасть он разинул!
Лягушке спастись от него мудрено...—
И я посмотрел. И увидел картину,
Какую не часто увидеть дано.

...Ужи в их одежке, не слишком приметной,
Нам всем пригляделись в степной полосе,
Но я лишь сейчас, в этой рани рассветной,
Ужа рассмотрел в настоящей красе.

Лежал он недвижно и словно зевая,
Но все ж почему-то я понял тотчас,
Что поза ужа и сейчас — боевая,
Что жажда его, накалясь, разожглась.

Что весь он пронизан желаньем единым
Сломить чью-то волю и все существо,
Что он ощущает себя господином
Созданья, намного слабее его.

И я разглядел две`оранжевых кисти,
Два желтых кружка на его голове,
По цвету они — как осенние листья
Иль, может, монетки червонные две...

Невольно люблюсь я красноголовым,
Я глаз от него отвести не могу...
И вдруг замечаю: ужом очарован
Еще кое-кто на пустом берегу.

Лягушка!.. Бедняга, да что это с нею?!
Подпав под чужую могучую власть,
На месте застыла она, цепenea...
Нет, динулась... Прямо в открытую пасть!

Противится в муке почти человеческой,
Не хочет идти, но, однако ж, кружа,
Все движется, движется смерти навстречу,
Все близится к пасти разверстой ужа.

Ползет и ползет, на себя непохожа,
И кажется мне, у меня на глазах,
Усохла, слиняла бугристая кожа,
Слизал с нее краски губительный страх.

Я понял: вершится одна из трагедий,
А рядом ее не хотят замечать:
Глодают букашек лягушки-соседи,
Сазан, взбаламутив зеркальную гладь,

Подпрыгнул... Но я не гляжу на сазана,
Признаться ли?.. Я целиком поглощен
Картиной борьбы без прикрас, без обмана,
Где сила — единый всевластный закон.

Прервать поединок?.. А где мое право?..
Ну да, погибает одна из квакух,
Но ведь и она — как подумаешь здраво,
Не слишком щадит зазевавшихся мух.

И все ж мой приятель не выдержал...

Жалость

В душе его юной проснулась опять.

И камни, и комыя — что в руки попало —

Пошел он в убийцу лягушки швырять...

Но уж показал нам узорную спину

И, видимо нас презирая слегка,

С лягушкой, заглотанной наполовину,

Скользнул и укрылся в стеблях тростника...

— Удрал?.. Все равно, я найду тебя, гада!

Булыжником прямо в тебя звездану!..

— Спокойней, дружок! Горячиться не надо!

Послушай старинную сказку одну!

II. ВЫМЫСЕЛ

В стародавние времена

Жил да был богатырь Менке.

Как-то в поисках табуна

Поскакал он в степь налегке.

Скачет-едет степным путем

На могучем коне своем.

Видит, пыль вдали завилась:

Не табун ли пылит вдали?

Богатырь чуть прищурил глаз:

Не видать табуна в пыли!

Маани!.. Из дальней земли

Мчится враг калмыков — Мангас!

Мчится враг из чужих сторон,

Поднимает кровавый прах.

А под ним — невиданный слон —
Слон о четырех головах!

Чем он страшен — Мангасов слон?
Видит он с четырех сторон.
Смотрит и назад, и вперед,
И с обеих глядит боков.
От него никто не уйдет!
Вот он — слон Мангасов каков!
Ничего от него не скрыть!
Он во всю тяжелую прыть
Мчится, перед собой пыля.
И дрожит под слоном земля.
Смотрит слон назад и вперед.
Сгубит он калмыцкий народ!

Нужно путь Мангасу пресечь!
Обнажает Менке свой меч,
Меч тяжелый, что по руке
Лишь ему — силачу Менке!
— Эй, Мангас! Я сейчас в бою
И тебя, и слона убью!

Но скакун Менке — аранзал .
На хозяина посмотрел,
И такие слова сказал
Конь, что был и смышлен и смел:
— Не спеши, хозяин! Постой!
На подмогу ум призови!
Не бросайся в неравный бой,
Раньше Волгу переплыви!
Там отцовский меч раздобудь!
И пускайся в обратный путь
С заповедным этим мечом,
Без него тебе нипочем
Не сразить своих злых врагов.

Непомерно силен Мангас,
Слон его — четырехголов,
Разве срубишь их всех зараз?!
К Волге ты поспеши сейчас.
Я ж покуда посторожу,
Как-нибудь слона задержу.
Да не медли! Не то — беда!
Видишь?.. Столб подходит сюда!

Шапку с красной кисточкой, чтоб
Не сорвал ее ветер прочь,
Нахлобучил Менке на лоб,
К Волге бросился во всю мочь.

Прямо к синей Волге-реке
Прибежал богатырь Менке.
Ищет лодку или челнок.
Но глаза, как будто назло,
Вдруг туманом заволокло...
Не туман глаза обволокло,—
То громадный Мангасов слон
Заслонил собой небосклон!
Где ступает нога слона,
Там вода на земле видна:
Страшен вес слоновьей ноги!
В небо хоботы взметены:
Все четыре мощных дуги
Поднимаются в высоту.
Каждый хобот — длиной в версту!

А Мангас кричит, разъярен:
— Шевелись побыстрее, слон!
Сколько времени у меня
Отняла болтовня коня!
Что он голову мне дурил?!—
Мчится слон изо всех сил,

Мчится слон, трубя, со всех ног.
А Менке, разыскав челнок,
Путь направил на берег тот.
Изо всей он мочи гребет.

Весла старые — велики,
Челн уже — посередь реки...
Вдруг Менке возопил: — Беда!
Проступает в челнок вода.
Да, пробойна в днище есть.
Чем заткнуть ее? Может, сесть?

Примостился он кое-как...
Между тем наседает враг.

Крепко сжав рукоять меча,
Приподнялся Менке чуть-чуть.
Но струя прорвалась, журча,
Сквозь дыру... Чем дыру заткнуть?
Кто поможет беде моей?!
Враг меня почти что настиг!
Слон трубит: — Ты пропал, калмык!—
Но как раз в этот самый миг
Проскользнул в челнок серый змей.
Змей с полосками на спине
Серой сталью блеснул на дне.

Вот еще — неожиданное зло!
Беды, беды со всех сторон!
Поднимает Менке весло,
Чтобы змея выкинуть вон,
Тесно, мол, в моем челноке!..
Хмуро змей взглянул на Менке,
Свое тело в кольца свернул
И собою дыру заткнул.

— Ишь ты! Помощь идет от тех,
От кого ты ее не ждешь!
Полосатый, прости мой грех!
Видно, ты и вправду хорош!
Вот теперь я и встать могу.
Покажу я сейчас врагу!

И на змея-друга Менке
Благодарный бросает взгляд.
И в могучей своей руке
Боевой сжимает булат.
Распрямляется в полный рост
И по хоботу, что над ним
Прогибается, словно мост,—
Как махнет булатом своим!..
Хлынул крови мощный поток,
Закипев, волна за волной
Подтолкнули вперед челнок.
Он летит по воде стрелой
Прямо к кромке береговой.

Слон переднею головой
Протрубил:

— Погляди, Мангас!

Это — очень плохо для нас.
Мы врагу ускорили ход.
Эй, послушай мои слова!
Моя задняя голова
Воротиться — знак подает.
Чем в реке помогать врагу,
Охладимся на берегу!

В путь обратный пустился слон.
Стонет чудище: «ох!» да «ох!»,
Оставляя крови следы,
Набирает в Волге воды,

И на раненый хобот он
Изо всех оставшихся трех
Дует, брызжет теплым дождем...
— Здесь, Мангас, врага обождем!

А Менке, все гребя вперед,
Разговор со змеем ведет:
— Как зовут тебя, друг мой — змей?
Кто родные твои?.. Скажи!
— Змеев нету в родне моей.
Все мои родные — ужи.
Род у нас — весьма плодовит,
Но нисколько не ядовит.

Вот он — волжский берег другой...
— Выходи, мой уж дорогой!—
Поднялись они на бугор —
Богатырь и уж — его друг,
Развели на бугре костер,
И хоть было им недосуг,
Богатырь ужаку — дружку
Вскипятил на костре чайку.
А потом говорит: — Держи!
Хоть не носят шапок ужи,
Покрасуйся в шапке моей!
Дай надену ее, любя.
Пусть по этой кисти тебя
Отличают от прочих змей.
Пусть запомнит каждый навек:
Не губи ужа, человек!

И в хотон богатырь пошел,
Меч отца своего раздобыл.
Был тот меч остер и тяжел.
Он врага вразруб — изрубил,
А потом и его слона.

Все четыре его башки
Измельчил Менке на куски.
И чтоб в новые времена
Народиться в мире не мог
Злыдень о четырех головах,
Богатырь его кости сжег
И по ветру развеял прах.

Ну, а шапка богатыря
На ужа надета не зря:
Приросла она к голове.
Правда, кисти красные две

Пожелтели, блестят не так...
Все ж остались они: как знак,
Что ужи и люди — друзья,
Что ужей обижать нельзя.

Сказке этой — множество лет,
Понял, милый, ее мораль?..
— Понял,— мальчик кивнул в ответ.—
Да, ужей обижать — не след...
...А лягушку все-таки — жаль!

ВОСХОЖДЕНИЕ

I

У подножья Эвереста,
Чья прославленная круча
Рассекает в небе тучи,
Под стеной горы отвесной,
Что незыблемо стояла
Столько лет, полна величья,—
Там от жителя Непала
Слышал я такую притчу:

— Чужеземец!— мне сказал он.—
Убежден, что вам известно
То, что наше королевство
С гордым именем Непала
Привлекает альпинистов
Из Америки, Европы...
Смельчакам, чей нрав неистов,
Наши выси, наши тропы
По ночам, должно быть, снятся,
Им нейдет пробираться
По снегам, не встретив следа,
Иль моренами крутыми,
Чтоб, отпраздновав победу,
Там свое оставить имя...

...В том году — каком не важно!—
Некий юноша отважный
Прибыл к нам из дальней дали.
Храбрецом он был отменным,
А по крови — тем надменным,
Чьи отцы у нас, в Непале,
За людей нас не считали.

Был он с юных лет обучен
Лазать по отвесным кручам
И одолевал преграды,
Не боясь греха и ада.

Под горой — стеной отвесной,
Той, что дыбится над бездной —
Полированная гладко,
Он разбил свою палатку...

Верный альпеншток и крючья
Прихватил смельчак с собою
И полез наверх, по круче...

Каждый шаг давался с бою,
Гибель каждый миг грозила,
Он сползал, но многократно
С ловкостью невероятной
Брал препятствие любое,
Но берег при этом силы,
Зная: дальше будет хуже...
Осыпь снега обнаружа,
Обходил ее умело
По тропе обледенелой...
О лавинах он не думал,
Мысль его рвалась к вершине...
Но примерно посредине
Восхожденья что-то с шумом,
Что-то черное, живое
Пронеслось над головою,

Потемнело вдруг на круче...
Туча?.. Нет, совсем не туча!
То — неведомо откуда
Птица древняя — Гаруда —
Налетела, бьет крылами,

Небеса чертит кругами,
Хищно когти выпускает,
Приближается наскоком
И над юношей сверкает
Огненным орлиным оком,
Гневом налитым и кровью...

«Подлый вор ползет к гнездовью,—
Думала Гаруда-птица,—
Там мои красавцы дети.
Видно, он их заметил
И надумал поживиться...
Но не знать малюткам горя!
Мать не дремлет, мать — в дозоре.
Мать не даст детей в обиду.
Смерть придет — навстречу выйду,
Заслону своею грудью
Племя юное гарудье!
Низкий вор! Ты канешь в бездну,
В роковом умрешь полете».

Но смельчак рукой железной
Сжал привычно и могуче
Пистолет, что взял на случай
Встречи с полузверем — Йетти —
Страшным снежным человеком...

Выстрел был умножен эхом,
Подхватили выстрел скалы...
Пуля меткая попала
В любящее сердце птицы.
(Хоть стрелял он наудачу,
Но не мог он ошибиться.)
Сердце матери пробито —
Той, что встала на защиту
Чад своих неоперенных,

Как завещано в законах
Вишну, Брахмы, бога Шивы...

Птица вдруг метнулась криво,
Кровью облилась горячей,
И ее большое тело
Камнем в бездну полетело.
Все ж не осуждай убийцу!
Мог ли он не защититься —
И бесследно сгинуть в щели,
Замереть под слосем снега?!
Для стремящегося к цели
Жалость — только лишь помеха,
Только тяжесть, только — бремя...
Он убрал с пути преграду...
И раздумывать — не время:
Подниматься выше надо...

Трудно!

Воздух ведь разрежен,
Снег слепит глаза и режет.
Белизна плывет пред ними...
Пресекается дыханье.
Громче ветра завыванье,
Холод все невыносимей.
Легкие жестоко сжаты...
Вихрь крепчает поминутно,
И в мозгу мелькает смутно:
«Для чего пришел сюда ты?!
Для чего по доброй воле
На опасности и боли
Молодое бросил тело?!
И у силы есть пределы!»

Стынут на лице кристаллы,
Губы, нос ооченели,

Ноги шевелятся еле,
А из пальцев кровь сочится...
«Что?! Сдаешься?! Не годится!
Овладей собой! До цели
Остается очень мало.
Отступать — нелепо, глупо!..»

И, прогнав оцепененье,
На последние ступени
Он втащил свои колени...

Всё!.. Он встал средь белой стыни
На сверкающей вершине.

Недоступная площадка,
Пик мечты. Макушка мира!..

«Завтра,— он мечтает сладко,—
Завтра по волнам эфира
О победе весть помчится!»
Все теперь ему — по силам!
Пусть убил Гаруду-птицу,
Птицу счастья ухватил он!
Не впустую, не напрасно
Одолел он путь кровавый.
Все теперь ему подвластно:
Деньги. Женщины. И слава!

Позабыв про все напасти,
Он готов плясать от счастья.
И, подняв свой лом тяжелый,
На скале ближайшей — голой
Литерами ледяными
Чертит собственное имя,
Чтоб отныне дня начало
Первым на Земле — встречало.

II

В тот же час, в минуту эту,
В миг, когда познал победу,
Гордо встав над высшим пиком,
Тот, кто был исполнен сил,

У подножья Эвереста
Старец хилый и безвестный
В одиночестве великом
Тихо дух свой испустил.

Был он шерпом мудрым, старым,
Что водил приезжих в горы.
Коротал он век с женою,
Но старуха умерла.

Приютилась их хибара
За скалою, на которой
Альпинист рукой стальной
Закрепил свои дела.

Прожил шерп свой век немалый,
Но взбираться трудно стало,
И в глазах — великий Будда!—
Мухи черные кружат.
Понял он: подходят сроки
Отправляться в путь далекий,
В неизвестный путь, откуда
Не пришел никто назад.

К людям — вниз, он сполз в тумане,
Чтобы в пагоде — дацане
Смыть следы всего дурного,
Чем грешил когда-то встарь.
Хоть грехов — подумав строго —

Было у него немного:
Сроду он не брал чужого
И щадил земную тварь.

В путь обратный он пустился,
Но с дороги вскоре сбился,
С той дороги, где когда-то
Твердо знал любую пядь.
А теперь, сквозь дымку глядя,
Поскользнулся он на глади,
Понесло его по скату,
Он подумал: «Мне не встать!
Погибаю! Все пропало!»
Вдруг скала, как рог марала,
На пути неожиданно встала,
Замаячила во мгле...
Он схватил ее рукою,
Но сказал себе с тоскою:
«Нет, старик, с рукой такую
Не жилец ты на земле!»

Навалилась вдруг усталость,
И рука сама разжалась,
Рухнул он, в пути ломая
Даже ледяной карниз,
И тяжелым снежным комом
С треском, с грохотом и громом,
Как лавина снеговая,
Покатился дальше вниз.

Снова смерть встает из мрака...
Но спасли его, однако,
Теплая доха из шкуры
Семилетнего козла
И штаны, что прочно сшила,
Взяв вместо ниток — жилы,

Та, что преданной подругой
Много лет ему была...

Дальше брел он восемь суток,
И весь этот промежуток
Жадно требовал желудок
Хоть какой-нибудь еды.
Ноги вовсе ослабели,
Лег, пополз он еле-еле.
Долго на снегу синели
Непонятные следы.
Он — внизу... Великий Будда!
Ты свершил и вправду чудо:
Место издавна знакомо,
Камнепадов слышен гул,
Но в снегу стоит палатка,
Холст на ней натянут гладко
(Как его — перед подъемом —
Восходитель натянул)...

Старец вполз туда в надежде,
Хоть вовек не видел прежде
Той палатки... Пахнет салом,
Рисом, мясом, может быть...

Он дрожит, вконец измаян...
Здесь — еда, лежит навалом...
Но, однако, где ж хозяин?..
У кого еду спросить?..

В свертках — рис... А может, просо?..
Взять?.. Но как же взять без спроса?..

Брать еду без разрешенья —
Самый страшный, смертный грех...
Если тронешь горстку даже,
Все же это будет кража!
Воровство — вот прегрешенье
Наихудшее из всех!

Шерна мучится догадкой:
«Вдруг заброшена палатка?!»
Он вздыхает, беспокоясь:
«Вдруг хозяин сгиб меж гор?!
А придет,— решает шерп,—
Не заметит он ущерб...
Никого здесь нет...

А совесть?!

А греховность?! А позор?!

Взять?.. Покрыть себя позором
И покинуть землю вором?..
Разве я не выше боли?!
Замолчи, дурная плоть!
Одолеть могла ты холод,
Так неужто жалкий голод
Ты не сможешь силой воли
Заглушить, перебороть?!»

И старик — дрожащий, хилый —
На краю своей могилы,
Все свои былые силы
Воедино властно слил,
И лицо его при этом
Воссияло дивным светом...

**Устояв перед запретом,
Старец тихо опочил.**

**...Так когда-то эти двое
Овладели высотой:
Молодой, добившись славы,
И старик — внизу, в тиши...
Кто из них поднялся выше?..
От меня про это слыша,
Мой рассказ обдумай здраво
И своим умом реши!**

ГРАД В ВЕНЕЦИИ

На море — штиль. В небесах — ни тучи.
Все помогало вдали виднеться ей.
В день, обещающий благополучие,
Встретились мы с прекрасной Венецией.

— Здравствуй!— вскричал я.— Краса земная!
Ты, что на всех языках воспета!—
Эх,
 как будто меня понимая,
Жадно схватило слова привета,

Вдаль устремило и донесло
До горожан, до всех горожанок!..
Чудо — Венеция!

 Так светло
Ты улыбалась нам спозаранок!

...Мрамор дворцов над лазурным морем...
Миф, сохраненный в веках, таков:
Некогда

 сто восемнадцать зерен
В море упало из рук богов.

Зерна обычны были сперва,
Но набрались из бессмертной горсти
Силы живительной божества,
В море упав, принялись расти...
И поднялись из пучин острова,
Словно сияющие цветы —
Земли — вместилища Красоты.

Каменщик!..

Площадь святого Марка —
Это — венец труда твоего!
Здесь, отшлифован на диво, гладок,
Черный и белый мрамор блестит.
Шахматный не нарушает порядок
Плотный ковер из квадратных плит,
Солнцем Италии щедро полит.

...Здесь не бывал я...

Так отчего же
Странно знакомы кажутся мне
Эти каналы, чертоги дождей?..
Может, я это видел во сне?..
Или сейчас это все мне снится?..
Вдруг — пробужусь — и нет ничего?..
Чудо — Венеция!.. Синяя птица!
Не прерывай свое волшебство!

Нет, это все предо мной предстало
Не в сновиденье...

Я наяву
По синеве Большого Канала
В сказочной, гнутой гондоле плыву,
Вижу воочию венецианца я,
В сумрак дворцов устремляю взгляд...
Здесь где-то жил он — сенатор Брабанцио,
Может быть, я узнаю фасад...

Если взглядеться в сумрак балкона,
Может, над блеском холодным вод
Профиль точеный твой, Дездемона,
Все-таки где-нибудь промелькнет?..

В юности сердце мое задела
Та, чья любовь была велика...

Так бы и было...

Нелепый случай

Сразу на лик твой набросил тень...

Но продолжаю рассказ...

Смятением

Пред Красотой

до красв полны,

Мы поднимались вверх по ступеням,

Мы замирали у каждой стены...

Жизнь представала в ином разрезе —

В мощном, кипучем расцвете сил,

Так, как явил ее Веронезе,

Так, как Джорджоне ее явил.

Вдосталь насытятся точностью линий,

Магией кисти, силой резца,

Мы подошли ко второй половине —

К непоказной половине дворца.

Наволновавшись, похав, похав,

Вслед за проворным гидом спеша.

Мы оказались у «Моста вздохов»...

Тут замедлял он когда-то шаг —

Приговоренный...

К пределу скорби,

Будь он безвиновен иль виноват,—

Здесь подходил, свою спину горбя,

Здесь оборачивался назад,

Чтобы постигнуть единым мигом

Все, чего он не ценил, чудак...

Мне это все знакомо по книгам.

Скажем — по книгам... Пусть будет так!

Где вы, красавицы?.. Вы, мужчины,
Кровью обрызгавшие альков?!
Нет никого... Лишь видны морщины —
Шрамы на мрачном челе дворцов.

Прошлое сгнуло, замирая,
Кануло в глубь венецейских вод...

Впрочем, Венеция есть вторая,
Та, что хлопочет, шумит, живет...

Все же в Венеции вдоль канала
Посуху можно пройти...

И тут

Вроде бы улочки — хоть их мало!—
Здесь копошится торговый люд.

В лавках товары различной масти.
Все вперемежку — модерн, ампир...
Здесь и сегодня бушуют страсти,
Те, о которых писал Шекспир!

Здесь поединки купли-продажи,
Страсти торговые бьют ключом,
Может, заглянем?.. Не будем даже
И приценяться... Просто зайдем!

Так же, как вы — я к вещам хладнокровен,
Мне мишура эта — трин-трава!..
Но от заморских здешних диковин
Кругом пошла моя голова!

«Кич» — говорите?.. Второго сорта?..
Вышло из моды, старо, пестро?..
Нет, здесь ожившие натюрморты:
Бархат и старое серебро.

Так приблизительно лет на двести,
И поглядеть на людскую суть
С помощью, может, луча рентгена,
Чтобы определить потом —
Есть ли в торгующих перемена?..
Нет ее, нет! Не найдешь ни в чем!

...Что бы еще привиделось мне бы,
Право, не знаю...

Но в этот миг
В дело внезапно вмешалось небо:
Мрак средь белого дня возник.

То, что казалось облачком малым,
Вдруг разгромадилось... Свет потух.
Словно бы солнце вдруг заглотал он —
Наш Араха, злой калмыцкий дух.

...Яростней артиллерийских орудий
Двери грохочут... Гремит засов...
Что приключилось, добрые люди?!
Люди, куда вы?.. Напрасен зов!

В добрый, ласкающий воздух Италии
Вторглась, свистя, ледяная струя...
Мы у дверей захлопнутых встали,
К людям о помощи вопия...

Не откликается ни один!
Мы ж за приют ему не заплатим,
Все перепачкав намокшим платьем,
Мы на полу у него наследим!

Что торгашу до нашего горя?..
Он дорожит лишь своим добром...

Грому дверей захлопнутых вторя,
С неба ударил небесный гром.

Словно табун прорвался из вагона,
Ливень вдруг на плечи нам упал,
Тяжко, как будто в горах обвал...
К стенам мы жмемся незащищенно.

Слева — канал,— он черен теперь,
Как легендарный Стикс или Лета,
Справа — глухая, мертвая дверь:
Как ни стучи,— не найдешь ответа!

Там, за дверьми — тепло, благодать...
Не помышляя о катастрофе,
Там попивает хозяин кофе,—
Он не обязан нам помогать.

Мечемся, тычемся наугад,
Сбились, пытаясь согреть друг друга...
Дождь между тем превратился в град.
Нам, бесприютным, и вовсе — туго.
Некуда нам от стихий податься.

Жмемся друг к другу под мокрой стеной —
Все, без различия лет и наций:
Русские, немцы, американцы...
Но нарастает слой ледяной
Выше ступни, дошел до лодыг...
Холод до самых костей проник!

Женщины в легоньких босоножках
Начали всхлипывать понемножку,
Но, хоть и больно смотреть на них,—
Нечем помочь!.. Мужчины одеты

Так же легко, сезону под стать...
Кто мог такого подвоха ждать
От итальянского щедрого лета?!

• • • • •

Вместе со всеми теснюсь к стене.
Зубы стучат... Не удержишь дрожи.
И невеселые мысли тоже
В голову лезут, как всем, и мне.
В чем я повинен?.. Хотел воочию
Видеть красу твоих площадей?!
Холод жесток... Но вдвое жесточе
Холод сердечных твоих людей!

Что ж ты, Венеция?!

Разве честно,
Разве гуманно оно, наконец?!
Что бы сказал Тициан — творец
Сказки «Любви земной и небесной»?!

О, мастера объема и света,
Зря расточали вы мощь свою!
Где б земляков таких, Тинторетто,
Ты поместил?..

Неужто в раю?!

Город Венеция!

Чудом искусства

Ты удивляла мир неспроста,
Но для чего — скажи! — Красота,
Если она не смягчает чувства?!
Лишь для забавы резец и кисть,
Там, где единственный бог — корысть!
Там, где Прекрасное — лишь для глаз —
Сохнет, черствеет сердце людское...

И я подумал: случись такое
Дома, на Родине, там, у нас,

Будь то в селе, в хотоне, в ауле,—
Если бы странник в пути продрог,
Настежь бы дверь пред ним распахнули,
Не боясь его грязных ног!

Без опасений излишних, вместо
Всяких расчетов: «Садись за стол!
Вот тебе самое лучшее место!
Как хорошо, что ты к нам пришел!
Что?.. Заболел?.. В пути покалечен?—
Сына иль друга пошлем к врачу...
Ну, а пока что сами полечим:
Вот он — чаек!.. Пей не хочу!»

Гостя согреем: словами, сердцем,
Чтобы забыл он тяжелый путь,
Жгучий компресс, может статься, с перцем
Тут же положим ему на грудь.
Всяких лекарств отыщем от боли,
Все, что найдется у нас в дому,
И, хоть ведем борьбу с алкоголем,
Все же сто грамм поднесем ему.

Чтоб, ощущая любовь и жалость,
Понял пришелец, вокруг — друзья...
Знаю на опыте это я,
Мало ли бед на пути встречалось!
Сам я, случалось, терял дорогу,
В тундре промерзшей блуждал я сам,
Но находил повсюду подмогу —
И у эвенков, у нганасан...

Верно (в семье ведь не без уroda!),
Можно сквалыг и у нас найти,
Да не в чести они у народа...
Вдумайтесь: кто же у нас — в чести?

Сильных, умеющих прославляться,
Мы уважаем: красив успех!
Но теплотой душевного братства
Мы награждаем отнюдь не тех!

Только обиженный понапрасну
Сочувствие в душах наших найдет.
Правду, как видно, сказал Некрасов:
«Любит несчастного русский народ».

В том убеждался я, где бы ни был,
Где бы, кому ни читал стихи...

...А между тем прояснилось небо,
Угмонился разгул стихий...

Солнце пробилось. Обрывки хмури
Порознь по небу теперь плывут...
Мы на часы посмотрели... Буря
Длилась всего лишь двадцать минут.

Лето вернулось. Светло и жарко.
Снова лазурны и даль и близь.
В полдень опять у святого Марка
Мы, как условились, собрались.

Все миновало. Вода в канале
Вновь зеленеет, как хризолит...
В полдень с улыбкой мы вспоминали
Утренний наш злополучный вид.

И, прикасаясь к недоброй теме,—
Только шутили, забыв про злость,
Точно не с нами, а с кем-то, с теми —
Малознакомыми это стряслось.

Не позволяли себе нападок
(Что не бывает в чужой стране?..
Долго ль здесь быть?..)

Но горький осадок
Где-то остался — в душе, на дне...

Все же, когда отогрелось тело,
Сердце, забыв свой недавний гнев,
Вовсе от зла отошло, запело...
Слышите?.. Вправду звучит напев!..

Вот он плывет над улочкой узкой,
Он пересек неспешно канал —
Старый напев, только текст нерусский...
Это же... «Интернационал»!

Это же гимн, с детства нам знакомый,
Накрепко вросший в сердца ребят...
Только сейчас, вдалеке от дома,
Здесь он звучит на особый лад.

Вдруг обновилось каждое слово
И загремело, как зов, как приказ...
Гимн наш партийный я слушал словно
Заново, слушал как в первый раз.

Разум сейчас кипел, возмущенный
Несправедливостями Земли...
Гимн доходил к нам из магнитофона,
Где-то включенного — там, вдали.

С ним, обращаясь к миру открыто,
От унижений и зла устав,
Шли безработные на защиту
Кровных своих человеческих прав.

Судоостроители, люди моря,
Мы вас слышали!

И мы вослед
Тоже запели, негромко вторя
Гимну, родному нам с детских лет.

...С полчаса лишь прошло, может статься,
Как, разглядев нас издалика.
К нам зашагали по плитам пьядцы
Три белозубые паренька.

Лица их?.. Я позабыл их лица,
Я их не знаю по именам,
Но и теперь еще греет, длится
Свет их улыбок, летевших к нам.

Я не встречал теплей, благодарней,
Чем этот добрый, дружеский свет!..
Руки нам жали смуглые парни,
Вместо «привет» говоря — «Совьет».

К нам подошли пареньки и с нами
Вместе запели.

Затрепетал
Как звуковое алое знамя,
Нас осенив,

«Интернационал»!

С нашим слилось итальянское слово,
И под негромкий, но стройный хор
Вдруг я увидел Венецию снова,
Как не видал ее до сих пор...

Здравствуй!..

Не мраморный, золоченый
Великолепный город-музей

**И не торгашеский рынок черный —
Здравствуй, Венеция!—**

Город друзей!

**Город товарищей, у которых
Разум насилем возмущен,
Тех, для кого,**

как для нас, он дорог —

Правды и чести людской закон.

Чудо — Венеция!

К миру доверие

**Ты возвратила мне до конца,
Сердце забыло закрытые двери,
Помнит распахнутые сердца!**

ДИРЕКТОР

I

Дороги жизни прихотливы —
Подъёмы, спуски и извивы,—
Нет ни единой, чтоб была
Пряма, как луч или стрела.
Но в лабиринте верст и лет
Внезапно вспыхивает свет
Далекого былого,
И то, чего давно уж нет,
Вдруг озаряет этот свет
И воскрешает снова...

* * *

Не повторенье ль это снов —
И сердца стук отчаян!—
Я вижу: старшина Чаднов,
Мой друг-однополчанин,
Навстречу руки распростер,
Готовые к объятью,
Как прежде, крепок и матер,
С былой старшинской статью,
И вот стоим, в руке рука,
Блестя сединою,
Тот давний замполитрука
С бывалым старшиною.

Легко ли наводить мосты
По давним, ветхим сваям?!

Как говорить: на «вы», на «ты» —
Ни он, ни я не знаем.
Лежат прошедшие лета
Меж нами, как граница.
Молчим. Но дальше немота
Уже не может длиться!
И прорвалось наружу вдруг,
Лавине лет переча:
— Давид Никитич!.. Политрук!..
Ну, здравствуй... Вот так встреча!..

Итак, задача решена —
Ушла сомнений горечь...

— Да ты ли это, старшина,
Мой дорогой Егорыч?!

Но предаваться недосуг
Воспоминаний неге —
Стоят задумчиво вокруг
Притихшие коллеги.
Влечет их сизый дым долин,
Призывный рокот моря,
Ведь под ногами — Сахалин,
Земля бывшего горя.
Земля — богатств несметных клад,
Приют тоски и боли,
Рай, превращенный в сущий ад
Веленьем царской воли.
Земля, что сорок лет была
Во вражеском полоне...
И вот нас с ней судьба свела.
И мы, застыв в поклоне,
Стоим и думаем о том,
Что враг отнять не в силе, —
О самом светлом и святом —
О Родине, России!

Здесь, где тогда, в былые дни,
Лачуг ютилась горстка,
Теперь рассыпаны огни
Квартала Углегорска.

О прошлом вспомнить недосуг...
Но, надо иль не надо,
Воспоминанья входят вдруг
Без спроса, без доклада.
И вот уже вошли они,
Соленые от пота,
Тревогой дышащие дни
Сорокового года.

Уже в Европе шла война,
Гремели взрывы тола,
Когда пришел к нам старшина
Из пекла Халхин-Гола.
Был нам известен быт войны
Лишь по ученьям в поле.
Был он в рассказах старшины
Иным на Халхин-Голе.

Устав — сплав опыта.
И нет,
Казалось, тверже сплава.
Незыблем был авторитет
Армейского Устава.
Но корректирует война
Любых канонов строки,
И заставляет всех она
Учесть ее уроки!
Бойцы, с приходом старшины,
Взрослее стали словно.

В суровой практике войны
Теория — условна!..
И не щадил никто себя:
Рвы и траншеи роя,
Кирками мерзлый грунт дробя,
Как накануне боя.
К казармам, дружно шаг рубя,
Шли с песней, четким строем,
И каждый чувствовал себя
Суворовским героем.

...И день за днем, чуть рассвело,
Горн

 сладкий сон взрывает...
«Когда в ученье тяжело —
В бою легко бывает!..»
Суров суворовский наказ,
С жестокостью — на грани.
Но оправдала жизнь не раз
Его на поле брани.
Да, на войне в тяжелый час,
Особенно в финале,
Добром суворовский наказ
Солдаты поминали...
Он был в устах у старшины
Подобием молитвы,
Точнее — азбукой войны,
Которой пишут битвы.
И, не записанный в Устав,
Он стал армейским бытом.
«Учись! Учись, сто раз устав,
Чтобы не быть убитым!..»
Проверив: прочно ль сделан дзот,
Не широка ль бойница,—
Чаднов бросал: «Где льется пот,
Там кровь не будет литься!»

Громя условного врага
И радуясь «отбою»,
Не знали мы, что полшага —
И — «Батарей, к бою!»—
Команды грозно прозвучат.
И не на полигоны,
А в настоящий бой помчат
Нас гулкие вагоны!

...Война!

Лик жизни искажен
В зловещих всплесках вспышек.
Война взяла мужей у жен,
Отцов — у ребятишек.
Война!
Лихие времена,
Омытые слезами!..

Уехал первым старшина
Держать войны экзамен...

Прошло почти что тридцать лет
С тех пор...

И вот я снова
Нашел, читая «Правду», след
Пропавшего Чаднова.
Но в ней предстал передо мной —
О лет метаморфоза!—
Чаднов не строгим старшиной —
Директором совхоза.
«Чаднов на свете — не один!—
Спешат сомненья снова.—
Зачем бы он на Сахалин
Уехал из Тамбова?
В газете — «Ф.»... А вдруг — Федот?
Или — Филипп, быть может?..»

* * *

Сидит Чаднов, полусмежив
Белесые ресницы...

Расскажут ли: как жил, чем жив —
Газетные страницы?!
Но все же что-то знаю я,
Прочтя газетный очерк...

Здесь были дикие края:
Луга в наростах кочек,
Края непаханой земли,
Леса, где, как хотели,
Нещадно вырубки вели
Бродячие артели¹.
Не отставали и суда
От хищников на суше,
Гребя икряные стада
Нагулянной горбуши...

Земля,
Увидевшая свет
Благодаря Победе!
С тех пор минуло тридцать лет,
Когда открылась Феде
Она — богатств и нищеты
Угрюмая обитель.

Уже давно с ней стал на «ты»
Тамбовский сельский житель.

Ценой ушедших трудных лет,
Ценой немалой добыт

¹ В период оккупации Южного Сахалина японцы хищнически уничтожали природные богатства, бесконтрольно вылавливали идущие на перест стада лососевых рыб.

Надежный спутник всех побед —
Большой хозяйский опыт.

Да, много ей, земле, отдать
Пришлось труда и бдений,
Чтоб вид и сущность ей придать
Хозяйственных владений.
Чаднов их знал не «на глазок» —
И почвы их, и абрис. —
Взглянув на спелый колосок,
Назвать мог точный адрес:
Какое поле этот знак
Своим вспоило соком.
Он сразу видел: что — не так,
Хозяйским зорким оком.

Растили хлеб

из века в век

Оратаи и жнеи —

Сложна наука!

Человек —

Значительно сложнее!

Земля к заботливым щедра! —

Ее характер вечен.

А человек — один с утра,

Совсем другой — под вечер.

Чаднов — хозяин, агроном. —

Тут не поспоришь с фактом! —

Жил вместе с ними, в нем одном

Психолог с чувством такта.

Он не кричал: «Я вас веду!» —

Советы заглушая:

Совхоз — не лошадь в поводу,

Совхоз — семья большая.

И, как хороший семьянин,
Как равный среди равных,
Он не решал за всех один
Вопросов самых главных.
Решали вместе: что и как —
Что — вредно, что — полезно...
Иначе действует дурак —
Упрямо и железно:
Чуть что не так — начнет орать,
Задаст такого перцу!..
Чаднов старался подобрать
Ключи к людскому сердцу.

Специалистов он встречал
Радушно, хлебом-солью.
И деликатно изучал —
То приглашал к застолью,
То вместе ехали в поля,
На фермы, на покосы.
«Ну, как надон? Как — земля?» —
И прочие вопросы
Он задавал.
Порою вздор
Молод, как говорится...
И ждал —

смолчит ли спец

иль в спор

Вступить не побоится?
Кто в спор вступал, а не молчал
И спорил с увлеченьем,
Тот приглашенье получал —
Прийти за назначеньем.
Чаднов не лез в анкетный лист...
Но назначал уж если,
То это был специалист,
А не пустышка в кресле!

Любил Чаднова коллектив
За то, что прост, не важен,
За то, что честен и правдив,
Настойчив и отважен.
Но коллектив — конгломерат
Характеров и судеб:
Один — такому стилю рад,
Другой, глядишь, осудит.
Работал он не на «ура»
И не терпел бравады.
И получал выговора,
А следом — и награды.
Он спорил яро, зная толк
В предмете, в сути спора:
Ведь спор — сражение, а не торг.
Сражение, а не ссора.
Виновен, прав ли — жизнь-судья
Всегда рассудит это!
Один лишь случай вспомню я,
Нарушив ход сюжета.

Зима катилась под уклон,
Чернела зябь, как сажа,
Когда был Федор приглашен
В райком для инструктажа.
Весна — райкому не до сна,
Бывает ли иначе?!
Но задает всегда весна
Особые задачи.
Ведь сев — как песенный запев,
Что сердцем задается:
Хорош запев — удачен сев,
И жатвы песнь споется!

Несуесловный, деловой
Был разговор в райкоме.

И сев всему был головой:
О чем же думать кроме?!
Машинный парк и семена —
Предметы разговора.

Вдруг секретарь сказал: — Сполна
Нам план не дать, коль скоро
Все, как Чаднов, оставят пар,
Урезав площадь сева.—
Сказал смеясь.

Имел он дар
Смирять порывы гнева.
Но Федор знал его глаза —
В них не было улыбки!
И понял, что грядет гроза!
Встал.

— Каяться в ошибке
Мне долг и совесть не дадут.
Я прав. Готов ответить!
Ведь семена бросать и труд
Я не могу на ветер.
То, что под паром у меня —
Бесплодно, как болото.
И сеять там — корм не в коня —
Напрасная работа!—
Встал секретарь: — Ну, брат, хорошо!
Какой стратег, скажите!
Понятно ведь, к чему ты гнешь:
«Я прав, но накажите!
А пар оставляю». Нет, брат, врешь!
Ты в этом — не новатор.
Взысканья — не ячмень, не рожь —
Не сдашь на элеватор.
И из любого «строгача»,
Длиной хотя б в страницу,
Не выпечь людям калача!

Вот так-то... Сей пшеницу!—
Взгляд секретарский был суров,
В нем — непреклонность воли.—
Сей хлеб. И — никаких паров!
Должно работать поле...—
Чаднов молчал.
Ни «да», ни «нет»—
Так и не дал ответа,
Но покидал он кабинет,
Решив: «Рассудит лето!»

* * *

Катилось лето под уклон.
Кипели дни страды горячей.
По всем параметрам район
Справлялся со своей задачей.
Секретари, инструктора —
Все — по хозяйствам, все—в «разгоне»:
Убрать хлеба — пока жара!
Бессонна страдная пора!
Спать можно, ткнув лицо в ладони.
И то — пока швыряет ГАЗ
Тебя в пути между токами.
Не разомкнуть порою глаз,
Пока не тронешь их руками.
И веки глаз опалены
Бессонниц пламенем холодным.
Забудь о времени свободном —
Тут не до книг, не до жены.

...Светлеет утренняя хмарь.
Восток подернут позолотой.
В машине дремлет секретарь,
И сон, навеянный заботой,
Его внезапно разбудил:

«Чаднов с парами зря чудил —
В районе — редкий урожай!»
И, обратясь к шоферу,
Сказал: — К Чадрнову поезжай,
К «летучке» будем в пору.

* * *

...Поля ухоженны, чисты,
Тихи, как в час предгрозя.
Как лисьи рыжие хвосты,
Остистые колосья.

Смотрел довольный секретарь:
— Гляди, какое поле!
Вот, брат, какая нынче ярь!
А ты со мною спорил...—
Чаднов безмолвствовал. Слова
Как кнут его хлестали.
— Ты нас пугал: взойдет трава!..
Хлеба какие встали!..

Опять бежит автомобиль
В распахнутое лето...
И, за клубясь, густая пыль
Ложится вдоль кювета.
Поля... И вдруг... массив пустой —
Не обозреть плешины.
И секретарь рванулся: — Стой!—
И вышел из машины.
— А это что такое?!
— Пар...
— Па-ар?!— пробасил он густо.—
Запретный ты нанес удар:
Ждем хлеб, а поле — пусто!
Оставить сорок га под пар!

Ну, брат, всему есть мера!..
— Не сорок... Я один гектар
Засеял для примера.
Пусть не сносить мне головы —
Ведь клин — под стать пустыне!—
Нет ни зерна и ни травы —
Ни людям, ни скотине.
Клянусь себя, но не за пар,
Клянусь за то, что даром,
Чтоб ваш парировать удар,
Пожертвовал гектаром.
Но тридцать девять — спасено,
И спасена пшеница.
Теперь озимое зерно
На славу уродится!
— Где тот гектар?
— Да вот же он —
Земли бесплодной эталон...—
И секретарь на клин взглянул,
Рукой досадливо махнул:
— Ты прав, Чаднов! Моя вина:
Тут не собрать и семена...
Насытил волка, спас овец —
Мудрец! Но все же, удалец,
Чтобы не действовал тайком
И не обманывал райком,
Пусть не строгаич, выговорок
Получишь, чтоб извлечь урок!
Ну, а за план по яровой
Ты отвечаешь головой!

III

Вот грейдер сделал поворот
У пропыленных елок.
Пять — семь минут езды, и вот
Мы въехали в поселок.

Дома на улице прямой
Шеренгой стройной встали.
— Вот и приехали домой,—
Сказал Чаднов.— Устали?..
По нашим меркам, близок путь,
Почти как в дом к соседу...
Немного можем отдохнуть,
Сейчас прошу к обеду.

...Была отменная уха,
Соления — вкусотища!..
А я, ну что таить греха,
В другой нуждался пище.
Хотелось видеть новизну.
И, после разносолов,
Я потихоньку улизнул
Осматривать поселок...

Дома беленые стоят,
Как близнецы, похожи,
Но это лишь — на первый взгляд,
А приглядеться — все же
Не может сходство обмануть!—
Внимательному глазу
Дома
Своих хозяев суть
Высвечивают сразу:
Хотя проект их — типовой,
Имеют все строенья
Неповторимый облик свой,
Характер, настроенье.

Больница, школа, магазин...
Все — ладно! Все — как надо!
Шеренги сосен и осин
У каждого фасада.

Дворец культуры, почта, пруд
И ясли с детским садом.
Их зодчие — Любовь и Труд,
Во всем здесь были рядом!

* * *

В первый вечер, с Федей вдвоем,
Мы бродили в былом своем.
Прошагали памятью в нем
Шаг за шагом и день за днем.
И войну, и после войны
Не вином, а былым пьяны.
Ах, читатель, скажи, к чему б
Улыбнулся ты краем губ?—
Мол, не может не пить поэт!..
Что ответить мне: «да» иль «нет»?..
Презираю лжеца-ханжу!
Я о водке тебе скажу
Поговорку, что мой народ
Повторяет из рода в род.
А звучит поговорка так:
«Водка — сущим на свете враг,
Всем она причиняет вред,
Лишь бутылке ущерба нет».

Пользы нет от ее «услуг»,
Если рядом — твой давний друг,
Если время есть не спеша
Все излить, что таит душа,
Что осталось навечно в ней
Как зарубки минувших дней...
Тридцать лет — и побед, и бед,
Лет, вместивших и мрак, и свет,
Славу, радости и навет,—
Тридцать емких, как вечность, лет

Мы прошли с ним за ночь одну,
Быстротечную их длину,
Озаривши светом сердец.
Будто, тридцать пластов-колец
Намотав на свои тела,
Как деревья — слои ствола,
В ночь одну от юных корней
Доросли мы до этих дней.
Не меняясь душой ничуть,
Мы проделали долгий путь,
Путь, вместивший в себя года,
Был порой он тяжел, но — прям!
Все мы вспомнили...

И тогда

Показал мне Чаднов свой шрам:
Возле сердца синел рубец...

— Это,— дрогнула нервно бровь,—
После фронта один подлец
Здесь, в отместку, пустил мне кровь.
Выжил я, ведь не в первый раз!—
И Чаднов рассказал о том...
Но сейчас я прерву рассказ,
Чтоб вернуться к нему потом.

Наступил долгожданный мир
После крови и слез войны.
Прекратился вороний пир
На изрытых полях страны.
Но рубцы военных годов
Долго будет носить народ —
На земле миллионы вдов,
Миллионы на ней сирот.

...Не пришлось бойцам отдыхать
После тяжкого их труда!

Нужно было поля пахать,
Восстанавливать города.
Три войны прошагав подряд —
С Халхин-Гола и до Курил,—
Знал Чаднов: он пополнит ряд
Тех, кто заново все творил.

Он о доме грустил тайком
Здесь, за тридевятью земель,
Но явился в местный райком,
Фронтovou не сняв шинель.

Знал: оттуда — не на парад
И домой будет путь не скор...
Секретарь улыбнулся: — Рад!—
На Чаднова взглянул в упор,
Руку подал, придвинул стул.
Повторил задушевно: — Рад!—
Одобрительный взгляд метнул
На колодки его наград:
— Молодец! Всех наград не счесть!
Видно, был на войне рисков?
Даже «Красное Знамя» есть...

— Да, за бой у Больших Песков...¹
Там крещение принял я
В «необъявленной» той войне.
А теперь и эти края
Долго помниться будут мне...—
Сизый дым застлал кабинет,
Как предгрозя густая хмарь...
— Три войны пройти за семь лет
Нелегко!..— сказал секретарь.

¹ Название местности на реке Халхин-Гол, место наиболее упорных, ожесточенных боев в 1939 году.

Он неспешно ставил вопрос,
Терпеливо слушал ответ:
Где родился Чаднов и рос,
Кем отец его был, кем — дед.
Он постиг солдата тоску,
О родных услышав ответ...
Как художник, мазок к мазку,
Секретарь написал портрет.
И доволен был им вполне:
«Откровенен, бесстрашен, чист.
Да, Чаднов очень нужен мне —
Фронтовик, герой, коммунист!
С ним — задуманное решу!..»
Улыбнулся: — Ну, брат, пора! —
Подав руку: — Прийти прошу
Завтра, в восемь часов утра.

* * *

Юркий «виллис» бежит, пыля,
Секретарь и Чаднов молчат...

— Золотая тут, брат, земля,
Не земляца, а сущий клад!
Травы — в рост, как речной камыш,
Сколько рек и лесов окрест!
Ну чего ты, Чаднов, молчишь?
Разве хуже тамбовских мест?..
Только все здесь как было встарь...
Без хозяина двор — не двор...
Как ты думаешь?.. — Секретарь
На Чаднова взглянул в упор.
Если б грянул вдруг арналет —
Разве б дрогнул Чаднов-солдат?
Но вопрос этот бросил в пот...
— Как поднять эту землю, брат?.. —

Вновь, как будто издалека,
Долетел до него вопрос,
И легла на плечо рука:
— Ты в семье хлеборобов рос.
Знаешь, дарит земля добро,
Если холить ее, любя...
В общем, так, вчера на бюро
Мы решили просить тебя
Впрячься снова в нелегкий воз...
Здесь оставить тебя хочу.
Словом, нужно создать колхоз.
Это, брат, тебе по плечу...

На приказ не ответишь: «Нет!»—
Будь приказ даже — в пекло лезть.
На приказ лишь один ответ —
Лаконичный, как выстрел: «Есть!»

Мысль металась под стать стрижу
Накануне большой грозы:
«Вряд ли помощь я окажу,
Хлеборобства зная азы.
Вдруг возьмусь сгоряча за гуж...»
Вслух сказал пересохшим ртом:
— Лучше сразу сказать: «Не дюж»,
Чем не сдюжить в пути потом.—
Где тепло секретарских глаз?!
Даже голос был чем-то нов:
— Надо сдюжить! Это приказ!
Исполни, коммунист Чаднов!..—
Секретарь замолчал на миг.—
В чем задача твоя? Так вот,
Ты поедешь на материк,
Для колхоза нужен народ.
Бог не выдаст — свинья не съест,—
Как — не знаю, но ты сумей

Сагитировать на переезд.
Ну, хотя б пятьдесят семей.

А сейчас в орготделе, брат,
Все оформишь, возьмешь мандат —
Разрешенье вести набор,
Чтоб не вспыхнул ненужный спор.
Выезжать нужно в семь утра...
Ну, ни пуха и ни пера!

IV

Долог, длинен был путь домой —
Десять тысяч верст по прямой.
А от тех довоенных дней.
Этот путь был стократ длинней —
Ведь хватило его длины
На семь лет и на три войны!

...Сколько раз наводняли сны
Светозарные струи Цны
В халхин-гольской степи сухой!
Сколько раз под старой ольхой
Он блаженствовал за семь лет!..
Вот он, давнего детства свет,
Вот она, не причуда сна —
Под рукой его плещет Цна!
И ольха его детства — вот,
Все — как было, лишь он не тот.

* * *

Шел бывалый солдат домой
По безлюдной степи немой.
И сгущалась в груди тоска...
Вот деревня уже близка,

Но на выпасах нет коров...
Вот уже и ряды дворов,
Но деревня была тиха...
Где ж горластый клич петуха?
Где привычный собачий лай?..
Неприветлив был отчий край.

Но внезапно раздался смех:
Среди грустно обвисших стрех,
Среди серых безмолвных изб —
Смех мальчишек и следом — визг...
И увидел Чаднов в тот миг
Незабытого детства лик:
Три девчонки, будто стрижи,
Вдоль дороги летят, визжа,
А за ними, крича: «Держи!»—
Голопятый пацан. Ужа
Держит, словно кусок вожжи...

Но застыли они все вдруг,
Уж на землю выпал из рук.
Сбились в кучку вмиг сорванцы,
Как испуганные птенцы,
Приоткрыв удивленно рты...
Но мальчишки в селе горды!—
И мальчишка шагнул вперед,
Кулачком вытер нос и рот
И сказал, не подняв очей:
— Здравствуй, дядя-солдат... Ты чей?..
Ты приехал с войны? К кому?..—
Трудно смелость далась ему —
Разлилась по лицу заря.
Но, смущение поборя,
Он добавил: — В деревне тут
В каждом доме родичей ждут.

— Я — Чаднов,— ответил солдат,—
Ну, а ты ждешь каких гостей?
— Мой папаня, Ивков Кондрат,
На войне пропал без вестей...

* * *

Быстрокрыла в селе молва —
Этот древний «провод прямой».
По деревне летят слова:
«Сын Егора пришел домой!»

Как в былом в церковный притвор
Лился с улицы крестный ход —
Так вливался в чадновский двор
Словно ждущий чудес народ.
Он вливался в дверной проем,
Чтоб — увидеть, узнать, всплакнуть...
«Федор, может быть, о моем,
Дай-то бог, знает что-нибудь».
...Робость бабьих молящих глаз,
Неприкаянность жестких рук,
Угловатость, смятенность фраз,
Ожиданья немой испуг...

«Что сказать им? О чем, о ком?
Собралось чуть не все село...»
И подкатывал к горлу ком,
И глаза нестерпимо жгло.
Федор знал, чего ждет народ —
Ждет вестей о судьбах сельчан.
И сказал: — Уж который год
Земляков нигде не встречал...

«Слышал — Федька на Сахалин
Приглашает своих сельчан?..»
Кто не знал в селе сахарин?
Грамм сластит двухведерный чан!..

«Удивил! С сахаринном чай!
С сахарком бы... А так — на кой!..»
«Ты, Ефремыч, зря не серчай.
Сахалин — есть остров такой...»

Слухи... Слухи, как сход лавин
С отогретых весенних гор...
«Федька кличет на Сахалин...»—
Слух летел из двора во двор,
По деревням летел, окрест...
И надежда таилась в нем.
Ходоки из соседних мест
Появились. И с каждым днем
Становился яснее слух:
«Федор кличет в далекий край
Баб с детьми, стариков, старух.
Сахалин,— говорит,— как рай...»

И хоть трудно решиться вдруг
Бросить с детства знакомый дом,
Бросить пашню, и лес, и луг,
Скарб, нажитый с таким трудом,
Но решились! Родня сперва,
Рассудив: «Была не была!—
Федька свой, и он — голова...
Он родне не захочет зла...»
А потом — уже не свои —
Доброхоты из ближних мест,
Шестьдесят четыре семьи
Согласились на переезд.

Сельсовет же был к слуху глух,
Председатель сказал: — Ну что ж?..
Сплетен разных в селе — как мух,
Все их слушать — с ума сойдешь!
Кто поедет бог весть куда?
Мужиков, почитай что, нет...
Земли новые ждут труда!
Кто поднимет их — бабка, дед?
Их с печи не стянуть силком —
Крепки корни у старых пней.
Стариковская жизнь — в былом,
Не в ветвях, а в узлах корней.
Не подточит их злой искус.
Ну зачем старикам туда?—
Там у хлеба такой же вкус,
Тот же воздух и та же вода,
Тут их корни, тут их оплот!—
Успокоился до поры
Председатель-мудрец.
...Но вот,
Как базары, шумят дворы:
Избы, утварь, живность, корма,
Скарб громоздкий и всякий хлам
Продают почти задарма.
На подворьях — базарный гам.
Председатель был хмур и зол,
За оплошность себя кляня:
— Лопоухий, старый осел!
Ну, попомнит Чаднов меня!—
Злость, как конь, взвилась на дыбы,
Неподвластная уму-вожже...

Вот и в дверь чадновской избы
Участковый вошел уже.
Федор, гостя увидев, встал:
— Чаю выпьешь?.. Ты что — чуть свет?..

— Председатель команду дал,
Чтоб доставить вас в сельсовет...

— Чтоб доставить?.. Как ценный груз?..
И с наганом прислал эскорт?—
Это, брат, для меня конфуз!
Самодурствует старый черт!..
Для чего я нужен властям,
Ты не скажешь ли мне, герой?..
— Совращает Чаднов крестьян,
Разрушает колхозный строй,
Подстрекает людей — в бега,—
Председатель мне так сказал...
— Если видят во мне врага,
Ты хоть руки бы мне связал!..—
Участковый смутился вдруг.
Улыбнулся Чаднов в ответ:
— Посмотри-ка вот это, друг.
Все законно!.. Крамолы нет...

Участковый, прочтя мандат,
Покраснел как вареный рак:
— Мне приказано... я — солдат...
Ясно дело... Какой там враг!..

— Ну, теперь иди в сельсовет.
Я приду в середине дня...
Скажешь там, что причины нет
Под конвоем вести меня!

...Председатель юлил потом:
— Извиняйте — промашку дал!..—
Улыбался, но только — ртом,
А душою — навзрыд рыдал.

И забегал, сбиваясь с ног,
Выбиваясь порой из сил,
Помогать стал во всем, чем мог.
Сделал все, что Чаднов просил.
А когда пошел эшелон,
Помахав картузом вослед,
Трехэтажно ругнулся он
И отправился в сельсовет.

V

Было все — раздоры-ссоры,
Было много бабьих слез,
Были гневные укоры:
«Ты куда же нас завез?!»
Бабы яростно галдели,
И бурчали старики.
Были первые недели
Как полынь-трава горьки.
Войско зло, когда не сыто —
Тут уже добра не жди!..
Небо сеяло, как сито,
Непрерывные дожди.
И Чаднов помчался в область:
— Сколько можно помощь ждать?
Ведь страдания — не доблесть,
Если можно не страдать!
От посулов гложут уши,
А подмоги ни на грош!
Сколько можно бить баклуши?

— Ну, Чаднов, ты и даешь!
— Что — даю!.. Прошу гостиниц?..
Я кричу? Кричит нужда!..
Я не требую гостиниц,
Но с жильем у нас — беда!..—

Перегнул Чаднов немного,
Но когда уж невтерпеж,
Человеку — не до слога:
И загнешь, и перегнешь!

Оживились новоселы,
Обустройство шло на лад.
Дружно строили поселок
Все, кто мог, — и стар и млад.
С пищей было туговато,
Но и тут помог райком.
Разве думалось когда-то:
Есть картошку... с балыком?!
Старики, балласт вчерашний,
Стали здесь опорой вдруг:
«Эту землю — сделать пашней...
Этот клин — пустить под луг...»
А Чаднов внимал советам
Хлебопашцев с детских лет,
Взяв за правило, что в этом
Лишь они — авторитет.
Но, пройдя армейский длинный
Путь,
Чаднов знал лучше всех,
Что железной дисциплиной
Достигается успех.
И — как опытный возница,
Зная прок тугих гужей,
Не посмеет соблазниться
Властью в облике вожжей,
Беспрерывно понукая, —
Так, без криков, без угроз,
Видя все, во все вникая,
Направлял Чаднов колхоз.
Не порол в сердцах горячку,
Не спешил кнутом грозить,

Но не шел и на потачку
Тем, кто пробовал бузить.

Старики, «Совет старейшин»,
Как с почтением звали их,
Говорили: — Федор лих!
Был бы им Егор утешен!
Деловит и башковит,
Ни — зазнайства, ни — бахвальства.
Никогда не норовит
Лезть из кожи для начальства.

И Чаднов был горд «Советом»,
Доверял во всем ему:
«В нем — опора... Но при этом
Знать полезно самому...»

Каждый день замешен круто!..
«Сколько белкой ни крутись,
Все же мне без института
Впредь уже не обойтись!
Чтоб колхоз поставить прочно,
Чтобы делу дать масштаб,
Сдюжу, выучусь заочно —
Не ленив я и не слаб!»

И, сказав однажды: «Сдюжу!» —
Как в атаку под огнем,
Шел к диплому день за днем:
«Хоть умру — не сяду в лужу!»
...И профессор на защите
Улыбнулся: —

Рад сказать:
Впредь дерзайте и ищите,
Вы умеете дерзать!..

Ваши знания, культуру
Вижу я. Вот мой совет:
Нужно вам в аспирантуру...—
Но Чаднов ответил: — Нет...
— Жаль весьма! Вы — не зубрила,
Не догматик, не педант,
Вас природа одарила!..
Вы же губите талант!..

* * *

Как с высоты, взятой с бою,
Озирая даль дорог,
Федор часто был собою
Удивлен: «Ну как я смог,
Как рискнул за это взяться —
Наступить на двух фронтах?!»
Говорят: «Глаза боятся,
А рукам — неведом страх!..»
Славно прожит день вчерашний,
И прекрасна жизнь сама,
Если пустошь — стала пашней,
В глухомань пришли дома,
А в дома пришел достаток,
С ним — любви и счастья свет...
Как он радостен и сладок,
Вкус плодов нелегких лет!

Так, мечту и явь сближая,
Богател, мужал и рос,
Всех в районе поражая
Урожайми, колхоз!
Те же земли, те ж погоды,
Но взгляни-ка, поезжай:
У соседей — недороды,
У Чаднава — урожай!

В чем же дело? Каждый — практик,
На земле — не первый год...
В чем?..

Чаднов — стратег и тактик,
Агроном и счетовод!
Думал он над каждым шагом,
Чтоб любой его успех
Сочетался с общим благом,
Общей пользой стал для всех.

VI

Пятидесятые года —
Общенародная страда
Восстановительных работ,
Больших трудов, больших забот.

Суровы были времена,
Не каждый был одет и сыт,
Но шла «холодная война»
И замораживала быт.
И не о благах жизни речь
Была в те годы, а о том,
Чтоб отвести нависший меч
Надежным ядерным щитом!
Сталь, нефть, чугун и антрацит —
Давал народ стране сполна!
В одежде, в пище — дефицит...
Пусть — дефицит! Но — не война!
Все знали: нужно так пока!
Настанут дни наверняка,
Жизнь возвратится в берега,
Как после паводка река, —
Когда вода светла до дна...
Пока она была мутна.

А чем вода в реке мутней,
Тем незаметней невод в ней.
И потому к дарам реки
Тянулись жадно «рыбаки»,
Которым общая беда
Гнала добычу в невода.
Имели эти «рыбаки»
Акульки острые клыки.
И как в них было не попасть,
Когда разверзнутая пасть,
Да, пасть,— уж тут не скажешь — рот!—
На рынках северных широт
И прочих отдаленных мест
Зияла по стране окрест,
От Мурманска до Сахалина!..
На вид она была невинна:
Веселые глаза дельцов,
Наехавших со всех концов,
Лучились светом и теплом
Над длинным рыночным столом.
А что на нем?.. Соблазн на нем:
Пылают персики огнем
И горы ароматных дынь
Кричат: «Скорее деньги вынь!..
Ужель наш вкус и аромат
Не соблазнит тебя?..»

Гранат

Взирает молча, покраснев...
Когда б он был гранатой,
гнев
Взорвался б тут же и разнес
Того, кто вдаль его завез
Затем, чтоб выжать, будто сок,
Из тех, кто помыслом высок
И величав в делах своих,
Деньгу — их пот, здоровье их!..

Зияла спекулянта пасть!..
У власти есть, конечно, власть
На то, чтоб зубы обломать
Тому, кто и родную мать
Во имя мзды не пощадит!
С бандитом просто: он — бандит.
А этих как избличить?
Есть накладная, есть печать,
И справка есть, что он привез
Товар, который дал колхоз!
Колхоз!.. Попробуй запрети!..

Чаднов нашел свои пути,
Чтобы закрыть пути дельцам,
Их сторублевым огурцам.
— Мы этих «перелетных птиц»
Ощиплем с помощью теплиц!—
Сказал он, стукнув кулаком.
В машину сел:
— Гони в райком!

...Встал секретарь из-за стола,
Чаднова выслушав рассказ:
— Проект — одно, брат, а дела
Трудней всегда во много раз!
А где возьмешь цемент и лес?
А где — стекло? И — кирпичи?
Не упадут они с небес!
Их не хватает, хоть кричи!
Сейчас нам, брат, не до обнов!
Но все ж ты — молодец, Чаднов!
Хвален — не хвастаешь, а бит —
Не хнычешь, не таишь обид.
И ведь живешь не напоказ...
Ну, можно притвориться раз,
Ну — два, ну — три!.. Но в чем-то все ж,
Коль есть, себя проявит ложь!

А ты остался молодцом
С открытым, истинным лицом!
Люблю открытость честных лиц!
И все ж — дивлюсь!—
Проект теплиц —
Ведь это же нелегкий груз!
Как будто нет других обуз.
Ведь у тебя других забот,
Как говорится, полон рот!

* * *

Я много б исписал страниц,
Чтоб о строительстве теплиц
Хотя бы кратко рассказать
И достоверно показать
Дни неудач и дни побед.
Но в этом надобности нет.

Победы трудной светел лик!
Спешит на рынок грузовик.
Бежит полуторка, а в ней —
Плоды нелегких, долгих дней,
Тревожных мартовских ночей —
В сиянье утренних лучей
Сверкает огурцов гора,
Впервые собранных вчера.
Заглавный, первый урожай!..

Чаднов — шоферу: — Подъезжай
Поближе к овощным рядам...
Ну, бой теперь барыгам дам
Такой, что больше ни один
Не сунет нос на Сахалин!..

Корысти алчные сыны,
Как всем, вам тоже снятся сны.
Во снах вам видятся рубли,
Рубли, что алчно вы гребли,
Безбожно грабя горожан...
Вам снятся сны о гаражах...
Но часто снится и тюрьма —
Ведь сны диктует жизнь сама.
Но вам не снилась никогда
Такая страшная беда,
Безмерной алчности сыны!
Вот огурцы — за полцены!—
С машины продает колхоз...
Ряды дельцов сковал наркоз:
Была реальность сна страшней!
Что предпринять?.. Что делать с ней?!
Но бой с барыгами непрост,
Непросто прищемить им хвост.
Ведь их не горсточка, а — клан!

И вот уже родился план,
Как конкурента укротить:
«Чаднова нужно подкупить!..
Пусть он придержит свой товар.
Пятнадцать тысяч — вот наш дар!
А через три-четыре дня
Мы — на коне!.. А он «коня»—
«Победу»—приведет в гараж...
Получится, что баш на баш!..»

План был, конечно, не хитер!

И вот делец — «парламентер»—
С улыбкой льстивою чуть свет
Вошел к Чадову в кабинет.

Встал Федор: — Чем могу служить?..

— Все, председатель, жаждут жить:
И ты... И я... Мой друг... Твой друг...
И друга друг... И все вокруг!..

— В чем дело?.. Не возьму я в толк...

— Братъ в долг?

Зачем?! Дадим не в долг!—
И гость ослабился, как волк,
Напавший вдруг на след овцы.—
Продать нам нужно огурцы.
Ты сделай так, чтобы колхоз
Дня три своих туда не вез...
Пятнадцать тысяч — за три дня...
И — разойдемся как родня...
Ну, председатель, вот рука!..

Чаднов, взглянув, кивнул слегка.
Кивок сработал как капкан.
И спекулянт полез в карман
И вынул деньги не спеша.
Сивушным запахом дыша,
Сказал: — Бери-ка поскорей!
Считай, пятнадцать «косарей»¹!

Чаднов пересчитал их:

— Что ж,

Беру, коли ты их даешь...
Все чин по чину: к знаку знак...
Счет дружбе не помеха... Так?
Но счет с отчетностью — родня...
И с этим тоже у меня
Порядок... Мы в один момент
Сейчас составим документ!

¹ Косарь, косая — тысяча рублей (жарг.).

Оформим этот акт: ты сдал,

Я — принял...—

И листок достал.

А гость свое:

— Мы — вам, вы — нам...

Вся сумма выгод — пополам...

Так что расписка — ни к чему!..—

Он думал: повезло ему —

Сумел привлечь, уговорить

Такого, как Чаднов...

Но нить

Бредовой этой мысли враз

Оборвалась от жестких фраз

Чаднова:

— Верно говоришь:

Расписка ни к чему... Но ишь

Как ты проворен, дорогой...

А есть еще вопрос другой:

Ты думал — рыбкой на блесну

Я клюну — и конец!.. А ну,

Подписывай без лишних слов!..

Дельца прошибло сто потов:

— Ты шутишь, председатель?!

— Нет!..

И, властный услышав ответ

И чуть не застонав со зла,

Метнулся деньги со стола

Сгребать:

— Не хочешь — не бери...

Но вздумаеть продать — смотри!..

И — к двери...

Но Чаднов собой

Прикрыл ее:

— Даешь отбой!..

Похвально, парень... Только — врешь:

Подпишешь акт — тогда уйдешь!..—

И миг пропал его запал,

И понял спекулянт: попал

Он, как в капкан матерый волк...

Истошно выть — какой тут толк,

Когда он здесь — как взаперти...

Теперь он понял: не уйти,

Как от Чаднова, от суда...

И, финку выхватив, тогда

Он, открывая к бегству путь,

Вонзил ее Чаднову в грудь...

* * *

Врачам спасибо — выходили!..

Вот он,

Смеется:

— Жив-здоров, хоть и замотан...

Еще мы повоюем!— говорит...

А за окном — уже заря горит.

Алеют сопки. Розовеют дали...

Вновь мысленно врачей благодарю

За то, что нам с Чадновым они дали —

Какое счастье!— встретить вновь зарю.

Так некогда, когда дышал бедой

Днепр,

ждали под Келибердой

С Чадновым мы атаку на заре,

В том давнем, незабытом сентябре,

И думали: уж если под огнем

И этот мы рассвет переживем,

То, значит, жизнь мы прожили не зря...
И по сигналу, хлынув как прибой,
Мы в бой пошли!..

И так — из боя в бой

Заре

передавала нас

заря!..

И вот опять, как должно двум бойцам,
Чьи два окопа перед боем рядом,
Вовек непримиримы к подлецам,
Хапугам, и дельцам, и прочим гадам,
Сидим с Чадновым, в прошлое глядим,
Куда ведут пути воспоминаний.
А там — опять, опять! — огонь и дым...
Опять, опять! —

входить нам, молодым,

То в радость редких встреч,

то в боль прощаний.

Мы выжили...

Но все-таки она

Сверкнула над Чадновым вновь, война,
Вонзилась подло ножевым ударом,
Еще одну добавим рану — к старым.
Злодейство есть злодейство!.. Пуля, нож —
Не важно что: бандит с фашистом схож!

Мы выжили...

Жизнь — не в ромашках луг...

«Еще мы повоюем!..» — верно, друг!..

Так думал я, все слушая его.

Восходит день. И в свете дня яснее

Даль за окном... Взгляд друга голубее...

И легче на душе мне оттого,

Что свиделись мы все же...

Сквозь года

Мы нить воспоминаний протянули,
Друг другу в душу смело заглянули:
«А что душа?.. Все так же молода?..»

Все так же!..

И хоть краток жизни век,

А обликом и статью человек
Не может не меняться, это ясно,
Но то, что называем мы душой
И что бывает низкой иль большой,
Вовеки у таких, как старый мой
Друг фронтовой —
старенью неподвластно!

И в этом, им освоенном, краю
Связь светлых, чутких душ — всему основа!..

Во всем Чаднова душу узнаю,
Она — во всех больших делах Чаднова!
Не может его добрая душа
Иною быть иль стать иной не может,
Хоть жизнь итожит все и не спеша
Боль сердца множит и морщины множит.
Не может свое имя уронить
Тот, кто вписал в Победу это имя,
Кто не гадал:

«Так быть или не быть?»—

А громогласно утвердил:

«Да, быть!»—

С такими же достойными другими!
Такому как беда ни угрожай,
Он выстоит и сдюжит под ударом!..
Колхоз названьем гордым «Урожай»
Увенчан коллективом был не даром.

Плод общего старания — колхоз,
Заложенный здесь в год послевоенный,
Окреп не сразу, но как гордо вез
К столу страны он каравай отменный!
И пусть порой набеги непогод
Обоймы бед над полем разряжали,
Но все же — в «Урожае» урожай
Все выше поднимались, что ни год!

И вот — совхоз.

И тоже — «Урожай»,
На тех угодьях и на тех же пашнях,
И урожай выше тех, вчерашних,—
Лишь только вывозить их поспевай...

И все же — председательства трудней
Директорство Чаднова...

— Понимаешь,—

Он говорит,— решение принимаешь —
Директор ведь, директору видней!—
А сверху мне: «Постой, не так... Не то...»
Или: «Вот так!.. И — только так!.. Иначе...»
А коллектив готов к другой задаче,
Кроме него решит задачу кто?!
Никто...

Быть председателем — одно...

Уж если общим выбран он собраньем —
Ему народом много прав дано,
Хозяйствовал бы только со стараньем.
И с ним за все ответственность несут,
Уверенно, без жалоб, без бахвальства,
Колхозники. Они — и высший суд,
И самое высокое начальство.
Лишь им он подотчетен, только им,
По воле их возглавивший правленье,
Успех иль неуспех его решения —

В конце концов — их благом оценим...
Совхоз — другое... Я в совхоз — назначен!
Ведется руководство здесь иначе,
Как на заводе — единоначалье...
В колхозе мы все вместе отвечали,
Здесь — я за всех...—

И, глядя на Чаднова,
Я в каждое его вникаю слово,
И трудности его понятны мне:
— Здесь заняты вы той же мирной битвой,
Но здесь уже и ты, и коллектив твой
Отныне — подотчетны всей стране...
Ведь так?.. Ведь это ты хотел сказать мне,
Чаднов, ведь это ты — не кто другой,
Отмечен «Правдою», директор знатный?!
И здесь ты — на коне, мой дорогой!..

Чаднов смеется:

— На коне ретивом...

Да, нелегко держаться на таком...
Держаться хорошо всем коллективом,
Как в армии, на фронте — всем полком...
И мне совхоз как полк... Что значу я,
Пока я жив, без моего совхоза?!
Прости, поэт, но мне — милее проза
Директорского трудного житья:
Не сосчитать недоспанных ночей,
Тревог, забот, сомнений, размышлений...
Как, например, мне для складских строений
Достать цемента, досок, кирпичей?..
Я знаю, твердо стоя на земле,
Что на земле мне в наших буднях нужно.
Чтоб каждый рядом — крепок был в седле,
Чтоб были все животные в тепле
И чтобы хлеб, как лампа на столе,
Светил, когда созреют всходы дружно!

Что света хлеба на земле светлей
И слаще корочки его душистой?
Я не стремлюсь, чтоб было тяжелей,
Но не страшит меня и путь тернистый.
Я не хочу шагать как по соломе,
Чтоб мягче было, легче бы жилось...

Он усмехнулся:

— Как-то привелось,
Когда уже возглавил я совхоз,
В моей учетной карточке в райкоме
Увидеть записи... И вот одну
Закономерность в них я обнаружил:
Хоть одинаково я с ними дружен,
Но выговор мой каждый на весну
Приходится, на осень — благодарность...
Так и «шагают», соблюдая парность!..
Да, жизнь есть жизнь, она — во всем права,
Во всем и справедлива без предела!
И уж, конечно, планам не слова
Нужны, нужно любому плану дело:
Характер есть у дела и душа!..
Мне кажется — постиг, я не спеша
За тридцать лет в борьбе за урожай
Земли характер в этом дальнем крае
И душу слил с его душой... Хотя
Порою мнится: ничего не знаю...
Тогда я — с новой силой начинаю,
У дела эту силу обретая,
Как будто заново ходить учиться.
И тайны раскрывает мне земляца,
Пшеницей бронзовеющей светя.
Во всем хочу добраться до основ,
Все в узел знания завязать потуже...
Суметь бы мне характеры сынов
Вот так постичь... Я знаю их похуже...

Тут я спросил Чаднова о сынах.
— Все хорошо,— он говорит,— бывает
Лишь только в снах, и то — в красивых снах...
А так — как и у всех...—

И добавляет:—

Поставил на ноги... Что мог — дал всем—
Их трое у меня!— чтоб вышли в люди.
С двумя-то я хлопот не знал совсем,
А с третьим — ох намаялся: на блюде
Подай ему и то, подай и сё,
А есть иль нет — ему и горя мало.
Жалела мать его и ублажала.
«Здоровьишком он слаб»,— твердила все.
А вымахал — подался в институт.
Прошел удачно... Кончилась учеба —
Остался в городе... А братья — тут:
Остались навсегда в совхозе оба.
Один стал трактористом, а другой —
Дояром... Полюбилась им работа...
Добились уваженья и почета
Ценой рабочей — самой дорогой!
Конечно, и они, уйдя из дома,
Могли бы коротать над книжкой дни,
И мы с женой вели бы их к диплому,
Как вместе с нами младшего они —
Добавкою к стипендии: деньгами
И тем, что сами мы едим, что сами
В совхозе производим... Не вопрос!..
Учитесь, мол, спокойно, не печальтесь!..
На деле бы, по сути, получалось:
И в городе кормил бы их совхоз.
Но нет... (Теперь те годы позади!..
Не по родительской остались воле —
Не отпустило их родное поле,
Как младшего: «Не любишь — уходи!..
Душой к земле ребята приросли:

Не могут без кормилицы-земли
Чадновы!.. Потому и младший мой
Не только летом в отпуск, а зимой
Уже, глядишь, на день-другой примчится.
Ему все чаще хочется домой,—
Видать, душа-то по земле томится,
Тоскует и по травушке в росе,
И по шумящей лесополосе,
Что протянулась далеко вдоль поля
В густую синь медвяного раздолья,
Тоскует он все больше с каждым днем...
Приедет — оторвать не может взгляда...
Звон поля слышать — дивная услада...
Нет, хлебороб еще не умер в нем!
И трудно парню — вижу по глазам,
Хотя молчит, стыдится признаваться:
«Земля, мол, отпустила, а вот сам —
Сам от земли не в силах оторваться...»
Да, дерево не может без корней:
Чем корни глубже, тем живучей крона,
Что — словно изумрудная корона
Над царством росных трав родных полей...
Вот сын и тянется к своим корням...
Я счастлив, что до этого я дожил...
И рад, что и у сельской молодежи
Стремленье есть прийти на смену нам.
Лес без подлеска — это ведь не лес...
Что мы без смены?.. И — приходит смена,
И проявляет к делу интерес,
И движет дальше наше дело смело!
Хорошие ребята к нам идут.
Иной бы мог с отличным аттестатом,
С медалью золотою — в институт,
А он — в совхоз!.. Я рад таким ребятам!..
А то закончит с тройками и — в вуз,
Да поскорее и — в какой попало...

На помощь вся родня... Но троек груз
Не сдвинет с места проходного балла.
И не пойму, кому нужнее ныне,
Чтоб сын науки постигал?.. Ему,
Которому науки ни к чему?
Иль попросту — родительской гордыне?
Таких все меньше... И все больше, знаю,
Теперь у нас мальчишек и девчат,
Что о любви своей к родному краю,
Работая в совхозе, говорят.
Понятно им: огромен наш Союз!
Но если все — кто в техникум, кто в вуз —
Пойдут учиться, кто в родном селе,
В родном совхозе, на родной земле
Останется?.. Когда придет пора,
Кто поведет на вспашку трактора?
Когда все посвятят себя науке,
Кому же брать штурвал комбайна в руки?
И вообще: класть стены, шить пальто,
Мостить-тянуть дороги будет кто?..
Конечно, трудно угадать в ребенке,
Кем он со временем сумеет стать,
Но — скакуна уже заметна стать
В резвящемся, игривом жеребенке,
Как молвят степняки!.. Талант всегда,
Хоть он и редок, на себя укажет.
Никем талант вовеки не был нажит:
Талант — природы дар плюс дар труда!
Все наша власть талантливым дала:
Растите в вузе или же в совхозе
И про свои прекрасные дела
В стихах всем расскажите или в прозе.
А у кого талант растить хлеба,
Кто понял: этот труд — его судьба,
Богатым пусть расскажет урожаем,
Как ценен его труд и уважаем!..—

Он замолчал. И показалось мне,
Что в думах он опять — о младшем сыне:
«Поймет!.. Вернется!..»

День сиял в окне,
Белели облака на ясной сини...

VII

Клубятся облака над большаком.
И мы, как говорится, с ветерком
Летим.

Вдали, как вечные стога,
Синеют сопки, обступив луга.
А на лугах, куда ни бросишь взгляд,
Коровы разномастные пестрят,
Как будто в зеленях густых — цветы.
Их островки то редки, то — густы...

Сворачиваем к стаду.

Гуртоправ
Встречает нас среди высоких трав:
Как молодое деревце, высок,
Кудряв и станом тонок паренек!

— Из новеньких, —

бросает мне Чаднов.

А сам — к нему:

— Как, Саня, жив-здоров?
Спокойно все?.. Медведей не видать?..—
Скользят стрекозы... Тишь да благодать...
Жуют коровы. Еле слышен хруст...

Чаднов мне говорит:

— Вои видишь куст...

Чуть поправее — возле тех бугров?..

Оттуда два медведя на коров
Напали вдруг... Ох, натворили бед,
Одной корове перебив хребет
И тяжело поранив пятерых...
А что рога коровьи против них?!
А гуртоправу лишь семнадцать лет.
Что может он, когда подмоги нет?
И он впервой — лицом к лицу — с двумя
Медведями, ревущими ревмя?!
Он, правда, быстро — на коня, и конь,
Как будто перед ним ревел огонь,
Метнулся с диким храпом и — понес...
Так было, Саня?..

— Было, — произнес,
Взгляд отводя, кудрявый паренек...

...Под Саней конь летел не чуя ног,
Как будто звери — по пятам, вдогон...
А мнилось седоку: плетется он.
— Скорей!.. Скорей!..—

белее мела став,
Кричал коню...

И, к ферме прискакав:
— Медведи... Там...—

он прохрипел.— Скорей!..—
Народ — туда: простыл и след зверей...

Но коль медведь повадился — опять
Себя он долго не заставит ждать:
Его повадки издавна народ
Запомнил: «Раз пришел — еще придет!..»

Чаднов решил: «Семь бед — один ответ!..
Иного, видно, выхода тут нет —
Не ждать же, чтобы скот весь пострадал...»
И тут же гуртоправу в помощь дал

Двух сторожей: «И пусть дробовики
Покажут, меткие ли вы стрелки!..»

* * *

Снова утро. На тот же луг
Гонят стадо. Но стадо вдруг
Стало, сгрудилось, и в глазах
У коров заметался страх.
Чуя издали дух врага,
Наклонили они рога.

Так и есть...

Вдруг раздался рев...
Звери двинулись на коров,
Плетью голода все сильнее
Подгоняемы много дней!
Но
 навстречу
 огонь сверкнул!..
Вот медведь головой мотнул,
Зашатался и, сбитый с ног,
В лужу собственной крови лег...

Вот медведица, разъярясь,
С каждым выстрелом становясь
Все опаснее и лютей,
Застонав, пошла на людей...
Шерсть торчком... В красной пене пасть...
Все никак не могла упасть —
Столько было в ней злобных сил.
Только третий заряд скосил —
В сердце этот заряд попал...
— Вот как было, —

Чаднов сказал...

— А потом что?..

— Ну, а потом —
Надо мной разразился гром...

* * *

Инспектор отдела охраны природы
Был краток:

— Зверей охраняет закон!..—
Добавил:—

В районе я многие годы:
Такого ЧП не имел наш район...
Не помню, хоть память не слабая вроде...
А ваши ребята — возьми да пальни!..
Медведь ведь тоже —
частица природы.

Виновные где?

· По закону они
Ответят,
вот акт вам...—

Директор в ответ:
— Ну что ж, возражений, как видите, нет.
Не будет, я думаю, их и у вас.
Когда познакомитесь с актом вы нашим,
Который охотно сейчас вам покажем,—
Нужна ваша подпись нам тоже сейчас...—
Чаднов вынул папку, из папки — листок:
— Прошу подписать безутешный итог
Разбоя «так нужных природе зверей»...
Подкрались, задрали так нужных народу
Совхозных коров и — как канули в воду.
Чтоб сунуться вновь через несколько дней...
Так надо нам было иль, может, не надо
Спасать от медведей совхозное стадо?..—
Листок положил пред собою на стол

Инспектор,

ладонью провел аккуратно

По акту,

стирая как будто бы пятна.

Прочел. И вздохнул. И — еще раз прочел.

«Умно,— про себя он подумал,— хитро...

Что делать?..»

Он взял —

«Будь что будет!»—

перо

И подпись поставил.

И — все ясно им!..

Был каждый доволен решением таким.

Директор с инспектором сладили дело,

Как два дипломата, умно и умело.

Чаднов говорит: — Я нарушил закон,

Нарушил и он, но — учел мой урок...

Спасибо ему!.. С ним мы были тогда,

По правде сказать, в двух шагах от суда...—

И, слушая вдруг о поездке недавней,

Я вспомнил:

кишлак есть в республике дальней,

В горах высоко, среди вершин «крыши мира»,

На самом зеленом из склонов Памира.

Дома кишлака, будто ласточек гнезда,

Прилеплены к склонам.

Как близки там звезды!

Я видел, внизу, в белой облачной стыни,

Мелькнул самолет, будто путник в пустыне.

Степняк, у таких, «населяющих небо»,

Хозяев земли — я в гостях еще не был.

В просторах моих, в море трав и тюльпанов,

Я видеть привык лишь загравки курганов

И низкие склоны степных косогоров.

А там, на Памире, тянулись в просторах
Вершины к вершинам, прекрасны и строги,
Как души высокие к душам высоким!

Я знаю: у нас чабаны, гуртоправы
Храбры. Мы их хвалим. И в этом мы правы.
Храбры и отважны — я знаю отныне —
Они у Чаднова и на Сахалине.
Под небом, в открытой степи, как пехота,
Они дни и ночи...

Такая работа!

В тьму ночи уходят, животных спасая,
Себя не жалея...

Работа такая!

Ягнята, тепло их ладоней вдыхая,
На свет появились...

Работа такая!

Вступают со зверем (у зверя — охота!)
В кровавую схватку...

Такая работа.

Такая работа... Но только ль работа?!
Такая забота... Но только ль забота?!
Душа!..

Прав Чаднов: нет широт ее шире,—
В степи ли она или там, на Памире,
Где я с чабаном повстречался одним
И он рассказал о случившемся с ним!..

* * *

Над пастбищем высокогорным
Шла ночь в одеянии черном.
Шла ночь и несла над собою
Тяжелые длинные тучи,
И молнии без перебоя
Вонзались в нависшие кручи.

И высь над кошарою старой
Стонала под глыбами грома...
Давно уже не был он дома,
Чабан со своею отарой...
Зима не добралась до луга,
Но он замерзал то и дело,
Годов бесконечная вьюга
Виски его крепко задела...
Он как-то проснулся от стука,
Встревожился,

обувь нашарил:

Какие-то странные звуки
К нему донеслись из кошары.
Светало. И пахло травую,
Напившейся досыта влаги...
К глухому прислушался вою:
«Не волки ли это в овраге?..
Нет, кажется, это не волки...»

Собаки залаяли...

Смолкли...

Он вышел и вслушался в стуки.
Неладное что-то с отарой.
И вновь непонятные звуки
К нему донеслись из кошары.
Стена (вся — камыш и солома!)
Тем звукам была не помеха.
«А может, то смолкшего грома
Отставшее слабое эхо?..»

Залаяли дружно собаки...

И тут же,

догадке поверя,

Шагнул под навес и во мраке
Увидел рычащего зверя...

«Барс!..» — ахнул чабан...

Где герлыга?..

Хоть что-то бы в руки!..

Ни мига

Нельзя потерять — овцы рядом...

Не думать, а действовать надо!

Он бросился барсу навстречу,

Терзавшему тушу овечью...

Сверкнуло

кошачьим

зеленым

Зрачков немигающим светом...

Ударом ожгло

раскаленным...

И словно бы кинуло ветром,—

Чабан повалился со стоном.

Ну, все: он у зверя во власти...

Здесь сверху... Зрачки его яры...

Рычанье колотится в пасти,

Как будто бы — грома удары...

Ну, все: темень хлещет зловеще

В глаза...

Но усилием воли

У барса сомкнул он на горле

Ручищ своих страшные клещи!

В один,

по кошаре катаясь,

Мгновенно сплелись они узел...

И барс захрипел, задыхаясь...

Ослаб...

И зрачки свои сузил...

Но тьма еще в них не клубилась,

И жизнь покидать не хотела

Могучего этого тела —
Она до последнего билась.
И долго чабан был не в силах,
От острой очнувшийся боли,
Разжать омертвевших, остывших
Ладоней у зверя на горле...

Потом под лучами рассвета,
У стенки дырявой и шаткой,
Стоял, потрясен этой схваткой
И тем, что решился на это...

О мужество, храбрость и стойкость,
О ярость борьбы и жестокость,
О сладкая радость победы,
Когда позади уже беды,
Когда позади все невзгоды!

Все вспомнив в мгновение это,
Стоял он и воздух рассвета
Глотал, как студеную воду.
И — странно:

теперь, когда барса
Он видел у ног бездыханным,
Ему не казалось странным,
Что, глядя, он им любовался,
Жалел, что, собою рискуя,
Красу погубил он такую...

Рассвет над ущелием вился.
В проснувшемся щебете, свисте,
Над лужицею серебристой
Склонился чабан, удивился:
Совсем на себя непохожий,
Ужели — с изодранной кожей,
С торчащей из ватника ватой,

В крови —

это он, седоватый

И сторбленный, как виноватый?!

И он сам себе поразился...

Пришел в эту явь мирозданья

Барс, чтобы не ведать страданья.

Но голод...

Все — голод!!

От века,

Где — жизнь по звериным законам,

Он делает и человека

Страдающим и обреченным,

А то и когтящим добычу,

Свое потерявшим обличье...

VIII

Все это теперь рассказал я Чаднову.

— Ну, прямо как в «Мцыри»,—

сказал он.—

А к слову,

Чем кончилось дело?..

— Слышал,— я ответил,—

Что дали заметочку в местной газете

Под рубрикой «Мужество»... Сам знаешь, Федя,

Барс снежный страшнее, сильнее медведя,

К тому же овца

беззащитней коровы...

— Да, меньшие братья... Им трудно без крова,

Без пищи... Их надобно всем нам беречь...

Я глянул на друга:

— Об этом и речь!..

В тот день мы, о многом еще говоря,
Не раз и не два к чабану возвращались.
Чаднов заключил, чабаном восхищаясь:
— Исполнив свой долг, рисковал он не зря!
Жаль редкого зверя... Но слава и тем,
Кто в схватку со злом в непроглядную темь
Бросается, силы теряя от ран,
И кто побеждает, как этот чабан!..

* * *

Журналисты, писатели — дошлый народ:
Все им надо узнать досконально,
Им быстрее подавай про расход и приход...
И, я думаю, это — нормально.
Ибо жизнь — это цепь узнаваний. И нет
Узнаванью предела на свете...

И спросил представитель одной из газет:
— Вот о вас говорили в газете,
Что директор вы смелый... А силу свою
В чем вы видите?.. Если возможно,
 Попрошу осветить...

— Эту силу мою

Объяснить будет просто и сложно,—
Дед говаривал: «Мудрости старой внимли:
Нет топорика без топорища!
И лучину одну сколько хочешь пали,
Без дровишек — не будет кострища!..»
Вот как молвили старые... Думаю я,
Что немного неполной была та статья.
Я ведь только директор, не боле.
Если есть во мне сила — в том сила моя,
Что я зернышко сильного поля!
Может, это банально, но истина тут.

Вот и все...

Вас, писателей, вечером ждут...

В шесть сегодня, чтоб встретиться с вами, придут

Наши главные специалисты...

Зададите вопросы. И вам зададут,

Пусть они — и не очень речисты...

* * *

Просторный светлый кабинет,

Казалось, не вместит их...

Все знали: Чехова-то нет

Среди гостей маститых.

Нет Пушкина... Но собралось

Народу тут немало.

Назвать писателей пришлось

Директору сначала.

Чаднов нас каждого назвал,

Представил с уваженьем.

Был кабинет как клубный зал,

Где за любым движеньем —

Да что глаза — сердца следят,

Внимать им не уставши...

Сказал Чаднов:

— А вот сидят

Специалисты наши...—

И их назвал по именам,

По званиям, представив нам.

И завязался разговор.

О нем я помню до сих пор...

Особого в нем ничего.

Но предо мною снова —

Тот, осеняющий его,

Высокий свет Чаднова,
Его друзей:

и речь иль взгляд,
Иль мыслей строй, иль хватка,
Во всем — души и слова лад,
Уменья и порядка!..

...Способный разглядеть в ночи
Росток, как огонек свечи,
Поведал главный агроном,
Какие и каким зерном
Щедры поля совхоза...
И, помню, в чуткой тишине
Поэзией казалась мне
Совхозных будней проза.

А зоотехник молодой
Про поголовье, про надой,
Про сено, силос и сенаж,
Про кормокухни и дренаж
Так рассказал, что дай-то бог,
Чтоб объяснял так педагог.

И главный инженер пример
Явил нам связи тесной
Науки с практикой: ряд мер
В беседе интересной
Назвал — с их помощью совхоз
Ручных работ тяжелый воз
Механизации рукой
На вечный перенес покой.
И об ипатовском сказал
Он методе. И схемы
С готовностью нам показал.
Но удивились все мы,
Когда — глазами он прирос

К бумаге и устало
За фразой фразу произнес:
В нем что-то вдруг оборвалось —
Речь скучной, пресной стала.
И мысль ясна, да — не она,
Не та, что юркой рыбкой
Вольна была взмывать со дна
Любого факта, взнесена
Усмешкой иль улыбкой —
Таким движением души,
Что этого движенья
Не повторить, хоть речь пиши
Аж до изнеможенья.
И пусть оратор — даже маг,
Но речь его — полова,
Когда шушание бумаг
Убьет живое слово.
Коль на собранье ученик
Прилежно и бесстрастно
К бумажке, вижу я, приник —
Мне за мальчишку страшно.
Свободная, живая речь,
Способная сердца зажечь!..
Как это важно — с детства
Принять ее в наследство!

Директор посмотрел остро.
Беседу заключая,
Сказал — и подмигнул хитро:
— Порой, «души не чая»
В начальнике, твердят ему:
Мол, славой обеспечен!
И непонятно, почему
Столицей не замечен...
И сам-то льстец ему — в отцы
И опытом годится,

И возрастом... И льстят льстецы,
По этой части мудрецы,
Чтоб лучше утвердиться.
И клюнет кое-кто подчас:
Слаб человек, мол... Нет уж!
«Слаб человек» — то не про нас,
Слаб — это тряпка, ветошь...

И, задержав на ком-то взгляд,
Добавил: — Есть, что и не льстят:
Им только б видеть часто
Высокое начальство...
Один читает по глазам.
Ему оттенок взгляда
Дает понять: не в духе «сам» —
«Сам» — это я или мой зам! —
Лезть на глаза не надо...
Другой неделя как пришел! —
А мыслит так: «Сумею
Познать Чаднова хорошо,
Счесть мысль его — моею,
Поймать ее, когда ее
Мне раскрывать он станет,
И он — произнесет свое:
«Умеет!.. Знает!.. Тянет!..
И мыслит!..»

Я и произнес:
«Давайте вместе мыслить...
Понятно?.. Вместе!.. Чтоб совхоз
Успехами возвысить.
Мысль в мысль ударит, как кремень,
И — высечется искра.
И — явит всходы новый день
Из поиска и риска!
И озарит успех лучом

Достигнутые выси...
Друг друга подпирать плечом
Работы, слова, мысли —
Лишь только так придет успех!
Да дело делать мощно,
Чтоб, после испытаний всех,
И — в космонавты можно!
А что?! Отправим хоть сейчас
На будущие старты —
Есть космонавты и у нас...
(Заулыбались все!..) Как раз
Гостям послушать бы рассказ,
Как «космонавтом» стал ты...—
И к зоотехнику, тому,
Что молвил про надои:
Кому же, если не ему,
Ведь дело молодое —
Штурм космоса!.. Он молод сам,
Как те, что взмыли в небо,
И сам под стать тем молодцам,
Хоть в космосе и не был!..—
Давай-ка, расскажи гостям,
Ты по каким прошел путям,
Какую боль-обиду
Ты перенес, чтоб выйти к нам —
Найти свою орбиту...

И зоотехник, чуть смутясь,
Встал, поднятый Чадновым:
— А с космосом такая связь,
Вернее, с этим словом,
Сложилась у меня, когда
Я вдруг при всем народе
(Не здесь работал я тогда...)
Сказал, не зная вроде,
Директору: «Один вопрос...

Вы вместо «космоса» — «космос»
Нам говорите часто...—
И, по наивности, понес:—
Быть может, я и не дорос
До знания начальства?..
Так как же: «космос» иль «космос»
Произносить я должен?..
Побагровел: «Молокосос!..
Вот до чего я дожил...
Учить меня?.. Как смеешь ты
Так говорить... публично...»
Другой бы, может быть, в кусты,
А я ему вторично:
Мол, и директору резон
Учиться и под старость...
Он онемел. Стал бледен он,
Как будто вдруг усталость
Сковала речь ему...

Потом,

Назавтра, в кабинете,
Как бог сидел он за столом,
Единственный на свете.
Сейф отворил — могучий сейф —
Порылся в нем... И, снова сев,
На стонущее кресло
Едва вмещаая чресла,
С улыбкой проскрипел в тиши:
«Космос» ли, «космос» — сам реши...
Вот документы... Вот печать...
Совхоз возглавишь — поучать
Ты волен будешь весь совхоз,
Как, «космос» верно? Иль «космос»?..
Добро б, в «епархии» своей,
Пускай бы хоть не грамотей,
Дела он вел умело...
А то — страдало дело...

Пять лет, как умер... Но совхоз
О нем не пролил горьких слез.
Он злобен был, чванлив, ретив.
Все пелось на один мотив:
«Молчатые!..», «Я знаю лучше!..», «Я!..»,
«Во всем заслуга тут моя!..»
В заслугах грудь — на фронте был...
А в людях — зрил лишь стадо:
Сановный вид... Вельможный пыл...
Высокомерность взгляда...
Откуда это все?.. Никак
Все не вязалось с прошлым.
Твердил: «По делу я — батрак...»,
А стал?.. Пронырой дошлым.
Любил ближайшим намекать,
Что волен лести потакать,
Что, мол, не лыком шитый все ж,
Коль в области он в «сферы» вхож
И на ноге короткой
Он с тем да с тем... Вздв палец ввысь,
Как мачту, плыл... Года неслись.
Но был он — утлой лодкой.
И, как ни странно, плыл и плыл,
Да черпал на ходу не ил,
А крупную добычу
И на глазах у всех валил
На свою шею бычью.
Что в «сферах» «сам», когда он сам —
Всех «самых» самовитей?!
Текла усмешка по усам!
И обступала свитой
Уродливость продажных душ,
Каких еще немало...
И восклицала: «Ах, мой муж!»—
Жена... «Что с вами б стало,—
Бросала, будто кость, родне,—

Каб не его забота?!»
И ближним снился он во сне,
В благополучной тишине,
Единственным во всей стране,
Кто «вкалывал» до пота...
Жена устраивать родню
Умела... Сын-верзила
Менял немало раз на дню
Костюмы. И возила
Его по селам благодать:
Шабашил он с дружками.
И там, где могут больше дать,
Брал голыми руками,
Поскольку строил — не ахти,
И — схлопотал за дело...
А мне пришлось потом уйти —
Директора задела
Самостоятельность моя:
«Когда во всем мое здесь «я»,
Твое здесь «я» — нахальство!
Да как посмел, негодник, сметь
На службе мнение иметь
Иное, чем начальство!..»
Вот так я оказался тут,
Где мненье каждого и чтут,
И уважают... Этот труд,
Скажу я вам, прекрасен,
Коль знаешь, что вошел в него
Резон сужденья твоего,
Что он пред всеми — гласен...
— А гласность,— подхватил Чаднов,—
Не значит — много громких слов,
Чтоб ветром их носило:
Тут только Правды сила!
Вот так живем... Так будем жить!
С чем нам расстаться нужно,

Все ею можно обнажить,
Коли живем мы дружно...
Ну, а теперь пора кончать —
Гостей устанут в клубе ждать.—
Он глянул на часы.— Парторг
Сейчас и подведет итог,
Заканчивая встречу...
Но я в конце замечу:
Пусть мне простит, о ком сейчас
Я говорил — он среди нас.
Хоть молод, но участок свой
Ведет он дельно... Не впервой
Твержу, что парень — с головой!..
Умеет!.. Знает!.. Тянет!..
Не льстит... Не партизанит!..

Парторг был краток...

Сухощав.

Лет сорока, не старше...
— Нас в клубе ждут, директор прав...
На сцене — поле ваше,
Делянка — это сборник, том
Стихов, рассказов, басен...
Да, красен человек трудом!
Труд каждого — прекрасен!..

* * *

Да, прихотливы те дороги,
Где вместе мокли мы и дрогли.
Они — и тропы, и окопы
Родной земли, чужой земли,
По ним почти что пол-Европы
Мы, победители, прошли.
И не оттуда ли, бела,

Она мной начата была,
Чтоб через долгие года
И дали протянуться
И привести меня сюда —
Не дать нам разминуться?!
Пах воздух вовсе не шафраном,
Но он мне сладостным аршаном
Казался, и его я пил,
Как воду родника в степи.
И, словно степь в апреле, клумба
Цвела и рдела возле клуба,
И трепетал над клубом стяг.
И, на большом щите пред нами
С писательскими именами
Чуть ниже слов «У нас в гостях»
Свою фамилию увидев,
Подумал я: мой беден слог,
Чтоб, слабой строчкой не обидев,
Воздать им по заслугам мог,
Их труд прекрасен и высок...
Тут нужен Пушкин, Чехов, Блок!..

Я в зал глядел — на лица их,
Мне незнакомых, но родных.
И всю чадновскую родню —
И стариков, и ребятню —
Прижать к груди хотелось мне.
И сам родным его родне,
Мне чудилось, я стал тогда,
Как и они мне, навсегда!

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения

«В насыщенном чередованье...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	7
«Мать — Родина!..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	8
Дети на сцене. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	9
«Везде, в любые времена...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	10
Благопожелание. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	11
«Не забудьте об одном...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	12
Другу стиху. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	13
Златоуст. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	14
Мысль и слово. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	16
«Когда творить добро желаешь ты...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	17
Когда оживает слово. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	18
«О Пушкин!..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	19
Чудо Пушкина. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	21
Возраст Пушкина. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	22
Читая Пушкина. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	25
«Понятье «Пушкин»!..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	27
Пушкин в наших сердцах. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	28
Три слова. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	29
Надпись на памятнике Пушкину в Элисте. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	30
«Порою жизни поздней, осенней...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	31

«И я постиг, что музыка безмолвно...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	33
«Когда в прекрасных ласковых глазах...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	34
«На облик ненаглядный...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	35
Кто же она — любовь? <i>Перевод Ю. Нейман</i>	37
«Когда, спасаясь от метели...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	39
«...И вдруг я оказался в некоем крае...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	40
«Опьянена блистанием минуты...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	42
«Когда густой туман житейских мелочей...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	44
«Нет для меня желаннее труда...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	45
В лесу. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	46
Подарок. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	49
«Нет силы смертоноснее, чем слово...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	51
«Еще не создавали свет...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	52
«Моя соседка...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	54
Разгадка. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	55
Жди! <i>Перевод В. Стрелкова</i>	57
Четыре стихотворения, написанных на русском языке	
«Нет, нет! Я вовсе не жалею...»	58
«Гармонию мелодий без звучаний...»	59
«Улыбкой ласковой привет...»	60
На день рождения...	61
Слушай команду! <i>Перевод Ю. Нейман</i>	62
Слезы. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	64
В кино, где полыхала война. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	66

Память. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	69
Тревога. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	72
В дороге. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	75
Лебеди плывут... <i>Перевод Ю. Нейман</i>	77
«Вдалеке от шумных поселений...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	79
Из' американских встреч. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	80
«Как-то на земле Туниса...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	82
Дóма. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	83
Высокий свет. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	86
Россия. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	88
«С тех пор как я узнал слова...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	89
Ода Москве. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	90
«Ушла зима...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	93
«Благодари верблюда и коня!..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	94
Возвращение в Элисту. <i>Перевод В. Стрелкова</i>	96
Элиста. <i>Перевод В. Стрелкова</i>	97
В хороший год. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	98
«По небу облака кочуют...» <i>Перевод В. Стрелкова</i>	100
«Когда в сияющем апреле...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	102
«Ты видишь сам...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	103
Осенью. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	104
«Вдыхая запах утренних газет...» <i>Перевод В. Стрелкова</i>	105
Рыбак. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	106
Истоку. <i>Перевод В. Стрелкова</i>	108
Университет. <i>Перевод В. Стрелкова</i>	109
Мираж. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	110
Дар Волги. <i>Перевод В. Стрелкова</i>	111

«Минувшего нам очевиден путь...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	112
«Не сердись на правдивое слово...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	113
Кто старше? <i>Перевод Ю. Нейман</i>	114
«Кто свой родной язык не признает...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	115
Древние слова. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	116
Гоголь в парке Саки. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	117
«Ежевечерне в ясной вышние...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	119
Судьбе спасибо. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	121
«Преодолев молчанье упрямое...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	122
«Без цели видимой почти...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	123
Две стихии. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	124
«Как только строчка за строкой...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	125
«Когда настанет время умирать...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	126
Голос. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	127
Картина. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	129
Что думает наш прадед. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	131
Красота добра. <i>Перевод В. Стрелкова</i>	133
Наши долги. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	135
«Вчера был славный врач у моего...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	136
Когда придет беда... <i>Перевод Ю. Нейман</i>	137
Советы. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	138
Рай. <i>Перевод Я. Хелемского</i>	140
«Глупец, на друга рассердясь...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	141
«Мы смотрим вдаль с надеждою и верой...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	142
«Лопатку кролика впервые я разглядывал...»	

<i>Перевод В. Стрелкова</i>	143
Гениям прошлого. <i>Перевод Ю. Нейман</i> . .	145
Памяти Аркадия Кулешова. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	147
«Потоки славословий шумных...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	148
«Заслуженное слово — «Я»...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	149
«Что ни год, — быстрее жизни ход...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	150
Преграда. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	151
В больнице. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	153
«Как тяжело, как больно видеть мне...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	155
«Недугом вынит, став бескровной тенью...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	156
Аэропорт закрыт... <i>Перевод Ю. Нейман</i> . .	157
«Кто правде служит — не погибнет тот...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	160
«Природа острою вещей...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	162
«Услышу: человек попал в беду...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	163
Беспокойство. <i>Перевод П. Антокольского</i> . .	164
«День-деньской кипя в житейской гуще...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	168
Опыт жизни. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	169
«На гибкой черноте ветвей...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	170
Глубокой осенью. <i>Перевод Ю. Нейман</i> . .	172
Покидая Пицунду. <i>Перевод Ю. Нейман</i> . .	173
Седьмое апреля. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	174
Другу. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	176
«Когда бы все свои советы...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	178
Школа-лебедь. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	179

Баллада истребителя тьмы. <i>Перевод М. Дудина</i>	181
Баллада диких тюльпанов. <i>Перевод М. Дудина</i>	184
Письмо ласточки. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	187
«За минувшие тысячи лет...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	188
«Годов давно прошедших череда...» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	189
Ошибка Аристотеля. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	190
«Сам я не верю в бога...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	191
«Когда откроется случайно...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	192
Земное притяжение. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	193
Корень (отрывок из поэмы). <i>Перевод Ю. Нейман</i>	196
Имена в саду. <i>Перевод В. Стрелкова</i>	198
Бабушка и внук (легенда). <i>Перевод К. Алтайского</i>	200
«Если сильному по вкусу чья-то слава...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	204
«Жаден ты бесстыдно, непомерно!..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	205
«Помните, друзья,— а помнить нужно!..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	206
Завистник. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	207
«В кого ты уродилась, право!..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	208
«Он говорил о мертвом друге...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	209
Зачем? <i>Перевод Ю. Нейман</i>	210
Нос. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	211
«Пускай в дому своем престижном...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	212
«Преображенья Райкина мгновенны...» <i>Пере-</i>	

<i>вод В. Стрелкова</i>	213
<i>«Когда любовь свою поет...» Перевод Ю. Нейман</i>	214

Поэмы

<i>Большой театр. Перевод Ю. Нейман</i>	217
<i>Хатынь. Перевод Ю. Нейман</i>	226
<i>Курдючная овца. Перевод Ю. Нейман</i>	230
<i>Грустная повесть. Перевод Ю. Нейман</i>	234
<i>Сказка об уже. Перевод Ю. Нейман</i>	239
<i>Восхождение. Перевод Ю. Нейман</i>	252
<i>Град в Венеции. Перевод Ю. Нейман</i>	262
<i>Директор. Перевод В. Стрелкова и Д. Долинского</i>	277

Давид Никитич Кугультинов

ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

Стихотворения и поэмы

Редактор С. Агальцов

Художественный редактор А. Дишнин

Технические редакторы В. Никифорова, Н. Ганина

Корректор В. Дробышева

ИБ № 4840

Сдано в набор 18.11.86. Подписано к печати 26.01.87. Формат 70×90^{1/32}. Гарнитура литерат. Печать офсетн. Бумага офсетн. № 1. Усл. печ. л. 12,87. Усл. кр.-отт. 42,41. Уч.-изд. л. 12,19. Тираж 25 000 экз. Заказ 4586. Цена в бумвиниле 1 р. 60 к. (24 000 экз.); в конвар-перфекте 1 р. 80 к. (1000 экз.)

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР

123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62.

Госкомиздат РСФСР

Полиграфическое производственное объединение «Офсет» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Волгоградского областногокома. 400001, Волгоград, ул. КИМ, 6.

10. GDB.